

АНО «Содружество народов Евразии»

АНО «Содружество народов Евразии»

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ**

Выпуск первый

Оренбург-Актобе, 2015 г.

ББК
УДК
Е

Под общей редакцией:

Амелина В. В. – доктора исторических наук, профессора

Ответственные редакторы:

Денисов Д. Н. – кандидат исторических наук

Моргунов К. А. – кандидат исторических наук

«Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Выпуск первый / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. – 186 с.

ISBN

В сборнике представлены материалы научно-практических мероприятий, организованных и проведенных АНО «Содружество народов Евразии», совместно с партнерами, в г. Оренбурге и г. Актобе в первом полугодии 2015 года: международного круглого стола «Вместе на одной земле. Роль культуры и образования в развитии интеграционных процессов» (г. Актобе, 3 марта 2015 г.); международной Российско-Казахстанской научно-практической конференции «Музеи как центры сохранения и популяризации этнокультурного наследия народов Урало-Казахстанского региона», посвящённой 185-летию музейного дела в Оренбуржье (г. Оренбург, 29 мая 2015 г.); международного круглого стола «Славяне в этнокультурном пространстве Урало-Казахстанского региона», посвящённого Дню славянской письменности и культуры и 20-летию Ассамблеи народа Казахстана (г. Актобе, 23 мая 2015 г.)

Издание адресовано ученым, специалистам в области государственного управления и международного сотрудничества, а также всем интересующимся вопросами развития интеграционных процессов на Евразийском пространстве.

ISBN

© Коллектив авторов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ВМЕСТЕ НА ОДНОЙ ЗЕМЛЕ. РОЛЬ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В РАЗВИТИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»

(г. Актобе, 3 марта 2015 г.)

Максименко Е.И. (г. Оренбург, Россия)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Параллельно с тенденцией расширения глобализации в мире продолжают углубляться интеграционные процессы, объективно отражающие закономерность усиления взаимосвязи и взаимозависимости государств, и как следствие тому - активизации сотрудничества государств во всех основных сферах жизнедеятельности, в особенности – в политической, экономической, военной, и, разумеется, – в правовой. Евразийские интеграционные процессы являются объективными и основаны на глубоких исторических и духовных связях между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Армении и отвечают национальным интересам этих государств. Сегодня в концентрированном виде интеграционные процессы получили свое логическое выражение в Договоре о евразийском экономическом союзе. Основу этого Договора составили основные принципиальные положения Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года, принятой на уровне глав государств Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. С вступлением в силу 1 января 2015 года Договор о евразийском экономическом союзе стал источником международного регионального права. Реализация этого Договора возможна при условии неукоснительного следования принципу добросовестного выполнения международных обязательств, являющегося одним из общепризнанных норм международного права. Интеграционные процессы неизбежно вызывают тесное взаимодействие международного и внутригосударственного права. В данном взаимодействии ведущей стороной является международное право. Признание приоритета международного права во взаимодействии обеих правовых систем является официальной позицией на данный момент всех членов евразийского союза. Так, Конституция Республики Беларусь, указывает на приоритет международного права «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» (ст.8). В Конституции РФ есть соответствующая норма (ч. 4 ст. 15), согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации признаются составной частью российской правовой системы. Согласно п. 3 ст.4 Конституции Республики Казахстан международные договоры, «ратифицированные Республикой, имеют приоритет

перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона». Детализация отношения к международному праву Республики Казахстан дана в ст. 8: «Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права, проводит политику сотрудничества и добрососедских отношений между государствами, их равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров, отказывается от применения первой вооруженной силы». И хотя мы видим, что только в Конституции Республики Беларусь использован термин «приоритет международного права», можно сделать вывод о том, что и два других члена евразийского союза в своих основных законах подразумевают признание приоритета международного права. Активизация сотрудничества государств прослеживается не региональном уровне. Так, профессор С.В. Черниченко сделал важный вывод о том, что по мере возрастания интеграционных процессов повышается необходимость создания сообщества правовых государств, которое будет способствовать господству права в международных отношениях.

Как известно, право, по одному из своих функциональных свойств представляет собой формально взвешенную справедливость, обеспечивающую сбалансированность интересов участников правоотношений. Следовательно, государства в целях обеспечения собственных интересов, т.е. интересов своих национальных обществ, вступают в различные союзы (сообщества) и тем самым принимают на себя международно-правовые обязательства, вытекающие из учредительных договоров, а также признают необходимость осуществлять общепризнанные принципы и нормы международного права. Члены Евразийского союза в этом плане не являются исключением. Степень заинтересованности участников Евразийского союза может быть неодинаковой и вместе с тем можно выделить общие интересы государств-членов евразийского союза, которые отражаются в целях Евразийского союза: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики» (ст. 4 Договора). Указанные цели предполагают признание государствами-членами евразийского государства свободы торговли в рамках евразийского союза, всестороннее участие в формировании единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, что будет способствовать главной цели евразийского союза, т.е. созданию «условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения». Таким образом, членство в Евразийском союзе никоим образом не таит в себе угрозу ограничения суверенитета каждого его члена, Свидетельством тому является предусмотренная Договором возможность государства вводить в своем праве ограничения по следующим основаниям: «1) охраны жизни и здоровья человека; 2) защиты общественной морали и

правопорядка; 3) охраны окружающей среды; 4) охраны животных и растений, культурных ценностей; 5) выполнения международных обязательств; 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.» (ст. 29 Договор о Евразийском экономическом союзе).

Купенова Г. Ы. (г. Актобе, Казахстан)

ОРЕНБУРГСКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ

Введение

Изучение истории российской этнополитики в последние годы стало одной из весьма актуальных тем отечественной исторической науки, изучение истории Российской империи как полиэтнического государства стало более интенсивным. В этом отношении актуальным оказался исторический опыт имперской политики России, которая на протяжении всего времени своего существования представляла собой государство, отличавшееся ярко выраженным этническим, конфессиональным, административным и культурным разнообразием.

Обращение к историческому прошлому, вызванное современными национальными проблемами, ставит перед исследователем вопрос, а существовала ли в Российской империи отчетливо сформулированная концепция национальной политики. Переход же к комплексным исследованиям показал все разнообразие действий самодержавия в отношении отдельных народов и окраинных территорий, особенно во второй половине XIX - начале XX века, периода имперской модернизации России что, безусловно, подчеркивает значимость данной работы. Ведь религиозные и национальные проблемы занимают важное место во внутренней политике государств, которые не являются этнически однородными образованиями и потому вынуждены постоянно заботиться о сохранении своего территориального единства.

Безусловно, с самого начала существования империи специфические местные потребности (например, политического или административного характера) вовлекали регионы с нерусским населением в поле внимания властей, которые были вынуждены в связи с этим вырабатывать мероприятия для каждого конкретного случая. Осмысление же и концептуализация политики, направленной на урегулирование межэтнических отношений в империи в целом произошло во второй половине XIX века, когда гетерогенный характер Российского государства стал особенно отчетливо осознаваться имперскими властями как политическая проблема. Этому способствовало распространение национальных идей, ставших угрозой сословнодинастическому имперскому патриотизму, на который опиралось Российское самодержавие.

Присоединение народов и территорий к Российскому государству было довольно сложным историческим явлением. Каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно присоединение (иногда в виде завоевания), то есть, установление российского подданства; постепенная инкорпорация в структуру государства; наконец, ассимиляция, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации. Этим процессам соответствовали некоторые объективные тенденции. Во-первых, медленная, но неуклонная унификация юридического статуса территорий, установление единого стандарта подданства и управления; во-вторых, русификация, которая отнюдь не должна трактоваться как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался прежде всего объективным обстоятельством – численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России. Обе тенденции то ослабевали, то усиливались, но в разных формах постоянно присутствовали в российской истории XVI-XIX веков. Сознательно же они были возведены в ранг государственной политики только в конце XIX столетия.

Со второй половины XIX века российская имперская политика претерпевает изменения.

Одним из факторов, повлиявших на формирование имперского курса, стали национальные движения, которые в XIX веке охватили почти все этнические группы в Российской империи. Подъем национальных движений, с одной стороны, и изменившийся имперский проект, с другой, поставили перед властью новую проблему инородческий вопрос, который состоял из более мелких «вопросов», как, например: польского, финляндского, остзейского, еврейского, мусульманского и др. Решение этих «вопросов» должно было обеспечить успех стратегии самодержавия, направленной на превращение Российской империи в «единое и неделимое» государство.

Целью данной статьи является исследование школьной политики Российского государства на примере деятельности Оренбургского учебного округа в период 1874-1890 гг. Опираясь на конкретно-исторический материал, выявление общих закономерностей и региональных особенностей процесса. В соответствии с этим перед нами поставлены задачи анализа исторических и научно-теоретических предпосылок формирования Оренбургского учебного округа, выявления цели и основных направлений деятельности учебного округа.

Образование Оренбургского учебного округа

По замыслу властей, средством решения инородческих вопросов должна была стать политика сближения. Имея определенную специфику по отношению к различным инородцам, эта политика фактически заключалась в сочетании ограничительных мер с мероприятиями, направленными на распространение русских учреждений, русской культуры и, прежде всего, русского образования. Школы представили собой прекрасное средство для проведения русификаторской политики, следствием которой стало появление молодых

«иностранцев», ставших русскими по образованию, духу, лишившихся своих национальных корней, верно служившие царской России.

Для достижения указанной цели предполагалось воздействовать на умы коренного населения, чтобы сделать из нерусских народов преданных людей в этой отдаленной окраине империи. Отсюда вытекали определенные выгоды. С одной стороны, для русского чиновника не возникало необходимости знать язык казахов, их обычаи, традиции, к тому он и не утруждал себя в этом деле. С другой стороны, казах, научившись русскому языку, впервые получал «правильные сведения о русском Государстве, о русском народе и распространяет полученные знания среди своих соплеменников» [1, 6].

Для образования нерусских народов на одной из отдаленных окраин империи был образован в 1874 году Оренбургский учебный округ. Выбор его как объекта нашего исследования был не случаен, его открытие и дальнейшая деятельность, несомненно стали показателем всей глубины реализации национальной политики империи, начиная с 1870-х годов, что позволила раскрыть богатую фактическую историю мусульманского и правительственного секторов просвещения в крае, эволюции школы, четко представила основные направления и результаты политики царизма, в области школьного образования по линии Министерства народного просвещения.

Понятно что, спецификой вышеуказанного учебного округа стал его пестрый этноконфессиональный состав населения, обусловленный, прежде всего его трансграничным положением, размещением на стыке Европы и Азии. Учебный округ являлся одним из территориально обширных округов, представлявшим трудности в деле организации попечительства. Оренбургский учебный округ занимал громаднейшее пространство в 1 264 634 кв.верст (что в 3 раза больше территории Франции) с многонациональным и поликультурным составом населения 10 235 092 человек (для сравнения: Санкт-Петербургский учебный округ – 8 миллионов человек). Округ населяли более 15 народностей: 62 % - русские, 38 % - иностранцы¹. Соответственно задачей новообразованного учебного округа являлось «сплочение разнородных частей в одно целое тело, проникнутое одними понятиями и чувствами»².

По мнению правительства, школа являлась не только «рассадником просвещения и проводником идей русской государственности», но и средством объединения многочисленных народностей, населявших империю. При этом важное место отводилось государственному языку, как одному из важнейших факторов государственного единства³.

Потребность в организации самостоятельного округа объясняется прежде всего тем, что реформы середины XIX века (1850-1860 гг.) представляли собой новый этап в образовательном процессе. Усложнились задачи средней и

² Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875-1899 гг.). Выпуск 1. – Оренбург, 1901. – С.12-15.

³ Кэмпбелл (Воробьева) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Иностранческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – Москва, 2001. – С.3.

высшей школы. Одним из направлений политической деятельности правительства было приближение управленческого центра к образовательным учреждениям, какими бы они ни были. В условиях численного роста образовательных учреждений Казанский учебный округ не справлялся со всеми задачами управления образовательным процессом в Оренбургской и Пермской губерниях из-за территориальной отдаленности. Отмечено, что кроме вышеназванных губерний в состав Казанского учебного округа входили также Казанская, Вятская, Нижегородская, Тамбовская, Саратовская, Пензенская, Астраханская, Кавказская, Симбирская, Тобольская, Иркутская губернии. Более того, из-за территориальной отдаленности многие образовательные учреждения оставались без попечительского надзора. Это касается Уральской и Тургайской областей, для которых 11 февраля 1867 года была учреждена должность окружного инспектора, обязанного проживать в Оренбурге. В связи с экономическим ростом Волжско-Уральского региона и при отсутствии или неразвитой сети образовательных учреждений, входивших в состав Казанского учебного округа, остро ощущалась потребность в научных и технических кадрах. В целом, территория, подконтрольная Казанскому учебному округу, составляла 1.300.000 кв.верст, а численность населения - 16 миллионов человек. Попечитель и окружные инспектора не имели возможности осуществлять эффективное руководство образовательными учреждениями округа.

С вопросом о создании самостоятельного учебного округа Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский Н.А. при поддержке попечителя Казанского учебного округа Шестакова П.Д. 27 февраля 1873 года обратились к министру народного просвещения Д.А. Толстому с ходатайством об открытии нового учебного округа¹. Император Александр II 18 мая 1874 года подписал Указ об образовании Оренбургского учебного округа², а фактическое его открытие состоялось 1 января 1875 года в связи с началом финансирования штата учебного округа³. Так, 18 мая 1874 года, из состава Казанского учебного округа были отделены некоторые губернии и образован был самостоятельный учебный округ, центр которого был помещен в городе Оренбурге. В состав новообразованного учебного округа вошли преобразованные в 1865 году, - Уфимская, Оренбургская, Пермская губернии, а также Уральская и Тургайская области, образованные в 1868 году.

Вопрос о формировании и открытии Оренбургского учебного округа, как особого объекта был обсужден еще в 1865 году. После разделения в 1865 году Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую, Шестаковым П.Д., попечителем Казанского учебного округа, было сделано ходатайство об учреждении в Оренбурге мужской гимназии. После чего, генерал-губернатором

¹ Статистические сведения о сельских училищах Европейской России и Привислянской губернии // Статистический временник Российской империи. Серия 3. Выпуск 1. – Санкт-Петербург, 1884. – С. 802.

² Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Том 1. – Санкт-Петербург, 1911.

³ Бородин Н. Очерк первоначального образования в Уральском казачьем войске (по отчетам учителей за 1885/86 учебный год). – Оренбург, 1897. – С.117.

Оренбургского края – Крыжановским Н.А. была составлена комиссия для обсуждения положения учебного дела в Оренбургском крае. В состав этой комиссии вошли: директор Неплюевского кадетского корпуса генерал-лейтенант Домерщиков, полковник Боборыкин, управляющий областью Оренбургских киргизов флигель-адъютант-полковник Баллюзек, старший советник Сахаров, инспектор Неплюевского кадетского корпуса полковник Митурич, начальник военного училища полковник Корватовский, депутаты от Оренбургского казачьего войска подполковник Чернов и войсковой старшина Чернев.

Основной целью политики школьного образования в крае являлась, по мнению генерал-губернатора Оренбургского края Крыжановского Н.А. единое духовное воспитание нерусского населения региона, представлявшего важное стратегическое значение для империи. На первом заседании комиссии, прошедшего 29 октября 1865 года, Крыжановский Н.А. отметил в своем докладе что, «основной мыслью в организации воспитательных заведений в Оренбургском крае, должна состоять в обобщении воспитанием всех разнородных элементов населяющих этот край»¹. К его докладу, был приложен проект положения об Оренбургском учебном округе, в котором были четко представлены причины его срочного учреждения. Причин для открытия нового учебного округа было указано несколько, первой из которых, была указана необходимость территориального уменьшения громоздкого Казанского учебного округа, для соответствующей организации учебной работы. Затем, неудобство в руководстве учебными заведениями, в связи с зависимостью ее от двух центров - Оренбургской, в котором находилось «местопребывание высшей административной власти» и Казани – «местопребывание попечителя учебного округа». Важной по мнению комиссии была причина «готовности населения Оренбургского края к распространению в своей среде образования». Как отмечалось в докладе Крыжановского Н.А.: «Дикий край занимал в учебном отношении едва ли не первое место, после губернии столичных» и в связи с этим, переходу «цивилизационно-миссионерских задач» полностью Оренбургскому учебному округу»².

Ходатайство Министерства народного просвещения в государственный совет о необходимости основания Оренбургского учебного округа, с разрешения естественно императора Александра II произошло в 1870 году, после вхождения в состав Казанского учебного округа учебных заведений Уральской области.

Первой причиной указанной графом Толстым Д.А. для учреждения нового учебного округа, являлась «территориальная громадность Казанского учебного округа, отсюда - невозможность строгого контроля и частых посещений попечителем учебных заведений». Затем рост средних учебных заведений в крае, вследствие этого необходимость «подчинения всех

¹ Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875-1899 гг.). Выпуск 1. – Оренбург, 1901. – С.1-2.

² Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875-1899 гг.). Выпуск 1. – Оренбург, 1901. – С.3-5.

начальных народных училищ учебному начальству» и передача в ведении Министерства народного просвещения всех казачьих и «инородческих» (башкирских и киргизских) учебных заведений Оренбургского края.

Но самой основной причиной образования нового учебного округа, не представленной графом Толстым Д.А. в ходатайстве, но указанной в речи первого его попечителя, действительного статского советника Лавровского П.А., на акте торжественного открытия округа, стала «необходимость уничтожения розни среди огромного количества туземных народов – двух миллионов инородцев на восточной окраине империи», а также «задача сплочения разнородных частей в одно целое тело, проникнутое одними понятиями и чувствами»¹.

Министром народного просвещения России Толстым Д.А. так и было заявлено: «Конечною целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение и их слияние с русским народом»².

Средством решения данной задачи «сплочения разнородных частей», заключалась в «правильном воспитании и образовании ума и сердца, орудием которой есть наука в обширнейшем смысле слова, систематически проводимая в глубину масс народных, а проводником ее туда – прочно организованные школы». Организация таких школ среди огромного количества «инородцев», «правильное ведение в них воспитательного и просветительного дела, послужило вторым и главным основанием учреждения нового учебного округа, управление которого помещено почти в центре инородческого населения»³. Первой же явилось необходимость облегчения окружной Казанской администрации, «громадность которой составляла - 27000 кв.м. или на 1 миллион населения приходилось 1300000 кв. верст при 16 миллионном народонаселении».

С первого января 1875 года на содержание и управление Оренбургского учебного округа ежегодно отпускалось из государственного фонда 27409 рублей 60 копеек в год, из которых 8000 рублей шло на содержание попечителя округа⁴.

Задачи нового окружного учебного управления были определены и поставлены очень четко, в первую очередь, это «надзор за учебными заведениями, руководство правильным ходом воспитания и образования туземного юношества, в подготовке «надежных» учителей для инородцев, в открытии для них школ и в поучении их господствующей идее. Словом, из недоступно замкнутой среды образовать граждан русского царства, сочувствующих всем его истинным интересам», - далее отмечал в своей речи, попечитель учебного округа Лавровский П.А.⁵.

¹ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Выпуск №1. – Оренбург: 1875. – С. 9-10.

² Городенко Д.В. Образовательная политика России в отношении нерусского населения в XVIII–начале XIXв. Нижневартковский государственный гуманитарный университет. С.2.

³ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Выпуск №1. – Оренбург, 1875. – С.12.

⁴ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Выпуск №1. – Оренбург: 1875. – С.2.

⁵ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Выпуск №1. – Оренбург, 1875. – С.14.

Территория Оренбургского учебного округа составляла 1263921 кв.верст, с населением 7357929 человек. Численность населенных мест учебного округа по данным 1894 года составляла 18909, городов – 36. Губернии составляли в территориальном отношении 564090 кв. верст, с численностью населения 6512108 человек, а области 699831 кв.верст, с населением 845821.¹

Оренбургская губерния с городом Оренбургом, «центром инородческого населения» стала учебным окружным управлением, как аванпост продвижения русской государственности в Казахстан и в Среднюю Азию. В административном отношении Оренбургская губерния граничила на севере с Пермской, на востоке с Тобольской, на западе с Казанской и Самарской губерниями, а на юге со степями Казахстана.

Деятельность и результаты.

Одной из главных задач новообразованной школьной администрации состояла в усилении «христианизаторско-цивилизаторской» роли правительства среди местных народов путем увеличения числа «прочно организованных» русско-национальных школ. Для контроля над русско-национальными школами в Оренбургском учебном округе в 1875 году была введена должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Ее занял выпускник Казанской духовной академии, кандидат богословия В.В. Катаринский, оставивший заметный след в истории просвещения местных народов.

Со второй половины 70-х годов на становление образования нерусских народов заметное влияние оказал Н.И. Ильминский, который приобрел здесь влиятельных союзников в лице попечителя Оренбургского учебного округа П.А. Лавровского – бывшего директора Казанской духовной академии, инспекторов народных училищ - А.В. Васильева, М.Д. Попова, Уфимского епископа Никанора, предводителя Белебеевского уездного дворянства И.М. Бунина и другие².

Единственным типом школ для народа Н.И. Ильминский и его сторонники единогласно считали только церковный. «Религиозность должна составлять душу образования, основание всего», - подкрепляя, наставлял Н.И. Ильминский³. Направление обучения в школах правительственные чиновники однозначно сводили к воспитанию юношества в духе православия и верноподданничества. Что и было отмечено первым попечителем Оренбургского учебного округа П.А. Лавровским в своей программной речи на акте 50-летнего юбилея Уфимской мужской гимназии 11 октября 1878 года, где призвал педагогическую общественность края обратить внимание на

¹ Обзор Тургайской области за 1885 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Тургайского военного губернатора. – Оренбург, 1886. – С.3.

² Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60-90 гг. XIX в. – Москва, 1994. – С. 45.

³ Ильминский Н. О системе просвещения инородцев в Казанской центральной крещенно-татарской школе. – Казань: 1900. – С. 30.

преподавание «закона божьего», который «по праву должен быть краеугольным камнем всякого воспитания». Он поблагодарил Министерство просвещения за усиление в средней школе классицизма, как «своевременного средства лечения» политической «заразы в русском организме»¹.

В 80-е годы еще более усилилась русификаторская направленность школьной политики царизма в отношении коренного населения. Активизировалось вмешательство государства в жизнь национальных учебных заведений, причиной которого стал провал положения «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Несмотря на все усилия, правительству не удалось в полной мере ограничить деятельность и сферу влияния мусульманских школ - мектебов и медресе. Их количество продолжало расти, а контроль за ними учебных властей оставался чисто номинальным. Прекратилось учреждение при медресе русских классов, более того, их даже велено было немедленно закрыть. Дело в том, что они, как и «инородческие» школы, дали неожиданный, «незапланированный» властями результат. Изучение русского языка в них расширяло кругозор учащихся медресе, пробуждало у них тягу к передовой русской культуре, словом, превращалось в фактор развития национальной интеллигенции. Все это шло вразрез с национально-колониальной политикой царизма. «Рекомендуемое и даже навязываемое нами татарам русское образование весьма ловко обращается ими против наших... патриотических упований», - писал в 1886 году Н.И. Ильминский министру просвещения. Опасения по поводу развития культуры и пробуждения национального самосознания татарского народа он емко выразил в своей уже ставшей хрестоматийной фразе: «Фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин, а еще хуже аристократ, а еще хуже человек университетского образования»².

Малая эффективность принятых мер объясняется просчетами школьной политики правительства. Она преследовала нереальную на практике стратегическую цель ассимиляции башкир, татар и казахов с русскими через школу. Именно эта далеко идущая стратегическая цель и антинародные, принудительные методы ее проведения деформировали прогрессивное значение введения в медресе русского языка (через русские классы). Издания учебников на башкирском, татарском и казахском языках русским шрифтом.

С 80-х годов политика правительства по отношению к мектебам и медресе претерпела существенные изменения. Это было вызвано, прежде всего, началом трансформации традиционных религиозных школ в национальные учебные заведения башкир, татар и казахов, в связи со складыванием их в буржуазные нации.

Безоговорочное признание правительством за подчиненным ему мусульманским духовенством права на обучение башкир, татар и казахов было

¹ Речь попечителя Оренбургского учебного округа П.А. Лавровского на акте юбилея Уфимской мужской гимназии 11 октября 1878. – Оренбург, 1878. – С. 4, 12.

² Городенко Д.В. Образовательная политика России в отношении нерусского населения в XVIII–начале XIX в. Нижневартковский государственный гуманитарный университет. С.3.

одним из проявлений школьных контрреформ. Оно шло в главном русле школьной политики правительства, направленной на устранение общественности от участия в народном образовании. Мечеть, находившаяся на службе у царизма, должна была усилить его идеологию и влияние на школу, разрушить то, что делал сам народ для своего образования.

В 80-е годы, на российскую школу обрушилась новая реакция, в которой в полной мере отразились основные тенденции внутривластного курса самодержавия – охранительная и сословная. Крепостники во главе с Победоносцевым К.П. и Деляновым И.Д. делали все возможное, чтобы вернуть народное образование к феодальным принципам организации, прежде всего, к элитарности и церковности.

Второй цикл школьных контрреформ, начался с середины 80-х годов, с активного насаждения в стране церковно-приходских школ по Правилам 1884 года. Они должны были усилить влияние государства на народное образование и вытеснить скомпрометировавшие себя в глазах администрации земские школы. «Школа, устроенная при церкви, - уверял царя инициатор и организатор церковно-приходских школ Победоносцев К.П., - будет источником истинного просвещения народа»¹.

Средняя школа в 80-е годы стала еще более сословной, хотя попытки законодательно утвердить ее сословность провалились. В 1887 году были закрыты подготовительные классы гимназий, открывающие «низшим» сословиям доступ к среднему образованию, а также прекращен прием в гимназии детей, родители которых заняты были физическим трудом.

Возврат к сословным принципам школьной политики на первом этапе проведения реформ школы еще не был явным. Явным и откровенным он стал на втором этапе этих реформ, когда самодержавие открыто, выступило с программой дворянской реакции. Основную задачу внутренней политики, и в том числе политики в области образования, эта программа усматривала в восстановлении крепостнических сословных порядков, в замене бессословного начала сословным, в предоставлении дворянству особых прав и привилегий.

В условиях развертывания среди башкир, татар и казахов движения за реформу народного образования власти встали на путь безоговорочной поддержки конфессиональных мектебов и медресе. Они были провозглашены учебными заведениями, соответствующими «видам» правительства.

Контролируемые фанатично настроенными муллами низшие учебные заведения, как церковно-приходские школы, занимали важное место в выполнении основной задачи самодержавия в области начального образования, которая состояла в «охранении» народа, «как материка государства», от действительного просвещения, способного вывести его из патриархального состояния и поднять на политическую борьбу. В начале XX века попечитель Казанского учебного округа в своем представлении в Министерство просвещения подчеркивал, что «с точки зрения политической ... можно

¹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60-90 гг. XIX в. – Москва, 1994. – С.46.

мириться с инородческой школой конфессионального характера, чем с общеобразовательной школой национального характера»¹.

В 1894 году, в Оренбургском учебном округе действовало 3089 низших учебных заведений всех типов и наименований, из которых 1243 составляли церковноприходские и школы грамоты, что составило 40,2% в общем соотношении всех типов школ. Затем, одноклассные сельские и городские начальные училища, в числе 994, составивших 32,2%. Таким образом, большинство среди всех других типов школ начального образования составляли церковноприходские и школы грамоты, представляя почти половину в общем соотношении. Количество учащихся в церковноприходских и школах грамоты составило 38613 из 165182 всех учащихся низших учебных заведений Оренбургского учебного округа, что представило 23,4%². Кроме церковноприходских и школ грамоты в учебном округе было 54 миссионерских или братских школ, являющиеся начальными школами грамоты, открытые «Братством Святого Гурия», учрежденного 4 октября 1876 года.

Таким образом, в учебном округе действовало 1243 церковных школ, из которых 712 было устроено в Пермской губернии, что объяснялось поступлением ей средств не только от государственного казначейства, но и от святого Синода³.

В Уфимской губернии наблюдался рост численности земских школ. В 1895-1900 годах оно увеличилось более чем в полтора раза и достигло 314, что было результатом роста абсолютных и относительных расходов на народное образование в бюджете земств. В конце XIX века Уфимские земства на нужды школы ежегодно тратили около 240 тысяч рублей, то есть, почти 15% своих средств⁴.

Доход церковных школ составил в 1894-1895 учебном году 118366 рублей, из которых 39,5% поступало от церковных и монастырских братств. В 1894 году, среди всех типов начальных школ Оренбургского учебного округа, церковноприходские и школы грамоты составляли почти половину – 40,2%, с 38613 общей численностью учащихся. Основной массой обучающихся в церковноприходских школах грамоты Оренбургского учебного округа было сословие крестьянства, которое составляло 80,5% в общем соотношении всех сословий учащихся. Что подтверждает правительственную политику по отношению к начальной школе, как сословного учреждения, обслуживающего нужды низшего сословия – крестьянства, и затруднявшего ему доступ к среднему и высшему образованию. Открытие повсеместно в 80-90 гг. XIX века, на территории Оренбургского учебного округа церковноприходских и школ грамоты стало ярким примером реакционной политики царского

¹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60-90 гг. XIX в. – Москва, 1994. – С.50.

² Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Учебные заведения всех ведомств и наименования находящихся на территории Оренбургского учебного округа, по переписи 31.12.1894 года. Выпуск 1. –Оренбург, 1896. – С.181.

³ Горохов В.М., Рождественский Б.П. Развитие народного образования в Татарской АССР. – Казань, 1958. – С.129.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1455. Л. 31,78.

правительства в области начального школьного образования, возврата народного образования к феодальным принципам организации, прежде всего к элитарности и сословности.

В 1900 году в учебном округе действовало всего 314 «образцовых» училищ Министерства народного просвещения, 90 двухклассных и 224 одноклассных. При сравнении с показателями 1899 года, где численность школ составляла 284, рост в 1900 году составил 30 «образцовых» школ. По губерниям и областям картина была следующей: в Оренбургской губернии, двухклассных «образцовых» училищ насчитывалось 9, а одноклассных – 181, в Уфимской 17 двухклассных и 5 одноклассных, в Пермской губернии, 64 двухклассных и 26 одноклассных. В Тургайской области действовало 12 одноклассных «образцовых» училищ. Наибольшее количество таких школ действовало на территории Оренбургской губернии¹, скорее всего как центра учебного округа².

Итак, отмена крепостного права и развитие капитализма резко ускорили рост начального образования в крае. В период 60-90-е годов XIX века в учебном округе было открыто 1956 учебных заведений, из которых 1850 составили одноклассные и 106 двухклассные. В них обучалось 100689 учеников мужского пола и 34940 женского. По численности училищ начального образования в учебном округе выделялась Пермская губерния. На ее территории работали 1055 школ из 1976 всех действовавших на территории округа, так как на содержание их поступало 992955 рублей, из 1734097 всего выделенных казной, земствами, городскими и сельскими общества³. Таким образом, постановка начального школьного образования в Пермской губернии было самой лучшей из всех составляющих территориальных единиц учебного округа.

Заключение

История Оренбургского учебного округа является свидетельством продуманной национальной политики царского правительства по отношению к нерусским народам, являвшаяся одним из неотъемлемых компонентов ее политического курса. Деятельность учебного округа направлена была, прежде всего, на реализацию оформившейся во второй половине XIX века политики «государственного национализма», государственной политики языковой и административной ассимиляции населения как средства укрепления государства. Культурно-идеологические мероприятия последовательно проводились через школу, путем миссионерства и русификации.

Имперская модернизация России и ее важная составляющая – модернизация образовательной системы в 60-х годах XIX века потребовали реорганизации старой, традиционной школы и создания новой школьной

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1461. Л. 36.

² Отчет о состоянии русских начальных народных училищ Пермской губернии за 1900 г. – Пермь, 1902. – С.1.

³ Фармаковский В.И., Ковалевский Е.П. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. Данные на 1900 г. Выпуск IV. – Санкт-Петербург, 1903. – С.110, 119.

организации. Развития народного образования на новой основе добивалось и общественно-педагогическое движение, зародившееся в 60-х годах. Царизм вынужден был активизировать свою политику в области просвещения и внести в нее конструктивные начала. Школьные реформы 60-х годов, впервые подвели под народное образование в России реальную теоретически педагогическую, юридическую и определенную материальную базу. Вместе с тем, школьная реформа, проведенная «сверху» была такой же ограниченной и непоследовательной как крестьянская реформа 1861 года и носила в целом недемократический характер.

В пореформенный период школьная политика царизма в исследуемом учебном округе вела, с одной стороны, к расширению государственной сети школ, а с другой – к «огосударствлению» мектебов и медресе, к подчинению их интересам государства. Расширение государственной школьной сети в крае шло путем учреждения так называемых русско - «инородческих» школ для местного населения, организации учебных заведений для пришлого русского населения. В основу организации школ для нерусских народов легла педагогическая система ученого востоковеда, миссионера Ильминского Н.И.

В целом, модернизация образовательной системы второй половины XIX века характеризовалась значительным развитием государственного сектора образования и приспособлением его к нуждам и запросам складывавшегося капиталистического хозяйства. Выросло число общеобразовательных и профессиональных учебных заведений. К середине 90-х годов в учебном округе насчитывалось 38 средних общеобразовательных учебных заведений, с числом обучавшихся – 8741. Число низших учебных заведений составило 3089, из которых 1243 представили церковные училища. Общая численность учащихся низших учебных заведений, в конце XIX века составила в данном учебном округе – 165182, из которых 72296 учащихся обучались в одноклассных сельских и городских начальных школах¹. Расширение сети новых школ в какой-то мере расшатало традиционную кастовость и обособленность различных степеней образования различных ступеней образования. Происходила определенная демократизация средней школы, но процесс этот был медленным и противоречивым. Структура образования не претерпела существенных изменений. Относительно массовыми оставались начальные училища, а средних школ было немного. В конце века контингент учащихся средней ступени образования в Уфимской губернии составлял только 4,6%, в Оренбургской 4,7% всех учащихся. Высших учебных заведений в учебном округе не было.

Официальная школа носила в целом общеобразовательный характер, специальных учебных заведений было мало. Несколько улучшилась материальная база школ, сформировался значительный отряд учителей, разночинский по своему происхождению. Многие из них придерживались демократических взглядов и стремились воспитывать своих питомцев в

¹ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. Учебные заведения всех ведомств и наименования находящихся на территории Оренбургского учебного округа, по переписи 31.12.1894 года. Выпуск 1. –Оренбург, 1896. – С.184.

гуманистическом духе парализуя тем самым стремление правящих кругов удерживать учащуюся молодежь под безраздельным влиянием церковной идеологии.

Однако при всех своих сдвигах государственный сектор образования не мог удовлетворить потребности общественного развития. В конце XIX века в Уфимской губернии около 600 тысяч детей в возрасте 7-14 лет оставались вне русскоязычных учебных заведений. Преимущественно это были выходцы из непривилегированных слоев населения, обрекаемых царизмом на безграмотность. Что подтверждает традиционный «просветительский» курс политики самодержавия, всецело ориентированный на сохранение дворянских привилегий. Взгляд на школу как на «внутреннюю охрану царства», был господствующим в школьной политике царизма на протяжении почти всего XIX столетия.

Модернизация образовательной системы, особенно в 90-е годы, был отмечен определенными сдвигами и в мусульманском секторе образования, началом его конструктивной эволюции. В результате широкого общественно-политического движения, возглавляемого национальной элитой в мектебах и медресе внедрялись светские предметы, религиозная схоластика оттеснялась на второй план. Это явилось серьезным шагом к слому примечетных школ старого типа и созданию светских национальных учебных заведений, необходимых для углубления и упрочения буржуазных отношений среди башкир, татар и казахов. Вместе с тем развитие мусульманских школ отставало от потребностей времени. Широкие народные массы были лишены возможности получить даже элементарное образование. В конце XIX века мектебы и медресе охватывали обучением примерно 1/6-1/5 часть башкирских, казахских и татарских детей школьного возраста. Реформированные школы по своей программе уступали правительственным учебным заведениям. Основной целью их явилось укрепление в крае экономических и идеологических позиции башкирской, татарской и казахской элиты.

Бегимбаева Ж. С. (г. Актобе, Казахстан)

СТАНОВЛЕНИЕ КАЗАХСТАНСКОЙ НАУКИ В 1920-Е ГОДЫ: ОРЕНБУРГСКИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Создание казахской автономии, установление территориальных границ республики, внимание к этническим, экономическим и культурным особенностям края, политические дискуссии о выборе столицы были актуальными проблемами и в политической жизни Казахстана в 20-е годы XX века. Детальное изучение становления автономий как структурных элементов советской федеративной системы дает возможность вскрыть механизм национально-государственного строительства в РСФСР и СССР, исследовать специфику модернизационных процессов в поликультурном обществе,

проследить роль и взаимоотношения с властью национальной интеллигенции в условиях глубоких общественных трансформаций¹.

В начале XX века Оренбург, со времени основания ставший не только важным центром межкультурного взаимодействия разных культур, был средоточием наиболее активных политических структур башкирского и казахского автономизма. Здесь в 1917 году прошли два всеказахских съезда, принявшие принципиальные решения о создании национальной партии Алаш и провозглашении казахской автономии, было сформировано ее правительство – Алаш-Орда².

Главные события истории создания казахской автономии разворачивались также в Оренбурге, где расположился созданный 10 июля 1919 года чрезвычайный орган по управлению краем – Казахский военно-революционный комитет (КазВРК)³. В августе 1919 года в Оренбурге состоялось первое заседание КазВРК, в ведении которого находились Уральская и Тургайская области, а также Семипалатинская, Акмолинская, Букеевская Орда (заселенная казахами часть Астраханской губернии). 10 сентября 1919 года на заседании Оренбургского губкома РКП(б) обсуждался один из принципиальных вопросов – о присоединении Оренбурга к Казахстану⁴. Председатель КазВРК С.С. Пестковский (1882-1937), выражая мнение центра, в своем докладе высказался за такое решение⁵. Для Москвы Оренбург как столица автономии представлялся наиболее предпочтительным вариантом. Во-первых, такое решение проблемы отрывало ненадежную, с точки зрения центра, национальную элиту от непосредственного общения с массами и облегчало контроль над ней. Во-вторых, объективно столица должна была располагаться в центре с необходимой инфраструктурой, кадровым, организационным, финансовым, производственным, материально-техническим потенциалом. И главное, вероятно, учитывалось и то, что до революции Оренбург был своеобразным пунктом активности и взаимодействия татарских, башкирских и казахских деятелей, а теперь, при сохранении некой преемственности, в то же время снимался вопрос о претензиях некоторых башкирских и татарских деятелей на его включение в сферу своего влияния.

Члены КазВРК А.Б. Байтурсинов (1872-1937), С.М. Мендешев (1882-1938), М. Тунганчин и представители Оренбурга А.А. Коростылев (1887-1938), И.Д. Мартынов (1883-1953) и еще шесть участников совещания были против такого решения. «Нелегитимный» для массового национального сознания статус чужого города в качестве столицы и, в то же время, очевидное

¹ Аманжолова Д.А. «Центром временно намечается Оренбург», или, как Оренбург стал столицей Казахской АССР // Этнопанорама. – 2003. – № 3-4. – С.8

² Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш (1905-1920). – М.: Россия молодая, 1994. – С.19

³ Футорянский Л.И. Оренбург и становление государственности казахского народа // Этнопанорама. – 2004. – №1. – С.51-56

⁴ Аманжолова Д.А. «Центром временно намечается Оренбург», или, как Оренбург стал столицей Казахской АССР // Этнопанорама. – 2003. – № 3-4. – С.9

⁵ Футорянский Л.И. Оренбург и становление государственности казахского народа // Этнопанорама. – 2004. – №1. – С.53

ослабление влияния национальных деятелей на решение важнейших вопросов управления в центре, традиционно игравшем роль аванпоста метрополии. И хотя до революции здесь находились определенные культурные силы казахов, центром съезд провозглашенной здесь в конце 1917 года казахской автономии националы предпочли избрать Семипалатинск¹. Так или иначе конфликт потребовал прямого вмешательства центра. 20 сентября 1919 года на совещание Оренбургского губкома партии, губисполкома, высшего командования Туркестанского фронта и 1-й армии, ответственных работников для обсуждения башкирского и казахского вопросов прибыл председатель ВЦИК М.И. Калинин (1875-1946). После длительных дискуссий, где А.Байтурсинов последовательно отстаивал интересы полноценного, с точки зрения своей группы, национального самоопределения, он вновь отказался от голосования. В результате совещание поручило председателю Оренбургского губкома РКП(б) И.С. Акулову (1888-1939) подготовить доклад в центр о положении Киргизии и постановило определить Оренбург как административный центр будущей республики².

Одним из самых болезненных был вопрос о территории и границах республики. Были предложены и обсуждены всевозможные инициативы. Так, член Башкирского ВРК А.-З. Валидов (1890-1970) предлагал объединить Киргизскую и Башкирскую республики. Оренбургскую губернию с Оренбургом включить в состав Киргизо-Башкирии, а в Оренбурге создать крепкий культурно-просветительный и экономический центр³. Но данное предложение было категорически отклонено.

Ахметзаки Ахметшахович Валидов (в эмиграции – Ахмет Заки Валиди Тоган), выпускник медресе «Касимия», затем преподавал там же тюркскую историю и историю арабской и тюркской литературы. На основе курса тюркской истории, в 1912 году в Казани А.-З.Валидов опубликовал первый научный труд «Тюркская и татарская история»⁴. В 1913-1914 годах участвовал в археографической экспедиции в Фергану и Бухару. С апреля 1917 года А.-З.Валидов становится лидером башкирского национально-освободительного движения. В январе 1919 года он перешел на сторону Советской власти и в 1920 году возглавил ВРК Башкирии⁵.

Активная работа по созданию советской автономии в Казахстане развернулась летом 1920 года. Как отмечает исследователь Д.А. Аманжолова, алашординцы мобилизовали все организационные и интеллектуальные ресурсы, чтобы добиться от центра согласия на образование республики в

¹ Аманжолова Д.А. «Центром временно намечается Оренбург», или, как Оренбург стал столицей Казахской АССР.// Этнопанорама. – 2003. – № 3-4. – С.9

² Футорянский Л.И. Оренбург и становление государственности казахского народа.// Этнопанорама. – 2004. – №1. – С.54.

³ Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997. – С.224-227

⁴ Хабутдинов А.Ю. Общественное движение молодежи у татар-мусульман в начале XX в. – Нижний Новгород: НИМ «Махинур», 2005. – С.53

⁵ Тоган Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997. – С.234-245

границах, которые они отстаивали со времени организационного оформления автономизма в 1917 году¹.

26 августа 1920 года декретом ВЦИК и СНК была образована Казахская АССР. Дополнение к декрету от 22 октября 1920 года предусматривало включение Оренбурга с прилегающими к нему районами в состав Казахской республики на правах губернии. Оренбург становился столицей Казахстана². В Западный Казахстан в соответствии с декретами новой власти вошли Уральская, Букеевская, Актюбинская губернии и Адаевский округ, что расположен в южной части региона³. Забегая вперед отметим, что в 1925 году в результате нового административно-территориального деления Уральская и Букеевская губернии были объединены в одну Уральскую, при этом Букеевская губерния реорганизовалась в уезд. Кроме того, последующие административно-территориальные переустройства привели к передаче части Адаевского округа в ведение Каракалпакии⁴.

Во всяком случае, каким бы искусственным и насаждаемым сверху ни казалось новое государственное образование руководству пограничных регионов, интересы центра и националов в это время совпадали. Национальное равенство, провозглашенное большевиками, должно было реализоваться в национальной государственности по крайней мере для тех народов, которые к этому времени имели сколько-нибудь развитую культуру, свои организации и проявили определенное стремление к самоопределению, даже если это не вполне соответствовало уровню этнополитической самоидентификации и экономическому развитию, а гораздо больше вызывалось давление общеполитической ситуации и ведущих тенденций общероссийского революционного процесса.

Образование КАССР в 1920 году и дальнейшие изменения в республике привели к поиску наиболее эффективных форм организации научных исследований. 20-е годы XX века – новый этап в истории научных обществ и учреждений. Как отмечал исследователь Э.А. Масанов, начался «...период углубленного и систематического исследования культурных традиций и этнографических особенностей в области материальной и духовной культуры и быта казахов на базе марксистско-ленинской методологии»⁵.

В 1919 году при штабе Казахского Военного Комиссариата был основан историко-статистический отдел со «строго научной целью изучения давнего и недавнего прошлого Киргизского края и киргизского народа в географическом, историческом и этнографическом отношении», который просуществовал менее полугода. 10 апреля 1920 года, в связи с формированием гражданских органов управления, историко-статистический отдел был передан в ведение отдела

¹ Аманжолова Д.А. «Центром временно намечается Оренбург», или, как Оренбург стал столицей Казахской АССР. // Этнопанорама. – 2003. – № 3-4. – С.11.

² Футорянский Л.И. Оренбург и становление государственности казахского народа // Этнопанорама. – 2004. – №1. – С.54.

³ Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. – Алматы, 2004. – С.173.

⁴ Сдыков М.Н. История населения Западного Казахстана. – Алматы, 2004. – С.190.

⁵ Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. – Алма-Ата: Наука, 1966. – С. 283.

Народного Просвещения Казахского Революционного Комитета (Казревкома) и стал называться Ученой комиссией¹.

С октября 1920 года, после образования Казахской АССР и ее Народного Комиссариата Просвещения (Наркомпроса) – Ученая комиссия была преобразована в Научный отдел Наркомпроса, который ведал вопросами науки, литературы и искусства, музеев и архивов². Поиск новых форм управления делами молодой республики сказался и на этом поприще. В августе 1921 года научный отдел был преобразован в Академический центр Наркомпроса, куда вошли все научные и культурные силы, в том числе Ученая комиссия.

Первоочередной задачей стал сбор и изучение материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии. С этой целью в 1920 году СовНарКом РСФСР создал комиссию, получившую сокращенное название Истпарт. К концу 1922 года были образованы Оренбургско-Тургайский и Омский истпарты³. Истпарты собирали печатные и рукописные материалы, документы, мемуары по истории Октябрьской революции и РКП(б), организовывали библиотеки для хранения документальных материалов, проводили публичные лекции и заседания по истории Октябрьской революции и РКП(б)⁴. Истпарты республики стремились в максимальном объеме выполнить поставленные перед ними задачи: по историко-партийной тематике собирались газеты, бюллетени, другие официальные партийные издания⁵.

Одной из труднейших задач культурной революции и в то же время одним из самых важных ее результатов, явилось формирование в Казахстане интеллигенции. Эта проблема решалась путем привлечения, использования и перевоспитания старой интеллигенции, сформировавшейся до революции и путем подготовки новой интеллигенции из представителей рабочего класса и крестьянства. Многие русские ученые и специалисты, находившиеся в Казахстане, вместе с дореволюционной казахской интеллигенцией создавали различные общества, кружки, основной целью которых была пропаганда достижений науки и техники. Так, в 1921-1923 годах в Оренбурге работало около десяти объединений: «Общество по изучению Киргизского края», «Киргизская кооперативная ассоциация инженеров», «Экономическое общество агрономов», общество «Наука и труд», «Кружок любителей книг», «Физико-медицинское общество», «Юридическое общество», «Бюро инженеров» и другие⁶.

¹ Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. – Алма-Ата: Рауан, 1990. – С.17.

² ЦГА РК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³ Козыбаев И.М. Создание научно-исторических центров в Казахстане, формирование кадров историков-марксистов // Историческая наука Советского Казахстана (1917-1960 гг.). Очерки становления и развития. –Алма-Ата, Ғылым, 1990. – С.21-23

⁴ Положение об Истпартотделе губернского комитета РКП (б) 1923 г. // Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917- июнь 1941 гг.). – Москва, 1961. – 245 с.

⁵ Козыбаев И.М. Деятельность Истпарта в Казахстане.// Известия АН Казахской ССР. – Алма-Ата: Наука, 1982. – С.72.

⁶ Тастанов Ш.Ю. Казахская советская интеллигенция: (проблемы становления и развития). – Алма-Ата: Наука, 1982. – С.160.

Мы разделяем точку зрения Б.В.Лунина, отметившего, что «наши современные понятия об историческом краеведении не совсем совпадают с его пониманием, существовавшим в 1920-1930-х годах. При отсутствии или недостаточной разветвленности сети государственных научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля на периферии страны, в частности в Средней Азии и Казахстане, деятельность работавших на общественных началах историко-краеведческих организаций нередко выступала на первый план и сочетала усилия, как ученых-специалистов, так и любителей-краеведов»¹.

Подтверждением тому эволюция упомянутой выше Ученой комиссии. Сотрудники Ученой комиссии, работавшие при Казревкоме как должностные лица, пришли к убеждению «что научная работа Комиссии не может развиваться плодотворно, будучи стесняема постоянно требованиями» административного характера. Было принято решение основать Общество, где «...каждый член, интересующийся той или другой областью науки, мог бы свободно, прилагать свой труд, свои знания, свои умения к изучению далеко еще неизученного и необследованного Казахского края»². Вследствие указанных причин, членами Ученой комиссии было решено выработать Устав Общества и объявить учредительное собрание, пригласив на него путем объявлений всех желающих вступить в члены Общества.

15-го октября 1920 года в пять часов вечера состоялось первое учредительное собрание в помещении музея Оренбургской губернии (бывшее Офицерское Собрание на Николаевской, ныне Советской улице)³. На собрании присутствовали – председатель Ученой комиссии Казнаркомпроса А.П. Чулошников (1894-1941), члены комиссии: А.П. Лошкарев, Е.А. Яковлева, Н.А. Чулошникова, Е.А. Чоглокова, М.В. Сокурова, Е.Н. Казурова, С.М. Петров, А.А. Четыркина, Н.В. Мелкова, А.Ф. Романов и другие. Повестка собрания носила организационный характер⁴. Председателем собрания был выбран А.П.Чулошников. Александр Петрович Чулошников, выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1919 году работал учителем в Оренбурге, преподавателем в Институте народного образования. Собранием был заслушан и утвержден с поправками редакционного характера проект Устава и избрано временное Правление (до 1-го января 1921 г.).

1 ноября 1920 года «Общество изучения Казахского края» было зарегистрировано. Научным отделом Казнаркомпроса был утвержден его Устав⁵. Согласно Уставу, «Общество изучения Казахского края» существовало на правах научного Общества и являлось прямым преемником Оренбургской

¹ Лунин Б.В. Из опыта историко-краеведческой работы в Средней Азии и Казахстане (20-30-е годы). // История СССР. – 1968. – № 5. – С.190-191.

² Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края. Выпуск № 1. – Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1921. – С.99

³ ЦГА РК Ф.693. Оп.1. Д.118

⁴ ЦГА РК Ф.693. Оп.1. Д.1 Л.2

⁵ ЦГА РК Ф.693. Оп.1. Д.1 Л.2

Ученой архивной комиссии (ОУАК) и Оренбургского отдела Русского географического общества (ОО РГО) впредь до возобновления деятельности этих Обществ¹.

Организационную и направляющую работу отделов Общества с первых дней деятельности проводило Правление Общества. Правление выяснило, что богатая библиотека бывшего Оренбургского отдела РГО и ОУАК, взятая в свое распоряжение Губернским отделом народного образования, находится в крайнем беспорядке. Правление Общества возбудило ходатайство перед Научным отделом Казнаркомпроса о передаче библиотеки Обществу. Наркомпрос передал библиотеку Научному отделу, куда были переданы музей и библиотека бывшей ОУАК. Было разработано специальное «Типовое Положение о научных библиотеках, состоящих при научных учреждениях и обществах, находящихся в ведении Наркомпроса»². В качестве необходимого ядра для научно-исследовательской работы собственные издания бывшей ОУАК и Оренбургского отдела РГО были переданы в распоряжение Общества. Со временем в связи с закрытием Оренбургского отделения Московского Археологического института и библиотека этого отделения была также передана Обществу³.

С 1-го июля 1923 года начались работы по приведению библиотеки в порядок, для этой цели был приглашен специальный работник и выделено отдельное помещение в Центральном Краевом музее⁴. В результате кропотливой работы масса книг была распределена на десять основных отделов, согласно принципам Брюссельской международной десятичной классификации. К 1-му января 1925 года общее количество приведенных в порядок и систематизированных книг составляло 8.912 томов. Все эти книги были классифицированы, записаны в инвентарь и занесены в каталог. На обработанные книги были составлены каталоги двух родов: систематический и алфавитный. В порядке обмена от Обществ и учреждений, состоящих с Обществом изучения Казахского края в дружественных отношениях, в течение времени с 1920-1924-е годы, в библиотеку поступило 309 томов. Со склада были разосланы в порядке обмена русским и иностранным научным Обществам и учреждениям выпуски «Трудов» Общества⁵.

И сегодня в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке имени Н.К.Крупской имеются как «Записки», «Известия» Оренбургского отдела Русского географического общества, так и «Труды» Оренбургской Ученой архивной комиссии.

Общество ставило задачи всестороннего изучения Казахской республики и сопредельных областей в историческом, археологическом, естественно-географическом, этнографическом и экономическом развитии. Исходя из

¹ Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края. Выпуск № 1. – Оренбург: Типография М.Н. Махова, 1921. – С.100

² ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.118 Л.13

³ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.34 Л.6

⁴ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.17 Л.13

⁵ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.17 Л.15-17

этого, члены Общества должны были систематизировать собранные уже и хранящиеся в местных архивах, библиотеках и у частных лиц сведения, и материалы по Казахской республике и сопредельным областям, определить их научное значение, проводить в регионе исследовательскую работу, организуя экспедиции для изучения края. Общество с научной целью привлекало к исследованию края лиц, могущих быть полезными ему своими знаниями, налаживало научные контакты с другими научными обществами. Общество должно было оказывать всемерное содействие созданию Краевого музея¹. Таким образом, было образовано три основных отдела общества: историко-археологический, естественно-географический и этнографический. Со временем историко-археологический отдел был объединен с этнографическим².

По Уставу Общества Правление избиралось на один год. Председателем Правления был избран А.П.Чулошников, заместителем А.П. Гра, бывший почетный член ОУАК. Секретарем Правления стал И.М. Расторгуев, заведующими стали этнографическим отделом – С.М.Петров, естественно-географическим отделом – В.В.Тележников³.

Исследователь П.Степанов отмечал, что деятельность Общества за двенадцать лет можно разделить не только по месту нахождения, но и по характеру деятельности на три периода: оренбургский (1920-1925 гг.), кзыл-ординский (1925-1929 гг.) и алма-атинский (с 1929 г.)⁴. В своей работе С.Ш.Ахметова также придерживалась данной периодизации в деятельности научного общества⁵.

Оренбургский этап деятельности Общества совпадал с периодом создания и укрепления советской государственности, переходом к новой экономической политике и на наш взгляд, является малоизученным периодом в истории деятельности научных организаций Западного Казахстана в 20-е годы XX века.

В феврале месяце 1923 года с образованием Академического центра Устав Общества был дополнен. Были определены полномочия ревизионной комиссии, подотчетность общества Академическому центру⁶. Устав был отпечатан в типографии Н. Маховых в Оренбурге, тиражом в 300 экземпляров. В данном Уставе отмечены члены-учредители Общества, в количестве 21 человека, среди которых известные ученые и общественные деятели: А.Б.Байтурсинов, И.О. Омаров, А.Чулошников и другие⁷.

1-го декабря 1920 года состоялось торжественное открытие «Общества изучения Казахского края» в зале Городского совета города Оренбурга. А.П.Чулошников выступил с докладом «Вопрос о происхождении киргиз-

¹ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.1 Л.1

² ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.17 Л.6

³ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.1 Л.3

⁴ Степанов П. По Казахстану.//Советское краеведение. – 1931. – №11-12. – С.52.

⁵ Ахметова С.Ш. Историческое краеведение в Казахстане. Алма-Ата: Казахстан, 1982. С.84.

⁶ ЦГА РК Ф.693. Оп.1 Д.18а. Л.8.

⁷ ЦГА РК Ф.693. Оп.1 Д.18а. Л.8.

казахской народности в исторической науке и народные казахские предания, как источники дальнейшего его освещения»¹. Выбор данной темы доклада А.П.Чулошников был не случаен. Молодая Казахская республика переживала период становления государственности. В стране шел процесс осознания казахским народом своего места в истории. Вопрос исследования происхождения казахского народа, его исторических корней, национальной идентичности был весьма актуален в 20-е годы XX века.

В 1924 году А.П.Чулошников опубликовал обобщающий труд «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», в котором освещались политическая и хозяйственная жизнь казахского народа до 30-х годов XVIII века². Автор привел примеры, характеризующие хозяйственные занятия казахов не только как исключительно кочевников-скотоводов, но и знакомых с оседлой жизнью, земледелием. А.П.Чулошников показал обусловленность этих занятий природными, географическими факторами, многообразными на обширной территории Казахстана. В историографии проблемы изучения этногенеза казахского народа постепенно выкристаллизовалось несколько важнейших положений³. А.П.Чулошников придерживался мысли, что кочевой образ жизни и культурная обособленность казахов была прямо обусловлена типом их хозяйства. Таким образом, была сформулирована мысль о ведущей роли хозяйства и образа жизни в процессе этногенеза.

Проблемой происхождения казахского народа занимался член Общества изучения Казахстана Мухамеджан Тынышпаев (1879-1937)⁴. Мухамеджан Тынышпаев выпускник Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, первый инженер из казахов, депутат 2-й Государственной Думы, член мусульманской фракции, строитель Турксиба, автор многочисленных исторических работ⁵. Он обратил на себя внимание, как серьезный и знающий историк своим объективным анализом работы А.П.Чулошников⁶. Автор подробно остановился на положениях каждой главы книги. Ученый отмечал, что А.П.Чулошников «не разобрался в главнейших исторических событиях того времени, неверно представлял себе происхождение киргиз-казаков, не разобрался в родовых делениях, во взаимоотношениях их друг к другу...»⁷. Работа М.Тынышпаева «Отзыв о труде А.П.Чулошников по истории казак-киргизского народа» являлась первой научной рецензией, где автор обратил внимание на отсутствие научно-справочного аппарата, нарушение хронологической последовательности исторических событий.

¹ Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края. Выпуск № 1. – Оренбург, Типография М.Н. Махова, 1921. – С.102.

² Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть I. – Оренбург, 1924.

³ История Казахстана: народы и культуры. Учебное пособие./ Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С.57-70.

⁴ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.14 Л.8

⁵ Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1993. – С.3

⁶ Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1993. – С.49-66

⁷ Тынышпаев М. История казахского народа. – Алма-Ата, «Қазақ университеті», 1993. – С.66

Основная часть содержания работы, по мнению рецензента, отведена фактам несущественным, только две главы были изложены удовлетворительно. М.Тынышпаев в своем заключении, дал критическую оценку работе А.П.Чулошникова.

Вероятно, это стало толчком к написанию работы «Материалы к истории киргиз-казакского народа», изданной в 1925 году в Ташкенте¹. В работе даны этнический состав казахских жузов, легенды и предания о происхождении казахов, тамги и ураны казахских родов, для характеристики истории каждого из племен был подобран исторический материал.

Исследование проблемы происхождения казахского народа интересовало и других сотрудников Общества. 4 декабря 1927 года на заседании Общества был заслушан доклад Жакыпа Акпаева (1876-1934) «Происхождение казак-киргизов»². Ж.Акпаев, уроженец урочища Тонректас Беркаринского района Каркаралинского уезда, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1903 году с отличием закончив университет, Ж.Акпаев стал первым казахом – магистром права. Он был одним из основных авторов программных положений и законодательных документов партии Алаш³. В докладе Ж.Акпаева прослеживалась тенденция миграционной концепции происхождения казахского народа, как писал автор от «конгломерата племен». Большое внимание уделено изучению происхождения этнонима казах. Ж.Акпаев утверждал, что термин «казах» произошел от боевого клича арабов⁴. В процессе обсуждения А.Байтурсинов отметил, что казахский язык не имеет наречий, что говорит о единстве происхождения самого народа, и происхождение казахского народа от конгломерата племен не выдерживает критики. М.Испулов нашел объяснение этнонима казах от боевого клича арабов новым и оригинальным, но научно не обоснованным. В итоге было принято решение о публикации в печати доклада с предварительным отзывом и корректированием компетентного члена Общества, а именно Мухамеджана Тынышпаева⁵.

13 января 1926 года на заседании Общества изучения Казахстана было решено издать отдельным выпуском исторические труды М.Тынышпаева⁶. В «Трудах Общества изучения Казахстана» была опубликована его работа «Киргиз-казаки в XVII и XVIII веках»⁷.

Таким образом, в научных трудах сотрудников Общества, посвященных проблеме происхождения казахского народа, доминировал диахронный метод исследования, когда в основном рассматривались динамика и преемственность этнических процессов во времени и их генеалогическо-родоплеменные

¹ Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. – Ташкент, 1925.

² ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.91 Л.56

³ Романов Ю. Возвращение доброго имени.// Казахстанская правда. – 1998. – 21 февраля.

⁴ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.91 Л.56

⁵ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.91 Л.57

⁶ ЦГА РК Ф.693 Оп.1 Д.68 Л.5

⁷ Тынышпаев М. Киргиз-казаки в XVII и XVIII веках. (Дополнение к «Материалам к истории киргиз-казакского народа»). // Труды ОИК. Том VII, Выпуск II (Отдел истории и этнографии), Кзыл-Орда.1926. С.1-14

аспекты. Весь процесс этногенеза трактовался преимущественно с этнополитической точки зрения и в конце концов сводился к возникновению казахской государственности. Тем самым, вне сферы исследования оставались ключевые вопросы проблемы, в частности, социокультурные параметры этногенеза и самое главное – механизмы этногенетического процесса интеграции и консолидации.

Преемственность, продолжение традиций научной деятельности дореволюционных научных обществ нашли отражение в работе Общества изучения Казахского края. Согласно Уставу, Общество изучения Казахского края существовало на правах научного Общества и являлось прямым преемником Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Своей задачей Общество ставило всестороннее изучение вопросов, касающихся Казахской республики и сопредельных областей в историко-археологическом, естественно-географическом, этнографическом, экономическом и других отношениях.

1920-1925 годы - организационный и плодотворный в научном плане период в истории развития казахстанской науки. В это время происходило формирование структуры, определение основных направлений деятельности научной организации, и (необходимо подчеркнуть) соблюдение традиций бывших Оренбургских научных обществ. Для этого этапа было характерно изучение истории и культуры приграничных регионов: Башкирии и Татарстана. Научная деятельность сотрудников Общества изучения Казахстана в этот период характеризовалась изучением актуальных проблем истории Казахстана.

Моргунов К.А. (г. Оренбург, Россия)

РАЗВИТИЕ КАЗАХСКОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЕНБУРЖЬЕ (1918-2015 гг.)^{*}

С первых лет советской власти одним из приоритетных направлений реализации государственной национальной политики стало развитие сети образования в национальных районах, создание новой, лояльной советской власти и классово ориентированной национальной интеллигенции, развитие национальной культуры на базе коммунистической идеологии.

На первом этапе советской истории базовым принципом образовательной политики являлся принцип «школа на родном языке». Сразу после установления советской власти на местах неукоснительно соблюдался принцип учета интересов национальных меньшинств при организации просветительной работы. Так, в Оренбургском уезде мусульманская секция уездного комитета РКП(б) в сентябре 1918 года решила открыть 19 комплектов школ для мусульман¹. В постановлении Оренбургского губернского комитета РКП(б)

^{*} Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 450. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

«О работе губернского отдела образования» от 29 июня 1919 года говорилось о необходимости введения в коллегиях отдела народного образования одного представителя от мусульманского населения¹.

Тяжелое экономическое положение после окончания гражданской войны и голод начала двадцатых годов не позволили государству оказать эффективную помощь в деле строительства национальной школы. Различия в уровне экономического развития и традиционных укладов жизни обуславливали исходную неравнозначность культурного и образовательного уровней развития у различных национальных групп населения. Наиболее остро стоял вопрос нехватки грамотных специалистов из числа казахского населения.

Член КЦИК и Оренбургского губисполкома Нурман Джакиев, проезжая по территории Оренбургской губернии, населенной казахами, характеризовал местные школы как школы «первобытного типа». «Правильно приспособленных зданий нет, они (школы) обыкновенно представляют из себя неправильно построенную киргизскую землянку, где исключительно занимаются дети бедноты»².

Подобное положение заставляло губоно уделять особое внимание образованию среди казахского населения, искусственно создавать им более благоприятные условия. Несмотря на многочисленные трудности, в селениях с преобладающим казахским населением создавались клубы, библиотеки, начали выпускаться книги на родном языке. Развертывалась сеть школ с преподаванием на казахском языке. В их числе были и кочевые школы. При Илецком и Оренбургском местах заключения были открыты школы для заключенных, преподавание в которых велось на русском и казахском языках. Для неграмотных заключенных посещение школы было обязательным³.

15 октября 1924 года в Домбаровском районе Орского уезда была открыта школа-коммуна для казахских детей на 80 человек⁴. В этом же году в Оренбурге работала казахская краевая опытно-показательная школа. В декабре 1924 года эту школу посетил М.И.Калинин⁵.

Наряду со школьным строительством большое внимание уделялось ликвидации неграмотности в ранее отсталых национальных районах. В центре и на местах были созданы чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, открывались школы и пункты для обучения взрослых и подростков. В 1921 году в одной только Адамовской волости Оренбургской губернии имелось 170 казахских школ по ликвидации неграмотности (всего по губернии насчитывалось 979 школ и ликпунктов)⁶.

В 1925 году в Орском уезде работало 53 ликпункта, в которых обучалось 1563 человека. Из них в 11 ликпунктах обучалось казахское население (234

¹ ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.

² ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 195; Д. 396. Л. 254.

³ ГАОО. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 304. Л. 86.

⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 237. Л. 434.

⁵ Советская степь. – № 316. – 1924. – 9 декабря.

⁶ Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы (1918 – 1941). – Челябинск, 1985. – С. 26.

человека). По всей Оренбургской губернии в 1925/26 учебном году в ликпунктах обучалось 5653 человека, в том числе 895 человек из числа национальных меньшинств (15,8 %), в том числе 338 казахов¹.

К концу 20-х годов наметился стабильный рост сети национальных школ с преподаванием на казахском языке в Оренбургском округе. В 1928-1929 учебном году в округе действовали 24 казахские школы, в которых обучалось 732 ученика. В 1929-1930 учебном году количество школ с преподаванием на казахском языке увеличилось до 25, а количество учеников составляло 820 человек. Незначительное количество учащихся казахской национальности объяснялось недокомплектом в казахских школах из-за разбросанности населенных пунктов и отдаленности их от школ, вследствие чего казахские дети не могли их посещать. Степень обеспечения школьными местами казахских детей в 1928/29 году составила 70 % (732 учащихся при потребности в 1037 места с учетом второгодников), а в 1929/30 – 79 % (820 учащихся при потребности 1043 места)².

Значительно ниже средних показателей был уровень соотношения учащихся казахских школ II ступени к школам I ступени. В 1928/29 учебном году в Оренбуржье действовала лишь одна русско-казахская школа повышенного типа, в которой обучалось 49 учеников казахской национальности. В 1929/30 учебном году действовали уже две русско-казахские школы II ступени (112 учеников)³.

Таким образом, средняя обеспеченность школьными местами и охват казахских детей школьного возраста в Оренбургском округе по данным за 1929/30 год составляли 40 %. В среднем по всем национальным меньшинствам округа обеспеченность школьными местами равнялась 73 %, в то время как средняя обеспеченность по округу, включая договорные школы, составляла 84,5 %.

На XVII съезде ВКП(б) была поставлена задача окончательной ликвидации неграмотности и малограмотности к концу второй пятилетки. Однако положение в сфере образования в национальных районах оставалось достаточно сложным. Так в Домбаровском районе, где казахское население составляло 48,8 %, в 1934 году имелось 34 школы, из них казахских – только 17. Среди преподавателей-казахов этих школ закончили педтехникум лишь 2 человека, еще три учителя получили курсовую подготовку, остальные же преподаватели никакой специальной подготовки не имели. Районный комитет партии констатировал, что 85–90 % казахского населения района неграмотны, а ликбезы только числятся на бумаге и никакой работы не проводят⁴. Исходя из поставленных на XVII съезде задач, Президиум Оренбургского облисполкома в своем Постановлении «О подготовке школ взрослых к новому учебному году»

¹ Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927 гг. Т.1. Ч.2. Документы и материалы. 1921-1927. – М., 1984. – С. 146-147.

² Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 163. Л. 23 об.

³ ЦДННАО. Ф.4. Оп.1. Д.163. Л.23об.

⁴ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 167. Л. 15.

от 15 августа 1935 года отметил неудовлетворительную работу по ликвидации неграмотности в национальных районах: Домбаровском, Зиянчуринском (45 % населения – башкиры), Адамовском (75 % населения – казахи), Акбулакском (34 % – казахи). Исполкомам данных районов было дано указание об открытии школ грамоты во всех населенных пунктах казахского, татарского и башкирского населения на родном языке, с обязательным обучением на латинизированном алфавите. На руководителей органов народного образования возлагалась персональная ответственность за полный охват национальных меньшинств школами, за обеспечение школ помещениями, учебниками и преподавателями¹.

В послевоенные годы система народного образования испытывала огромные трудности, связанные с проблемами материально-технического обеспечения, острой нехваткой квалифицированных педагогических кадров, учебной и методической литературы. Все эти трудности в полной мере переживала и национальная школа. Данные факторы, безусловно, сказывались на постепенном сокращении количества нерусских (как они тогда назывались) школ, на достаточно низком качестве образования, неудовлетворительной квалификации преподавательских кадров. Однако, несмотря на многочисленные трудности, в послевоенные годы удалось не только сохранить систему национального образования, но и приступить к выполнению программы всеобщего семилетнего образования.

На начало 1944/45 учебного года, по данным Чкаловского облоно, в области действовало 429 нерусских школ, в том числе 103 казахских школы (из них 88 – начальных, 14 – неполных средних и 1 – средняя школа). В них обучалось в этот период 3 468 детей.

Образовательный уровень учителей оставался крайне низким. Основные учительские кадры в области по-прежнему готовили педагогические училища. В годы войны в Чкаловской области работало семь педучилищ, из них два училища готовили учительские кадры для национальных школ: Желтинское татаро-башкирское и Домбаровское казахское. В 1943/44 учебном году в Домбаровском училище обучалось 69 учащихся (выпуск составил 13 человек). В 1944/45 учебном году набор в Домбаровское училище составил 57 человек (общее количество студентов составило 93 человек)².

Решением Чкаловского областного исполнительного комитета от 29 сентября 1945 г. казахское педагогическое училище было возвращено из Домбаровского района в Акбулак, где для размещения учебного корпуса училища было освобождено помещение средней школы. Общежитие учащихся, столовая и кухня были временно размещены в здании татарской начальной школы. Бывшее здание училища было занято под спецгоспиталь, а в бывшем общежитии размещалась начальная школа. После переезда в Акбулак и учащиеся и преподаватели были поставлены в очень трудное положение. Из оборудования имелось только девять парт, а также 7 скамеек, 15 шкафов, 2

¹ ГАОО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 3. Л. 159 об.

² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 8. Д. 135. Л. 102-107.

дивана и 20 столов. Вместо кроватей в общежитии были поставлены столы, на каждом из которых спали по два человека. Кухня и столовая временно были вынуждены расположиться в подвальном помещении, где были земляные полы. При этом в столовой совершенно отсутствовала посуда.

В Акбулакском педучилище велась подготовка учителей, как и для казахских школ, так и для школ с преподаванием на русском языке. Учитывая слабый уровень подготовки абитуриентов, поступающих на казахское отделение, был создан специальный подготовительный класс. По данным на 1 января 1946 г. в казахских классах училища занималось 47 учеников (в первом – 26, втором – 10, и подготовительном – 11) и в русских классах – 67 учеников (в первом классе – 29, во втором – 23 и в третьем – 15). Материальная необеспеченность учеников казахских классов являлась основной причиной отсева учащихся в казахских классах. Так, к концу 1945/46 учебного года в казахских классах продолжали обучаться уже только 38 человек. Отсев только за второе полугодие 1945/46 учебного года составил 9 человек (в русских классах за этот же период – 4 человека).

После принятия 10 сентября 1945 г. постановления бюро обкома ВКП(б) «Об улучшении дела подготовки учителей в области» инструкторами отдела школ обкома в течение всего 1945/46 учебного года проводились проверки работы районных комитетов ВКП(б) по выполнению данного постановления по отношению и к национальным педучилищам. В отчете о проверке состояния Акбулакского педучилища отмечались тяжелые бытовые условия проживания как учащихся, так и преподавателей училища. Все учителя, приехавшие в Акбулак из Домбаровского района, проживали в частных квартирах, где зачастую отсутствовали самые элементарные условия для работы. Так, например, преподаватель училища Газизова жила на квартире с земляным полом, где вместе с хозяевами помещались и домашние животные. Преподавание казахского языка и литературы велось по программам средней школы, так как других программ облоно предоставлено не было.

Делая выводы о результатах обследования работы Акбулакского педучилища инструктор обкома рекомендовала обязать райисполком возвратить педучилищу ранее принадлежащее ему здание и разместить в них квартиры учителей, а облоно рекомендовалось обеспечить училище программами и учебниками казахского языка и литературы для всех классов казахского отделения¹. На основании этих рекомендаций чкаловский облисполком обратился с просьбой в Совет Министров СССР обязать Министерство здравоохранения СССР расформировать Акбулакский спецгоспиталь № 3926, размещенный в здании средней школы и казахского педучилища².

В 1947/48 учебном году общая численность школ нерусского языка в области несколько сократилась, составив 407 учебных заведений. Численность

¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 608. Л. 79-80.

² ГАОО. Ф. 1014. Оп. 4. Д. 97. Л. 49.

казахских школ напротив, увеличилась до 117, а количество обучающихся в них школьников – до 3626¹.

В этот период во всех нерусских школах Чкаловской области работало 1497 учителей. Из них 940 человек преподавали в начальных классах (в казахских школах работали – 141 учитель), 425 человек в 5-7 классах (в казахских школах – 44 учителя).

Характеризуя количественные показатели казахских школ на конец 40-х, начало 50-х годов в Чкаловской области следует отметить, что к 1948/49 учебному году 93,7 % из них являлись начальными (118 из 126 школ). Кроме того, в области функционировало еще 8 семилеток и не было ни одной казахской средней школы. Еще одной особенностью, которую хотелось бы отметить, является то, что к числу «коренизированных» в 1949/50 учебном году относилось 73 казахских школы и еще 52 школы функционировали на основе казахского и русского языка. Это самые высокие показатели по количеству «смешанных» школ среди всех национальных школ области. Показатели численности учеников в казахских школах оставались стабильными. В 1948/49 учебном году в казахских школах обучалось 3394 ученика, в 1949/50 учебном году этот показатель несколько увеличился, составив 3615 школьников². К началу 1950/51 учебного года в Чкаловской области насчитывалось 404 нерусских школ, в том числе 131 казахская школа.

Абсолютное большинство национальных школ не имели типовых зданий и размещались в приспособленных, зачастую мало пригодных помещениях. Многие казахские школы все еще размещались в переоборудованных зданиях бывших мечетей, ютились в землянках. В результате проверок, проведенных по линии обкома ВКП(б) в 1948/49 и в 1949/50 учебных годах, выяснилось, что большинство казахских школ в Адамовском районе (Букебаевская, Буденовская, Молотовская, хутора № 13 совхоза «Красный чабан» и др.) размещались в бараках, а три школы даже на частных квартирах. В Байгужевской и Бабичевской начальных школах Ивановского района за одной партией были вынуждены сидеть по три ученика, так как классные комнаты были очень маленькими и большее количество парт установить было невозможно.

По своему образовательному уровню педагогические кадры по-прежнему далеко не соответствовали предъявляемым требованиям. Из 981 учителя начальных национальных школ 230 человек (23,5 %) имели незаконченное среднее образование и 139 человек (14,2 %) имели образование в пределах средней школы. Наиболее низкий образовательный уровень наблюдался среди педагогических кадров казахских школ, где из 204 преподавателей не было не одного закончившего высшее педагогическое учебное заведение (не считая учительского института), при этом половина учителей не имела специального педагогического образования (80 человек – 39,2 % учителей, не имели даже среднего образования, и еще 23 человека – 11,3 % учителей, закончили только

¹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 12. Д. 767. Л. 31-32, 39-40, 42.

² ГАОО. Ф.1014. Оп.1. Д. 693а. Л. 8-9; ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 13. Д. 746. Л. 2-6; Оп. 14. Д. 776. Л. 2-4.

среднюю школу). 37, 8 % учителей казахских школ (77 человек) имели образование на уровне педагогического училища и только 18 учителей (8,8 %) закончили учительский институт или имели незаконченное высшее образование.

Одним из путей повышения квалификации учителей казахских начальных школ являлась организация системы заочного обучения при Акбулакском педагогическом училище. В 1948/49 учебном году охват заочным обучением учителей казахских школ составлял 10,3 % (19 учителей).

В июне 1949 г. облоно совместно с институтом усовершенствования учителей были организованы месячные курсы для учителей казахских школ в Акбулаке. Аналогичные курсы были организованы и в июне 1950 г., однако вместо планируемых 50 учителей на курсы прибыли только 9 человек¹.

Еще одной из острых проблем, возникающих при организации учебного процесса в национальных школах, являлось крайне бедное обеспечение наглядными пособиями, учебниками и художественной литературой на родных языках. Не могла в полной мере восполнить недостаток учебной литературы и система заказов через КОГИЗ. Так в 1948/49 учебном году из заказанных чкаловским облоно 17450 учебников на казахском языке было получено только 9314². В 1949/50 учебном году было получено только 35,4 % от заказа учебников на казахском языке (5150 учебников).

В начале 1950-х годов проблемы подготовки квалифицированных учительских кадров сохраняли свою актуальность. В 1951/52 учебном году Акбулакским педагогическим училищем было выпущено всего 7 учителей для казахских школ. Это объяснялось малочисленностью учеников, окончивших казахские семилетки. Ежегодный выпуск по всем казахским школам Чкаловской области составлял порядка 30-40 человек. Соответственно конкурс на казахское отделение был невысок. В 1951 г. в Акбулакское педучилище, при плане приема – 90 учащихся (по 30 человек в русскую, казахскую и татарскую группы), было подано 152 заявления, из них в русскую группу – 68, в татарскую – 45 и в казахскую – 39. Большинство поступивших имели очень низкую подготовку. В 1951/52 учебном году успеваемость на первом курсе казахской группы составляла 78 %, на 2 курсе – 67 %. Низкая успеваемость приводила к значительному отсеву учащихся или к лишению стипендии, что в свою очередь влекло отчисление учащихся казахской группы, не имеющих материальных возможностей для продолжения обучения. Свою роль в сокращении количества учащихся играл и призыв в ряды Советской Армии. В результате, на 3-4 курсах в казахской группе обучалось обычно уже не более 10-12 человек. Многие учащиеся, отчисленные по неуспеваемости или бросившие учебу по материальным обстоятельствам, не имея необходимого педагогического образования, устраивались на работу в школы области, что приводило к очень низкому уровню педагогических кадров в казахских школах³.

¹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 13. Д. 746. Л. 16; Оп.14. Д. 774. Л.30.

² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 776. Л. 15.

³ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 16. Д.957. Л.2-3.

Занятия в педучилище велись в одну смену. Под общежитие для студентов использовалось старое здание, в котором размещалось 67 человек. Остальные вынуждены были жить на частных квартирах. Преподавательский состав училища состоял из 25 человек, из них 13 имели высшее образование, 4 – незаконченное высшее и 8 – среднее образование (учителя музыки, рисования и труда).

Методика преподавания русского языка основывалась на базовых положениях «гениального» произведения И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В программе обучения значились такие темы как: «Русский язык – величайший язык национального и интернационального общения», «Классики марксизма-ленинизма и крупнейшие писатели о достоинствах русского языка». По свидетельству директора училища Мулабаева: «Таким путем преподаватели русского языка на уроках стремились воспитать любовь к языку и русскому народу»¹. Программа преподавания родных языков увязывалась с преподаванием русского языка. Особое внимание обращалось на изучение грамматики и обогащение словарного запаса. При изучении курса казахской литературы основной упор делался на изучение произведений советских писателей.

Созданная еще в предвоенные годы система национального образования, несмотря на многочисленные трудности просуществовала вплоть до второй половины 50-х годов, когда начал происходить постепенный отказ от принципа преподавания на родном языке и стал поэтапно осуществляться процесс перевода национальных школ на русский язык обучения, с включением в качестве этнокультурного компонента преподавания родного языка как предмета. Это во многом было обусловлено принятием новой Программы партии, ориентированной на построение в ближайшем будущем коммунизма, а также дальнейшим развитием идеи строительства социально и национально однородного государства и формирования новой исторической общности людей – «советского народа».

21 января 1957 г. Министерством просвещения РСФСР был принят приказ «О состоянии и мерах по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах». В Оренбургской области этот документ был изучен учителями национальных школ на прошедшем в Саракташском районе традиционном августовском совещании, где работала секция учителей нерусских начальных школ.

После изучения состояния преподавания и качества знаний учащихся нерусских школ, а также анализа отчетов районных отделов образования Оренбургский облоно издал приказ от 20 октября 1958 г. «О состоянии и мерах улучшения преподавания русского языка в нерусских школах». В исполнение этого приказа в 1958/59 учебном году облоно было проверено 20 нерусских школ (всего в области в этот период действовало 290 нерусских школ)².

¹ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 16. Д.957. Л.16.

² ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д.396. Л. 48, 68.

Особое внимание в ходе проверки уделялось районам с многонациональным составом населения. Так, в Домбаровском районе 31,7 % населения составляли казахи (русские – 33,3 %, украинцы – 23,0 %) в 1958/59 учебном году действовали 18 казахских и 9 смешанных русско-казахских школ. В их числе 2 семилетние казахские школы (Истемисская и Домбаровская № 39) и 2 семилетние смешанные (Красночабанская и Еленовская), 16 начальных казахских и 7 начальных смешанных школ. В них обучалось 569 казахских детей: в 1-4 классах – 447 человек, в 5-7 классах и в 8-10 классах всего 31 ученик. На все казахские школы имелся всего 1 преподаватель с высшим образованием и 15 – с незаконченным высшим. Еще 36 учителей имели среднее педагогическое образование и 17 преподавателей не имели педагогического образования. При Еленовской семилетней школе имелся интернат на 10 мест.

Преподавание во всех казахских школах велось на родном языке. В ходе проверки был установлен низкий уровень знаний казахскими детьми русского языка, бедный словарный запас и искажение при чтении отдельных слов¹. Выпускники казахских школ, как и других национальных школ, зачастую слабо владея русским языком, испытывали затруднения как при поступлении в вузы, так и в процессе обучения в них. В связи с этим, одним из решающих факторов, повлиявших на снижение количества национальных школ и уменьшение численности детей, обучающихся на родных языках в 1950-80-е годы, стало желание родителей, чтобы их дети получали образование на русском языке. Выпускники национальных школ, поступая в вузы и сдавая экзамены на русском языке, не могли конкурировать с учениками, обучавшимися в школе на русском языке. Обучение детей на русском языке, таким образом, открывало для детей большие перспективы на вузовское образование и было более престижным с точки зрения родителей.

В 1959 г. в трех ведущих вузах, расположенных в г.Оренбурге обучалось всего 43 студента – казаха (всего в этих вузах обучалось 5466 студентов всех национальностей): в сельхозинституте – 13 человек на очном отделении и 20 на заочном, в пединституте и мединституте – по 5 студентов – казахов.

Главным недостатком в преподавании русского языка в национальных школах чаще всего являлась излишняя формализация процесса обучения. Уроки часто были направлены исключительно на изучение грамматики языка, зазубривание правил, при этом дети мало развивали разговорную речь, слабо пополняли свой словарный запас. В сельской местности, где обычно компактно проживали представители различных этнических групп населения русский язык практически не использовался в качестве разговорного языка общения и ученики национальных школ зачастую не имели необходимой практики общения на русском языке. Это обуславливало неудовлетворительную успеваемость по данному предмету.

В 60-е годы по-прежнему большое внимание уделялось повышению качества преподавания русского языка в национальных школах. Во всех

¹ ЦДНПО. Ф. 371. Оп. 20. Д.396. Л. 54-55.

национальных школах Оренбургской области для детей, родители которых выражали желание, чтобы их дети были зачислены в классы с русским языком обучения, были организованы подготовительные группы.

В 1967 г. в Оренбургской области работали уже только 192 школы, в которых преподавание велось как на родном языке, так и на русском, но с преподаванием родного языка как предмета. В их числе было 17 казахских (6 – начальных, 5 – восьмилетних и 5 – средних школ), в которых обучалось 4302 ученика. Еще в 10 школах был осуществлен переход преподавания на русский язык с сохранением обучения казахскому языку в качестве предмета¹. В 1970-е годы поступательно осуществлялся переход к системе этнокультурного образования, при котором родные языки, в том числе и казахский, преподавались как предмет.

Определенные изменения в системе национального образования стали происходить только во второй половине 1980-х годов. Создание системы этнокультурного образования пришлось практически заново. И начать необходимо было с учительских кадров. В 1989 г. был осуществлен прием 23 учащихся на казахское отделение Орского педагогического колледжа. Еще 21 ученик был зачислен на казахское отделение в 1990 г. и 24 учащихся в 1991 г. Однако из 23 выпускников первого набора в 1994 г. трудоустроены по специальности были только 3 молодых учителя². Остальным работы по специальности просто не нашлось.

В начале 1990-х годов происходит постепенное восстановление и обновление национальной школы, изменение социокультурных приоритетов. В конце 1990 г. Министерством образования была разработана новая концепция национальной школы, в соответствии с которой планировалось создание множества образовательных систем. Предполагалось погружение детей в этнокультурную среду своей этнической группы еще с дошкольного возраста и только со средних и старших классов постепенно приобщались к российской и мировой культуре. Аналогичные концепции начали разрабатываться и на местах. Отделы народного образования осуществляли деятельность по выявлению потребностей населения в изучении родного языка, рассматривали вопросы улучшения качества преподавания родных языков.

К началу 1991-1992 учебного года в Оренбургской области действовали 140 школ с этнокультурным компонентом, в которых обучалось 8921 ученик.

В этот период начинается новый этап развития этнокультурного, в том числе башкирского, образования в Оренбургской области. Пик интереса к этнокультурному образованию пришелся на 1990-е годы. В 1998-1999 учебном году казахский язык преподавался как предмет в 18 школах, где родной язык изучали 1017 учеников. Кроме того, факультативно казахский язык преподавался в 62 школах (878 учеников) и в 24 кружках родной казахский язык изучали еще 366 школьников.

¹ ГАОО. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 374. Л. 118-120.

² Цыганова Л.М. О состоянии и перспективах этнокультурного образования, проблемы преподавания родных языков в учебно-воспитательных учреждениях области // Жизнь национальностей Оренбуржья. – 2000. – № 1 (13). – С. 10.

С 1990 года дополнительная подготовка преподавательских кадров в области родного (казахского) языка по специальности «Преподавание в начальных классах» осуществлялось в педагогическом колледже города Орска. В 1998 году выпуск колледжа составил 7 человек (трудоустроено только 2 учителя), но набора нового курса учащихся уже не состоялось по причине отсутствия желающих обучаться по курсу «Казахский язык». Но педколледж продолжал готовить специалистов. За период с 1990 г. по 2009 г. было выпущено 128 учителей казахского языка. В составе обучающихся в колледже в 2009 г. около 29% студентов казахской национальности. Однако по причине отсутствия социального заказа и сокращения численности профильных школ дополнительная подготовка учителей казахского языка перестала проводиться.

Начиная с середины 2010-х годов наблюдалось постепенное сокращение численности школ с казахским этнокультурным компонентом. Это объясняется отсутствием социального заказа на преподавание казахского языка и реформированием малокомплектных школ (См. Таблица 1.).

Таблица 1. Динамика численности школ с казахским этнокультурным компонентом в Оренбургской области

Учебный год	Количество школ	Количество учащихся
2005–2006	33	935
2006–2007	39	1011
2007–2008	35	977
2009–2010	40	997
2010–2011	35	860
2011–2012	27	748
2012–2013	21	662
2013–2014	22	513
2014–2015	25	524

В 2014–2015 учебном году образовательные учреждения с преподаванием казахского языка были расположены в 9 районах области: Адамовском, Акбулакском, Беляевском, Домбаровском, Новоорском, Новосергиевском, Оренбургском, Саракташском и Соль-Илецком.

Начиная с 2008 г., в школах с этнокультурным (казахским) компонентом содержания образования вводятся электронные учебники, основанные на коммуникативных технологиях. Данные учебники разработаны в Республике Казахстан для детей, не владеющих родным (казахским) языком.

ОБЩЕСТВО РАВНЫХ VS ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СООБЩЕСТВО ГРАЖДАН

Изменения характера социальных отношений и повседневной жизни людей в условиях роста социального и культурного многообразия актуализируют проблему формирования этнокультурного сообщества граждан. Подобное представляется возможным только в обществе равных. Равных априори, без каких-либо условий.

Традицию рассматривать этносы как сообщества, имеющие специфические культурные различия, следует отнести еще ко временам классической этнографии, которая, описывая географическое расселение народов и изучая содержание их культурных и лингвистических особенностей, исследовала их как локальные социальные образования. Между тем реалии современной действительности свидетельствуют о том, что этносы являются группами не локальными, обособленными, а встроенными в социум и используемыми для конструирования нужной (удобной) социальной реальности.

Так, например, поселенческий колониализм оправдывался как средство аллокации «излишков населения» Великобритании «куда-нибудь еще» для пользы этого «куда-нибудь еще». Политика переселений во многом была основана на теоретических концептах, доминировавших в элитарном дискурсе в XIX веке. В основе поселенческого колониализма лежали не только соображения политической экономии и соотношение земля\люди, но и специфические механизмы мифологизации этой политики, занявшей определённую нишу в дискурсивном пространстве. Колонизаторская политика описывалась в популярной литературе в поэмах¹, эссе², в которых с помощью мифов и типичных образов описывались боги, нимфы, прожорливые волки, девственные невесты, изнасилованные грубыми нациями. При этом популярная литература оправдывала экспансию Англии за море с помощью сексуализации территориальных завоеваний: все характеристики земли, свидетельствующие об экономическом и инфраструктурном потенциале (реки, гавани, заливы и т.д.) метафорически описывались как тело девственной невесты, ждущей правильного мужа (каким и является Англия).

Еще один культурный феномен, связанный с поселенческим колониализмом, находит свое выражение в санации языка. В научных исследованиях описывается санация австралийского английского в отношении

¹ Spenser E. Colin Clouts Come home Againe. 1591.

² Purcha S. "Virginias Verger". 1625.

понятия раса¹, также приводятся примеры «вычищения» из местного лексикона американского языка английских слов, связанных с термином «колония»².

Такие идентичности как клановая, племенная, деревенская, расовая – были понятны в традиционном, механическом обществе, основанном на обычаях. Но в обществе модерна, как предполагалось, все основы традиционного общества будут размыты. Соответственно, этническая идентичность как основа социальной стратификации уступит место экономической как наиболее важной для выживания индивида.

Однако в современном мире этнические идентичности продолжают цвести пышным цветом, формировать экономические возможности и, наполнять политические действия или мобилизации.

Развитие этнической идентичности поддерживается постоянными конфликтами на основе трёх связанных источников: 1) полномасштабная международная миграция людей из более традиционных культур и обществ в так называемые более развитые страны, культура которых отличается высокой степенью секуляризованности, доминированием ценностей либерализма, индивидуализма и достижения; 2) противоречие между декларируемыми конституционно либеральными ценностями и равенством всех в возможностях и правах с этно-расовыми привилегиями, существующими при перераспределении общественных благ; 3) последствия холодной войны (превращение «советского народа» в 130 национальностей + беженцы в страны Запада).

Все это приводит к политизации этничности в современном мире: «те, кто традиционно считали себя индейцами стали «первой нацией», те, кто требовал возвращения к африканским корням – «видимыми меньшинствами»... и даже женщины среднего класса стремятся дистанцироваться от сугубо гендерной идентичности отмечая графу «женщины и меньшинства», когда подобная отметка сулит им особый подход (преимущества) в и без того высоко конкурентной среде»³.

Вторая мировая война и падение мировой колониальной системы привели к широкомасштабным национально-освободительным движениям и обострению этнических конфликтов.

Потоки иммигрантов, направлявшихся в Европу и Северную Америку в поисках лучшей жизни, создали проблему отношений с титульными этносами. Американские и европейские ученые были вынуждены заниматься анализом проблем взаимодействия этнокультур, в контексте различного уровня социально-экономического развития народов. То есть этнос, заявил о себе как о своеобразной социальной группе.

В начале XX века представители Чикагской школы во главе с Р. Парком уже в двадцатых годах одними из первых провели эмпирическое исследование

¹ Jane Carey 'Wanted! A real white Australia': the women's movement, whiteness and the settler colonial project. New York: Palgrave, 2009. pp. 1900-1940;

² Karen K. Kosasa Searching for the "C" word: museums, art galleries and settler colonialism in Hawaii.

³ Anton L. Allahar The politics of ethnic identity construction // Identity: an international journal of theory and research. 2001. 1(3), pp. 197-208. P. 205.

локальных сообществ города Чикаго, 80% населения которого составляли иммигранты. Исследуя проблему сохранения этнической группы в иноэтнической среде, ученые пришли к выводу, что успешная адаптация иммигрантов к новому обществу возможна в случае усвоения ими культуры большинства, то есть путем аккультурации – принятия ценностей и образа жизни англоязычного большинства американского города. Их выводы о том, что любое общество в конечном итоге становится «плавильным котлом», где разные народы постепенно растворяются в доминирующей культуре, свидетельствовали о «смерти» этничности.

В конце тридцатых годов XX века этническая группа попадает в центр внимания исследований британских антропологов Манчестерского университета (М. Глакмен, А. Коэн, Дж. К. Митчелл), которые исследовали особенности взаимодействия колонистов с представителями племенных групп в Южной, Центральной и Западной Африке. В отличие от представителей Чикагской школы, которые в результате проведенных исследований констатировали общую тенденцию различных этнических групп к ассимиляции, их британские коллеги пришли к выводу, что «трайбализм» как устойчивый комплекс племенной идентичности не является отмирающим элементом культуры, а наоборот, он постоянно воспроизводится в процессе межгруппового социального взаимодействия¹. И хотя ассимилятивные пророчества представителей Чикагской школы не подтвердились, важными были их выводы о том, что этничность и этнический конфликт являются стороной межгрупповых взаимодействий. А этнические конфликты возникают не там где существуют различные этнические культуры, а там где в социальных взаимоотношениях есть место жесткой социальной стратификации общества.

Изучая межкультурное взаимодействие, британские антропологи приходят к выводу, что те или иные действия участников зависят от контекста ситуации взаимодействия. В частности, результаты исследований показали, что межгрупповое взаимодействие происходит на основе осознания его участниками различий социального положения этнических групп и попытки очертить свои культурные различия.

В ситуациях повседневного взаимодействия и публичных контактов этническая принадлежность, либо, всеми возможными средствами подчеркивалась, либо, наоборот скрывалась членами групп. То есть, в зависимости от социального контекста взаимодействия важность членства в определенной этнической группе для индивида менялась. Этническая идентичность становилась зависимой от экономической ситуации, политических отношений, становясь, таким образом, предметом манипуляций.

В конструировании идентичности значительная роль принадлежит технологиям. Новые коммуникационные технологии повлияли на фон на основе которого конструируется идентичность, они переформулировали

¹ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 203 с., С. 10.

понятие «обобщенных других»¹, модифицировали социальную активность этнических групп.

Дискурс является источником, задействующим психологические факторы (невежество, упрямство, подозрительность и т.д.) на основании этнических различий. Он используется элитами для обоснования политического курса в форме, понятной последователям². Так, миф о расовом превосходстве тутси утверждался в Руанде во времена колониальной зависимости, поскольку тутси использовались в качестве управленческой опоры метрополии. После революции 1959 года «завоеватели» (то есть тутси) перестали считаться гражданами на основании того же мифа о расовом превосходстве, но теперь перевернутого хуту как «угнетаемым народом». Соответственно, этот миф лег в основу рационализации легитимации авторитарного режима хуту как «онтологически демократического», поскольку у власти встала ранее угнетаемая, истинно «местная», народность, сменив «завоевателей»³.

Выделение нгок динка (Ngok Dinka) из южных суданцев произошло по неясному географическому (кочующее племя – с самой южной точкой проживания в северном Кордофане) или культурному критерию (большая часть – билингвы (арабский и динка), много мусульман, даже часть песен о свободе Южного Судана написана на арабском динка-мусульманами). После аддис-аббабских соглашений, прекративших первую гражданскую войну в Судане, часть Динка осталась в северных лагерях, но они оказались «заперты» в положении с более низким социальным статусом, чем имели на юге, после чего значительная часть северных Динка решила вернуться на юг. Это размыло культурные границы еще сильнее, соответственно, повысив риск насильственных действий для «установления жестких границ». Эскалации насилия особенно способствовало отсутствие четких географических критериев для отличия «африканцев юга» от «арабов севера» - «факт существенного физиогномического сходства с южанами заставлял северян еще сильнее беспокоиться о поддержании социальных границ в отношении южан»⁴.

Подводя итог, следует отметить, что во второй половине XX – начале XXI вв. в результате значительных социально-политических изменений, которые обусловили становление принципиально отличных форм социальной организации и новых общественных связей, этносы стали проявлять себя как субъекты активной общественной деятельности. Это привело к смещению фокуса исследования: от культурных характеристик этнических сообществ к изучению этнических групп в контексте социальных связей.

Взгляд на проблемы этничности в таком фокусе раскрывает глубинные смыслы невозможности формирования целостного этнокультурного

¹ Karen A. Cerulo Identity construction: new issues, new directions // *Annual Review of Sociology*, vol. 23 (1997), pp. 385-409. P. 397.

² Prunier G. *The Rwanda crisis: history of a genocide*. N.Y.: Columbia University Press. 1995.

³ Fearon J.D., Laitin D.D. Violence and the Social Construction of Ethnic Identity // *International Organization*, vol. 45, is.04, nov. 2000, pp. 845 – 877. P. 862.

⁴ Deng F.M. *War of visions: Conflict of Identities in the Sudan*. Washington D.C.; Brookings Institution. 1995.

сообщества граждан в условиях несправедливой этносоциальной стратификации общества.

Прежде чем конструировать единую российскую нацию как этнокультурное сообщество граждан необходимым представляется создание социальной базы – экономического, правового, политического равенства при иных условиях всегда найдутся акторы, антрепренёры, предприниматели готовые, преследуя собственные экономические и политические интересы переключать регистры этничности выбирая удобный исключительно для себя вектор движения в рамках социального манипулирования.

Карабаева К. Д. (г. Оренбург, Россия)

ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ В АСПЕКТЕ ПРАВА И МОРАЛИ

Состояние современности можно определить как начало новой эпохи в жизни человечества. Мировое сообщество включено в новую реальность, в которой, с одной стороны, выделяется стремление к глобальной коммуникации и культурному взаимодействию, а с другой – происходит столкновение интересов в политической, культурной, религиозной сферах. Глобализационные процессы, имеющие различные грани своего существования, влияют на условия жизни современных государств и заставляют обратиться к поиску новой мировоззренческой основы. Как справедливо отмечает российский исследователь В.С. Степин: «Сегодня одной из важнейших задач социально-гуманитарного анализа становится исследование современных изменений в культурах, формирования в них точек роста новых ценностей как условие выхода из глобальных кризисов. На этой основе возникают и новые аспекты диалога культур, его нацеленность на выработку новых мировоззренческих смыслов, которые могут быть восприняты различными культурами и обеспечить устойчивое развитие человечества при сохранении его культурного многообразия» [4, с. 24].

Идея о необходимости сохранения культурного многообразия является эстетически притягательной для многоконфессиональных государств, в реализации, которой требуется государственная политика, направленная на закрепление приоритета защиты права народов на самоопределение; создание условий для широкого распространения юридических знаний и повышения уровня правовой культуры населения; постоянное улучшение качества образования; обеспечение гарантий социальной защиты человека. Не обращение должного внимания на данные направления государственной политики представляет собой угрозу для благополучного современного существования человека, общества и государства. Как замечает заместитель министра иностранных дел РФ Г.М. Гатилов: «На протяжении веков в нашей стране проживали рядом друг с другом представители разных народов. Мы отдаем себе отчет в том, к чему может привести неблагоприятное развитие ситуации в других регионах мира. Все, что там происходит в религиозном и культурном плане, отражается и на нашей жизни. Поэтому укрепление принципов морали в политике, учет специфики различных культур, являются

приоритетами российской дипломатии» [4, с.25]. Деятельность, направленная на становление единых ценностных основ сосуществования современных народов, наций и этносов, должна стать приоритетной для государств, международных объединений, общественных организаций, политических лидеров.

Обращаясь к теме евразийских ценностей, следует отметить, их потенциальную силу мировоззренческого характера, как для отдельного государства, так и для объединения государств. Созидание евразийских ценностей является важнейшей предпосылкой для сохранения человеческого достоинства; определения равновесия права народов на самоопределение, с одной стороны, и государственных и межгосударственных интересов – с другой.

Одной из главных задач диалога культур является создание единого духовного пространства, необходимого для взаимопонимания, взаимоуважения и сосуществования различных культур. Единые мировоззренческие универсалии необходимы и для дальнейшего развития современных государств в рамках становления гражданского общества и открытого культурного диалога. В свете глобализационных процессов назрела необходимость выработать наднациональные ценности, универсального мировоззренческого характера. В данном отношении выделяется значение, для современной реальности, евразийских ценностей, которые имеют этико-правовую основу. Они становятся фундаментом для переосмысления человеческого поведения, трансформации сознания личности и общественного сознания, способствуют повышению уровня правовой и общей культуры человека, определяют политику современных государств.

Евразийские ценности обращаются к ценностям нормативной этики, в центре которой выделяются диалектика добра и зла, а также базовые категории: свободы и ответственности, справедливости и долга, чести и достоинства человека и др. Евразийские ценности, соприкасаясь с глубинными основами человеческого существования, с одной стороны, затрагивают моральное содержание личности человека, а с другой – имеют надличностный, наднациональный, надгосударственный характер, затрагивая сферу права. Современный исследователь Коломиец Г.Г., рассматривая категорию достоинства человека, выделяет следующую мысль: «Если в нормативной этике базовой ценностью человеческого достоинства являлось долженствование, связанное с осознанием того, что гарантом нравственного закона выступает высшее благо, а в ненормативной этике XIX – начала XX в.в. этика человеческого достоинства приобрела психологический аспект в границах того же долженствования, то современное понимание достоинства человека требует выхода на человека творческого, творящего науку и искусство, самого себя и «мультикультурное» пространство и вместе с тем ответственного, осознающего свою принадлежность к сложным саморазвивающимся системам» [6, с.63].

Евразийские ценности, закрепляя идею единства в культурном многообразии в аспекте всеобщего блага, определяют ценность достоинства человека, органично существующего в национальном, общественном, государственном пространствах. Так, например, следует отметить, что национальная принадлежность является естественной основой существования

человека. По мнению известного современного исследователя в сфере этики А.А. Гусейнова: «Национальная принадлежность совпадает с личностным ядром человека, человеческим достоинством и, следовательно, национальные чувства требуют предельно чуткого, уважительного отношения» [4, с.27]. Кроме того, согласно взглядам А.А. Гусейнова: «Среди множества подходов и оттенков в понимании нации два являются наиболее обсуждаемыми. С одной стороны, нация рассматривается как некая исторически сложившаяся общность, которая выстраивается в ряд: племя, народность, нация, характеризуется общностью исторических судеб, культуры, языка, психологического строя. Согласно этой концепции каждая нация стремится политически оформиться в государство, она стремится к суверенитету. С другой стороны, нация на основе обобщения опыта национального развития, прежде всего европейского, интерпретируется как некий политический конструкт, следствие и выражение, фиксация государственной общности. В соответствии со вторым подходом национальная принадлежность оказывается синонимом государственной принадлежности» [4, с.27]. Евразийское ценностное определение категории достоинства человека наполняется наднациональным содержанием с сохранением онтологических характеристик личностного ядра человека.

Евразийские ценности имеют также правовую основу, выражаемую значимостью правовых ценностей: свободы, справедливости, прав и свобод человека, социального прогресса, правопорядка. Наиболее существенное предназначение евразийских ценностей в аспекте права – это развитие культа мира, имеющего международное значение. Международная жизнь должна регулироваться нормами права, морали, этики. Таким образом, социальные нормы в свете евразийских ценностей приобретают важное юридическое значение в аспекте ценности содружества народов, наций, государств. Так, согласно мнению Судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева: «Когда политическое пространство соприкасается с пространством права, оно не должно действовать, руководствуясь принципом эскабарства (цель оправдывает средства – примеч. К.Д.). Политическое пространство должно быть пронизано идеями этики. Руководствуясь реальной политикой, как конституционной, так и правовой, нельзя забывать о том, что конституционно-правовая этика – это ядро и политики, и права» [4, с.28].

Евразийские ценности, являясь основой для переосмысления человеческого существования, способны наполнить новым ценностным содержанием современное общественное сознание. Общественное сознание является многокачественным явлением, важными его формами выступают: мораль, право, политика, наука, искусство, религия и т.д. Каждая, из которых находится во взаимодействии с другими формами, сохраняя при этом свои предметные особенности. Так, например, В.С. Барулин выделяет следующее: «общественное сознание отражает богатство общественной жизни. Если обыденное сознание, общественная психология, идеология, теоретическое сознание отличаются, прежде всего, по уровню отражения, способу существования, социальным функциям и т.д., то основной критерий форм общественного сознания содержательный» [2, с. 170].

В русле актуализации евразийских ценностей следует обратиться к вопросу взаимосвязи права и морали. Известным является то, что мораль пронизывает все сферы общественной жизни, создавая моральные отношения, которые определяются как «особый вид общественных отношений, представляющих собой совокупность зависимостей и связей, возникающие у людей в процессе их нравственной деятельности» [9, с.216]. Сознание моральное является отражением социального бытия людей и рассматривает явления и поступки не с точки зрения их причинной обусловленности, а с точки зрения их моральной ценности. В содержание понятия «моральные ценности» включают, во-первых, нравственное значение, достоинство личности (группы лиц, коллектива) и ее поступков или нравственные характеристики общественных институтов; во-вторых, ценностные представления, относящиеся к области морального сознания, – моральные нормы, принципы, идеалы, понятия добра и зла, справедливости, счастья [9, с. 341].

В идеальном аспекте нравственная основа общества составляет ее духовный фундамент, позволяющий каждому ее члену свободно и достойно самореализоваться, созидать новое на благо будущего народа, государства, человечества. Нравственность в некотором смысле определяет процесс человеческого самовосставления общества в целом. Индивидуальная нравственность существует в условиях общественной (т.е. в системе идей, взглядов, норм, представлений, традиций, имеющих надличностный, не персонифицированный характер). Индивидуальная нравственность во многом зависит от содержательных смыслов общественной нравственности, на которую прямое воздействие оказывают историческое прошлое народа, нации, государства, а также современное состояние национального права, политики, культуры, религии, образования, и т.д. Кроме того еще более сильное влияние, на наш взгляд, оказывает существующая система международных отношений, включая международное право, политику, идеологию.

Право и мораль универсальны в том отношении, что адресуются всем членам общества и призваны выражать интересы большинства людей, имеющих общий взгляд на общественное и государственное устройство. Потенциальная сила права кроется в существовании в общественном сознании добровольного принятия установленных правовых норм, в которых находят свое отражение нравственные ценности. Моральное содержание в некотором смысле «оживляет» право и придает ему действенный характер.

Однако в настоящее время одной из самых сложных проблем в сфере права является возрастание правового нигилизма. Так, например, профессор Э.Л. Садыкова связывает «проблему правового нигилизма с ценностным вакуумом, который сегодня образовался в российском обществе» [4, с. 122]. В этой связи следует отметить то обстоятельство, что все социальные сферы связаны между собой, неблагополучие и проблемы в одной сфере неизбежно отражаются или становятся причиной негативных явлений в другой. Академик Запесоцкий А.С. справедливо отмечает: «Не существует проблем только юридических, или только экономических, или только проблем культуры и нравственности. Мы должны анализировать и культурный аспект, и ментальность, и юридический аспект, и т.д.» [4, с. 112].

Духовная сфера жизни общества тесно связана с функционированием специализированных социальных институтов, оказывающих влияние на содержание общественного сознания, культуру, поведение человека. В данном отношении велико значение СМИ, которые играют ключевую роль в формировании современных представлений о мире, человеке, государстве и т.д. По справедливому замечанию исследователя в сфере психологии профессора Ю.П. Зинченко: «СМИ превращаются в ключевой системообразующий фактор всего духовно-нравственного пространства страны, влияющий на формирование картины мира, систему ценностей, интересов и установок, культуры речи и бытового поведения. В настоящее время наблюдается англосаксонская доминанта в международном информационном пространстве» [4, с.42]. Роль СМИ в актуализации евразийских ценностей, трансляции цивилизационного равенства культур, формировании евразийского пространства является существенной. Говоря о цивилизационном равенстве культур нельзя смешивать это понятие с понятием юридического равенства, предполагающего равенство субъектов права. [4, с.43]. Основываясь на идеи о том, что каждая культура имеет свою логику существования, исключая понятия лучшая или худшая культура, возникает необходимость признания единого цивилизационного пространства, которое априори предполагает цивилизационное равенство культур, существующих в данном пространстве.

Евразийские ценности имеют мировоззренческую основу, способную определить направления дальнейшего развития государств, близких в культурно-историческом аспекте. Поэтому предстоит творчески созидать евразийскую реальность, закрепляющую приоритет интересов человека, государственной целостности, свободы развития межгосударственных отношений на основе соблюдения норм и принципов международного права.

Впервые идеи о необходимости становления евразийского мировоззрения прозвучали в среде российских эмигрантов, оказавшихся за пределами страны после революции 1917 г. Идеями основателями евразийского движения стали Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В 1923 году к ним присоединился философ Л.П. Карсавин. В августе 1921 года в г. Софии вышла в свет коллективная монография под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Сами евразийцы определяют себя как особое идейное объединение. Так, например, Н.Н. Алексеев пишет: «Мы являемся объединением идеологическим и всегда себя опознаем, как таковое объединение. У нас имеется не только программа, нас объединяет доктрина, совокупность догм, целое мирозерцание, целая философия» [1, с.166].

Понятие «евразийство» на современном этапе гуманитарного знания трактуется и раскрывается в различных аспектах. Во-первых, «евразийство» представлено как геополитическое учение, содержание которого выражает идея географической особенности «срединной части» Евразии, при этом выделяется общность исторических судеб населяющих ее народов, имеющих единое экономико-политическое будущее (А.А. Грицанов) [3, с. 232]. Во-вторых, определение евразийства предстает в культурологическом аспекте, где решающую роль играет идея России как особого культурного мира, синтезирующего духовные основы Западного и Восточного миров

(В.А. Кондрашов) [7, с. 224]. В-третьих, существует идея о том, что евразийство – это особого рода течение, которое не принадлежит ни историческим, ни философским, ни политическим направлениям, а является собой полидисциплинарное течение, сформированное представителями разных научных сфер (Г.В. Жданова) [5, с. 80]. В-четвертых, «евразийство» трактуется как идейно-философское направление и общественно-политическое учение, соединяющее три различные мировоззренческие установки, разработанные П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким, Г.В. Флоровским, а также выделяется идея доминирования особого евразийского учения, имеющего глубокие связи с традициями русской религиозно-философской мысли (В.П. Кошарный, М.А. Маслин, А.В. Соболев) [8, с. 165].

Евразийцами были созданы научные работы, посвященные философии, географии, истории отечества, этнической истории народов, музыкальной тематике, отличающиеся высоким научным уровнем. Это объясняется тем, что участники евразийского движения, как основатели, так и их последователи, были выдающиеся российские ученые конца XIX середины XX века. Среди них помимо главных идейных основателей выделяются: Г.В. Вернадский – историк и геополитик; Н.Н. Алексеев – правовед, политолог, историк; А.С. Лурье – композитор и музыкальный критик; В.Н. Ильин – историк культуры, богослов; первоначально к евразийцам примыкал и П.М. Бицилли – историк и философ культуры, литературовед.

Особенно привлекателен новаторский и преобразовательный характер феномена евразийства, который остается актуальным для современной действительности. В качестве необходимого основания будущего государства евразийцами выделяется общность культурно-исторического наследия народов России-Евразии. При этом содержание понятия «народ» евразийцы определяют расширительно. Так, историк и правовед Н.Н. Алексеев подчеркивает: «Мы считаем "народом" или "нацией" не какой-нибудь случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры» [1, с. 173].

Философия евразийства является актуальной попыткой переосмысления прошлого и настоящего России, своеобразным прочтением российского культурно-исторического развития. Для современной действительности евразийская модель российской государственности, как нам представляется, имеет потенциальную политическую и эстетическую основу.

Обращая внимание на то, что современное существование человека, общества и государства происходит в условиях глобализации и характеризуется взаимозависимостью, сближением человеческого сообщества в различных сферах экономики, политики, права, науки, существует необходимость проведения государственной внешней политики, способной обеспечить будущее сосуществование евразийских народов в рамках единой открытой коммуникативной реальности. На сегодняшний день признанным является тот факт, что именно партнерство цивилизаций и культур является высшей формой сотрудничества при решении глобальных проблем. Как отмечает британский благотворительный деятель Майкл, финансирующий общественно полезные проекты в областях культуры, сохранения исторического и культурного

наследия, здравоохранения, образования в России: «В решение проблем глобализации большой вклад может внести культура. Мы должны строить отношения, основанные на взаимном понимании, учитывая культурное многообразие. В качестве иллюстрации этого тезиса можно упомянуть организации, которые работают в области общественных связей: они изучают личность с разных сторон и делают выводы, что на человеческую личность оказывают влияние образование и культура» (4, с.24).

В то же время интегративные процессы глобализации конца XX – начала XXI века, как отмечают многие современные философы, сопровождаются кризисом современной техногенной цивилизации, вызвавшей экологический и антропологический кризисы. В результате этого существует проблема перехода от техногенной цивилизации к гуманистической, сопровождающейся глобализационным поиском новой культурной идентичности человека. Известная теория мультикультурализма о необходимости достижения человечеством единства в многообразии существующих культур, по заявлению современных философов, культурологов, политиков, в практической действительности испытывает кризисные явления. По мнению доктора философских наук А.Я. Флиера : «В мультикультурном государстве фактически утрачивается культурное единство общества, а ведь оно нужно не только ради гуманитарных идей, это важнейший инструмент социальной самоорганизации общества. А мультикультурное общество, где нет единых обычаев, неизбежно быстро превратится в полицейское государство» [4, с. 87]. Исследователь глобализационных процессов профессор А.Н. Чумаков подчеркивает: «Попытки межкультурного диалога и то, что в Европе культурализм буквально терпит поражение, не учитывают разный уровень цивилизационного развития людей. Говоря о цивилизации, мы имеем ввиду культурные отношения. Говоря о цивилизации, мы говорим о культуре отношений. Каждый из нас, каждая социальная общность и государство – это культура цивилизационной системы, а это означает, что культура – это внутренняя характеристика и внутреннее содержание, а цивилизация - внешняя» [4, с. 83].

Сущностная характеристика и потенциальное предназначение теории мультикультурализма содержательно раскрывается академиком А.Н. Нысанбаевым: «Мультикультурализм призван преобразовать поле культурной, политической, социально-статусной и прочей этнической конкуренции в пространство сотрудничества, диалога, полифонии. Мультикультурализм в обязательном порядке должен сопровождаться интеграционными процессами. Вместе с тем в политической практике и гуманитарном дискурсе распространенной является интерпретация мультикультурализма, разрушающая само его основание. Мировой опыт реализации моделей мультикультурализма доказывает, что политика привилегий для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т.п.) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимались. Наоборот подобная эксклюзивность лишь провоцирует напряжение и фрагментацию современных полиэтнических сообществ, препятствует их интеграции в политические нации» [4, с. 53].

На фоне существующих глобализационных процессов, в реализации государственной политики, направленной на развитие дружественных

межгосударственных отношений, доминирующее значение имеет право и мораль. Право, выполняя функции охраны общественных отношений и защиты законных интересов человека способно обеспечить правовую основу для развития конкурентоспособного государства на международном уровне. По справедливому замечанию заслуженного юриста Российской Федерации Г.М. Резника, право – это «единственный инструмент, который позволяет выстроить консенсус, когда люди одной страны образуют политически единую нацию, живущую по общим для всех законам» [6, с.38]. Право обладает возможностью закрепить естественное единство людей, которое определяется ценностью единого происхождения от человеческого рода.

Евразийская модель государственности и межгосударственных отношений, развиваемая на основе становления универсального евразийского мировоззрения, способна стать вектором дальнейшего взаимодействия культур с выделением ценности симфонического единства народных субъектов на евразийском пространстве. Поэтому в евразийстве для современной действительности особую значимость приобретают евразийские ценности, которые могут стать основой для перехода от либеральных идей потребительского общества к идее наднациональных ценностей, необходимых глобализирующемуся миру, вызывающего к мировоззренческим переменам.

Примечания

1. Алексеев, Н.Н. Евразийцы и государство / Н.Н. Алексеев // Евразийская хроника. – 1927. – Вып. 9. – С. 150-180
2. Барулин, В.С. Социальная философия: Ч.1 / В.С. Барулин – М. Изд-во МГУ, 1993.
3. Грицанов, А.А. Евразийство. / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск: Издательство В.М. Скакун, 1998. – С. 232.
4. Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17-18 мая 2012 г. Т.2: Материалы. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 212с.
5. Жданова, Г.В. Историософия евразийцев в современных публикациях / Г.В. Жданова // История мысли. Русская мыслительная традиция. – М., 2003. Вып. 2.
6. Коломиец, Г.Г. К проблеме человеческого достоинства в стратегии диалога культур / Г.Г. Коломиец // «Образ России в кросскультурной перспективе», материалы международной научной конференции, 13 апреля 2012 г. / под общ. ред. Н.Г. Багдасарьян, отв. ред. Н.Е. Мельникова. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2012 С. 58 – 63.
7. Кондрашов, В.А. Евразийство / В.А. Кондрашов // Новейший философский словарь – Ростов на Дону: «Феникс», 2005. С. 224-225
8. Кошарный, В.П. Евразийство / В.П. Кошарный // Русская философия: Энциклопедия под ред. М.А. Маслина. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 165-166
9. Словарь по этике / под ред. И.С Кона. М.: ПОЛИТИЗДАТ, 1975.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕИ
КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА»,
*посвящённая 185-летию музейного дела в Оренбуржье
(г. Оренбург, 29 мая 2015 г.)***

ПЕРВАЯ СЕССИЯ

Еремина Н. А. (г. Оренбург, Россия)

**МУЗЕИ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРАЯ**

Жизнь музеев в современной России очень насыщена, интересна. Музейные работники смогли добиться полного признания обществом важности музейного дела, его необходимости для духовного развития каждого человека. И как бы ни менялось время, музеи всегда будут выполнять свою высокую миссию сохранять и передавать будущим поколениям историко-культурное наследие России.

В последние годы в нашей области растёт роль музеев в социальной сфере, ежегодно увеличиваются музейные собрания, развиваются новые формы музейной деятельности. Музеи научились грамотно строить экспозиции, разрабатывать яркие, содержательные программы для разных категорий населения с использованием современных технологий.

Сегодня музеи области рассматриваются как ресурс регионального развития, инструмент социальной политики, важный фактор интеграции культурного сообщества. В немалой степени этому способствует Оренбургский губернаторский музей, который является родоначальником становления и развития музейного дела в Оренбуржье.

В этом году музею исполняется 185 лет. 185 лет – это много или мало? Наверное, много. Это жизнь трех поколений людей, беззаветно служивших великому делу – сохранению историко-культурного наследия Оренбургского края. Но вернемся к истокам и перелистаем страницы истории этого удивительного музея, «главного», как называл его Василий Перовский, музея Оренбуржья.

Инициатива создания музея в Оренбурге принадлежала губернской администрации, и, прежде всего, военному губернатору графу П.П. Сухтелену. Им была высказана идея создания музея с сугубо прикладной направленностью: «... край остается «страною малоизвестною»; «...противу сих недостатков одним из надежных пособий может быть образование Музеума, коего предметы представят наблюдательному посетителю, какого бы

звания и сословия он ни был, все сокровища страны, им обитавшей, покажут все недостатки средств, им употребляемых, и способы в сравнительном отношении их улучшения, познакомят и сблизят с множеством предметов, готовых на пользу его, но прежде ему неизвестных». История музея начинается с 24 ноября 1830 г., когда губернатор подписал первый циркуляр (учреждающий документ).

Совершенно уникальным следует считать то, что инициатива его создания принадлежала администрации – в других местах подобного мы не наблюдаем. Нетипичной является и задача создания музея. Модель музея как важного подспорья образовательного, просветительного процесса теоретически сложилась достаточно рано, но реализация таковой, ее воплощение в жизнь затянулись по ряду материальных и политических причин. Важным является то, что образовательная задача Оренбургского края была не только принята местными властями, но с самого начала музей строился с ориентиром на просветительные цели. Хранение, изучение и демонстрация его коллекций неизбежно служили делу просвещения и сохранения культурного наследия, а значит, формированию будущей культурной среды. Современных аналогов по стране (за исключением столиц) нет.

Не менее драматично складывалась и история формирования коллекций, т.е. основного фонда музея. Процесс комплектования фонда шел неравномерно. Проследить первоначальные этапы его формирования довольно сложно из-за недостаточного количества информации. Музейный фонд сильно пострадал в начале XX века: гражданская война, раздел культурных и научных ценностей Оренбуржья. Из музея в Казахстан было вывезено 9/10 всего фонда. Из общего числа экспонатов 81 322 оставлено было 794. Целиком были увезены геологические коллекции Казачьего горного музея, нумизматический отдел, коллекция предметов быта народов России, военный отдел. Социокультурные последствия этого события ощущались в крае еще достаточно долго. Собираение коллекций фактически началось заново.

Активно пополнялся музейный фонд в 50-70-х гг. XX в. И уже на 1 января 1980 г. музейное собрание составляло 80 тыс. единиц. Работа по формированию коллекции продолжается и сегодня. В результате археологических, этнографических экспедиций, принятию в дар музею от жителей Оренбурга и Оренбургской области за последние 15 лет было собрано 30 тыс. музейных предметов.

Сегодня в фондах музея хранится более 120 тыс. единиц музейных предметов, в том числе коллекции мирового значения: «Золото сарматских вождей», «Рукописные и старопечатные книги», «Традиционные костюмы народов Оренбуржья» и другие.

Фонды губернаторского музея состоят преимущественно из подлинных вещественных, изобразительных, письменных или звуковых свидетельств экономического, политического, социального развития общества. Гордостью собрания музея является археологическая коллекция – коллекция, с которой началось формирование музея. Она включает в себя более 32 тыс. экспонатов. Научный интерес представляют коллекции из всемирно известных памятников

от эпохи бронзы до раннего железного века: Каргалы, Покровка, Филипповка. Уникальны золотые украшения высшей сарматской элиты, это памятники мирового значения.

Одной из первых была сформирована этнографическая коллекция музея, в составе которой более 2 тыс. единиц – это традиционная одежда народов Оренбуржья XIX-XX веков. Собрание включает как костюмные комплексы, так и отдельные предметы: головные уборы, украшения, обувь. Преобладает, главным образом, женская одежда, как наиболее выразительная в художественном решении. Коллекция содержит предметы одежды народов многонационального Оренбуржья: башкир, казахов, русских, украинцев, чувашей, мордвы, татар, переселившихся сюда в разное время с Поволжья, Украины, южных и центральных губерний Российской империи, из азиатских степей. Значительную часть коллекции составляет собрание русского костюма – это комплекты одежды крестьян-переселенцев из Курской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской и других губерний. Гордостью коллекции являются комплексы праздничной и повседневной одежды оренбургских казаков. В канун юбилея эта уникальная коллекция будет представлена в залах музея.

Научный интерес вызывает коллекция рукописных и старопечатных книг, которая насчитывает более 350 единиц, в ней представлены памятники древнерусской, арабской и еврейской письменности. Украшением коллекции старопечатных книг, бесспорно, является знаменитая «Острожская библия» XVI века, книга первопечатника Ивана Федорова с его фирменным знаком.

Музейное собрание регулярно пополняется новыми экспонатами. В 2011 г. музей получил в дар уникальную коллекцию монет XVIII-XIX вв. (233 единицы). В ее составе монеты, имеющие огромную нумизматическую и историческую ценность. Например: медная бона – «Бородовой знак», она служила своеобразной квитанцией за уплату пошлины на ношение бороды во время правления Петра I; гривна XIII века – денежный платежный слиток, имевший хождение на территории Древней Руси в «безмонетный период» и другие.

Музей не только бережно хранит историко-культурное наследие Оренбуржья, но и содействует его популяризации, издавая научно-популярные материалы и организуя более 100 различных благотворительных и научно-просветительных мероприятий и акций в год.

В рамках Года Культуры музеем был заключен договор о творческом содружестве с группой компаний «Армада», рассчитанный до 2017 г. Открытие нового выставочного зала на территории торгово-развлекательного центра позволило расширить экспозиционные площади музея, приблизив его к жителям Северного района города. Очень сложно и трудно осуществлялась реэкспозиция отдела природы. Современное техническое оснащение, новое художественное решение залов стало возможным только благодаря поддержке министерства культуры и внешних связей Оренбургской области, а также творческим усилиям сотрудников музея, их профессиональным знаниям. В обновленной экспозиции было установлено 20 единиц мультимедийной техники: это сенсорные и информационные терминалы, интерактивные и мультимедийные игровые устройства.

Творческий потенциал и возможности музея проявляются в различных сферах жизни Оренбуржья. Он является визитной карточкой, олицетворяющей величие и красоту Оренбуржья. Музей стал центром просвещения, науки и культуры, осуществляющим долгосрочные музейные проекты.

Одним из самых удачных проектов музея стал областной музейный форум, объединившим 38 музеев области в единое музейное сообщество. И если в 2004 году на форуме было представлено 12 музеев, то в 2014 г. приняли участие 30 музеев. В фондах музеев области более 300 тыс. ед. хранения. Это действительно уникальное богатство и достояние Оренбургской области.

С начала 90-х годов в гербовом зале музея возродились исторические традиции: губернаторские приемы, подписание международных договоров и соглашений, вручение государственных наград Российской Федерации. Проведение таких мероприятий приобрело особую историческую значимость и торжественность в связи с подписанием в 2011 г. губернатором Оренбургской области Ю.А. Бергом постановления Правительства Оренбургской области о присвоении Оренбургскому областному историко-краеведческому музею статуса «губернаторский».

Музеи достойно представляют Оренбургский край и за его пределами, организуя передвижные выставки, участвуя во всероссийских проектах. Постоянным участником в Международном фестивале «Интермузей» (г. Москва), Всероссийской выставке «Символы Отечества» (г. Москва) является Оренбургский губернаторский музей. В 2014 г. музей принял участие в Федеральном проекте «География Победы», посвященном 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Москва). На базе музея создано Оренбургское региональное отделение Российского военно-исторического общества, музей является членом Сообщества пушкинских музеев России.

Юбилейный 2015 год стал для Оренбургского губернаторского музея годом сложного экзамена на подтверждение звания «главного музея края». Доказательством высоких результатов стало участие музея в проекте Приволжского федерального округа «Победа», который стартовал в декабре 2014 г. по инициативе полномочного представителя Президента России в Приволжском федеральном округе Михаила Бабица. Цель проекта – сохранение истории и памяти о героических событиях Великой Отечественной войны. В рамках проекта были проведены 3 конкурса по 8 номинациям. Оренбургский губернаторский музей представил проект «Оренбуржцы на фронтах Великой Отечественной войны» к 70-летию Великой Победы. В номинации «Лучший региональный музей» приняли участие 118 музеев. Победителем в номинации «Лучший региональный музей» Приволжского федерального округа стал Оренбургский губернаторский музей.

Сегодня музеи играют активную роль в жизни нашего сообщества. И это подтверждает международная Российско-Казахстанская научно-практическая конференция «Музеи как центры сохранения и популяризации этнокультурного наследия народов Урало-Казахстанского региона», посвященная 185-летию музейного дела в Оренбуржье, которая и подтвердит предназначение музеев области в сохранении материального и духовного наследия края. Именно в наших руках ключи от вечности.

РОЛЬ МУЗЕЯ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Более 250 лет назад великий историк, крупнейший русский литератор, который родился на оренбургской земле, написал, что Россия сильна провинцией! И это правда!

Характеризуя российскую культуру, необходимо выделить, что культура – это не только достояние нации, скрытое в веках, а еще и динамичное свойство общества, способное выдвигать социальные, нравственные и культурные нормы современной жизни социума. Попытки удержать бесконечное богатство и разнообразие мира имеют своим итогом Музей как выражение самого современного отношения к исторической действительности.

Музейное дело – это специальная область культурно-образовательной и научной деятельности, которая осуществляется музеями по комплектованию, сохранению, изучению и использованию памятников природы, материальной и духовной культуры.

Все что происходит в обществе, в политике, в бизнесе, в образовании, в культуре, вся эта информация собирается, обрабатывается и далее представляется в музеях. Директор Государственного Эрмитажа, М.Б. Пиотровский сказал, что «музей это витрина государства»!

Музей в современной России – одно из самых доступных и самое посещаемое учреждение культуры, ежегодно музеи России посещают более 80 млн. человек, для сравнения - театры 30 млн., библиотеки около 60 млн. человек. Причём посещаемость в последнее 10 лет удерживается и увеличивается.

Когда говорим о количественном показателе посещаемости музеев, речь идет не только о количестве физически посетивших музей, но и о виртуальном посещении через использование современных информационных технологий:

- Музей-клуб;
- Музей-справочная;
- Музей-форум;
- Виртуальная экскурсия по музею и многое другое!

Сегодня и музеи, и все учреждения культуры работают согласно Дорожной карты, у всех нас есть показатели, к которым мы должны стремиться для удовлетворения культурных потребностей населения и привлечения посетителей, в том числе новых посетителей, которыми чаще всего и являются дети.

Обучение, образование – это все передача культурного кода, а культурный код передается в институте, школе, семье и конечно через учреждения культуры, которые посещает каждый человек.

Например, только сотрудники музея изобразительных искусств ежегодно проводят более 50 выставочных проектов по городу, области, России и за рубежом.

С каждым годом, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей и областной музей изобразительных искусств все более естественно воспринимаются как составляющая культурного пространства региона, в которое включены его уникальные информационные источники, музейные работники, и, конечно, – жители Оренбургской области. Оренбургские музеи способствуют экономическому развитию региона, повышая имидж и культурную привлекательность всей области.

Конечно, в музейной деятельности есть и проблемы это:

- Престиж музеев, также как и престиж всей культуры;
- Проблемы с недвижимостью, оформление в собственность зданий и земельных участков;
- Современная оптимизация;
- Кадровый вопрос;
- Недостаток в помещениях (экспозиции, хранилищ, выставки);
- Безопасность (и музейных предметов и посетителей);
- Использование и внедрение современных информационных технологий. Разрешите привести пример последней технической новинки нашего музея, – электронный чип-аудиогид, которым оснащены основные экспонаты музея. При помощи современного мобильного телефона информация считывается с чипа и посетитель получает полные сведения о картине или ином музейном предмете, или любой желающий может бесплатно на территории музея получить доступ к услугам интернета.

Нам сегодня не хватает правильного общественного понимания роли музеев. Музей – не досуговое учреждение и не туристический объект. Он не только оказывает услуги, но и выполняет важнейшую государственную функцию по сохранению культурного наследия, исторической памяти и права на память. Музеи воспитывают в людях чувство исторического достоинства, обеспечивают культурный уровень и вкус, необходимые для принятия правильных современных решений и для способности их выполнять.

Социальная сущность современного музея выражается, в том числе и в стабилизирующей роли, которую они играют в жизни общества. Деятельность музеев напрямую направлена на обеспечение процесса усвоения каждым пользователем определенной системы знаний, норм, ценностей, которые позволят ему стать достойным и полноправным членом общества. Через лучшие произведения культуры, искусства, литературы прививают своим посетителям главные общечеловеческие качества: честность, доброту, милосердие, добросовестность, трудолюбие, духовность.

Проведенное исследование взаимодействия Музея и Города можно представить на следующей таблице.

Музей - Городу	Город - Музею 6
- изучение и сохранение историко-культурного наследия региона; - представление истории и культуры города и региона; - организация досуга и «свободного времени» жителей города; - включение человека в «культурное пространство» города; - вовлечение жителей в творческую деятельность; - формирование культуры, нравственности, порядочности, милосердия, патриотизма жителей региона; - удовлетворение потребностей туристов приезжающих в города; - повышение инвестиционной привлекательности города; - способствует созданию новых рабочих мест; - музей делает имидж города более многогранным и повышает его авторитет.	- поддержание материально- технической базы музея; - помощь в подготовке профессиональных кадров для музеев; - правовое регулирование деятельности музеев внутри региона или гор - пропаганда музейного дела; - обеспечение безопасности и сохранности музейных коллекций; - способствует привлечению в музей посетителей; - мотивация музейных работников в виде грантов, поощрений; - создание инвестиционного климата для инвесторов вкладывающих средства в развитие музея.

Отдельно необходимо выделить, что многогранная деятельность современного музея способствует процессу создания культурной идентичности своего региона. Например, в Оренбургской области при поддержке Правительства Оренбургской области создан уникальный выставочный комплекс «Салют Победа», который стал любимым местом горожан для проведения свободного времени. Или галерея «Оренбургский пуховый платок», а Оренбургский пуховый платок для нашего края, это такой же бренд или символ как «Тульские самовары», «Вологодские кружева», «Нижегородская хохлома».

Организация Галереи позволила оживить культурную среду города и области посредством ярких музейных событий, проектов, презентаций историко-культурного наследия Оренбуржья в форме новых выставочных экспозиций; эффективнее использовать музейные фонды, включить их в культурно-образовательные процессы в целях воспитания эстетического, художественного, исторического самосознания и патриотизма граждан, развития культурно-досугового потенциала края.

Вот это пример любви к традициям, малой Родине и образованного патриотизма!!!

А какой открылся современный музей посвящённый нашему герою, землянику Мусе Джалилю в Мустафино, жаль только, что далеко расположен от Оренбургского центра и не все желающие могут доехать.

И ближайшее время мы надеемся откроется новый мемориальный музей В.С. Черномырдина в Черном Отроге, в котором также будет и истории нашего края, связанная с нашим земляком.

Много интересных проектов было реализовано не только в нашем городе, области, России, но и за рубежом, что не может не вызывать гордость за нашу культуру.

Мы все с вами делаем много позитивного, интересного, необходимого, на благо Оренбургской области и всех жителей Оренбуржья.

Культура – это то, что нас объединяет, и культура должна быть успешной!

Кызылбаева А. Т. (г. Актобе, Республика Казахстан)

МУЗЕЙ И ЕГО РОЛЬ В СОХРАНЕНИИ И ПРОПАГАНДЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*«Адамзаттың бәрін сүй бауырым
деп...»*

*«Люби словно братьев людей всех на
свете...»*

Абай Кунанбаев

На протяжении веков на исторической земле казахов перекрещивались судьбы многих народов - носителей различных культур, религий и традиций. В результате сложилась уникальная ситуация, когда вместе с казахами мирно живут представители 140 этносов и 40 конфессий. При этом длительное совместное проживание различных этносов сформировало в обществе устойчивые традиции толерантности. Тем более что еще в советские годы Казахстан рассматривался «страной ста языков», «лабораторией дружбы народов».

Сегодня в Казахстане сформирована собственная модель межэтнического согласия, получившая высокую оценку в мировом сообществе. Созданы эффективные нормативно-правовые и концептуальные основы обеспечения межэтнического согласия. Конституция Республики Казахстан гарантирует защиту интересов всех граждан независимо от этнической, расовой, религиозной или иной принадлежности. Казахстан – многонациональное государство. Здесь проживают представители более 130 наций, народностей, национальных и этнических групп. Почти 94% всех жителей страны приходится на долю 6 национальностей: казахов, русских, украинцев, немцев, узбеков и татар.

Важнейшим направлением деятельности государства в сфере межэтнических отношений стало проведение сбалансированной языковой политики. Согласно Конституции, государственным языком является казахский, в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык.

В нашей стране было проведено 4 съезда лидеров мировых и традиционных религий, а наша столица Астана стала центром диалога культур. Первому Президенту Республики Казахстан — Лидеру Нации принадлежит право пожизненно возглавлять Ассамблею народа Казахстана. Благодаря заслуге нашего Президента, его глубокому осмыслению роли каждого этноса,

каждой культуры, составляющих народ Казахстана стало основанием научного тезиса: «Любой народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества». Именно самобытностью народ должен быть дорог и любим соседом -это есть главная президентская формула, которая была положена в основу работы Ассамблеи народа Казахстана. Нужно отметить, история Казахстана – это история длительного этнического и культурного взаимодействия населяющих его народов, по разным объективным и субъективным причинам оказавшихся на гостеприимной казахстанской земле. Для казахстанцев присущ высокий уровень толерантности по отношению к образу жизни, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям представителей всех этносов, конфессий, социальных групп. В то же время разнообразие и диалог этнических культур в стране являются источником постоянного обогащения и развития всех казахстанцев. Указанное взаимодействие проявляется практически во всем – в языке, в традициях и быте, в науке и культуре, в образовании и бизнесе. В казахстанском обществе глубоко укоренились нравственные ценности, почитание старших, уважение к институту семьи, традиции гостеприимства. Все это способствуют укреплению взаимопонимания и дружбы граждан различной этнической и религиозной принадлежности. Уважение к государственному языку и его роли в обществе, уважение национальных традиций, содействия развитию этнических культур и языков также играют огромную роль в политической стабильности и согласии казахстанского общества.

Неоценимая работа в этом деле принадлежит музеям, которые содействуют широкому распространению знаний об истории и культуре этносов, во многом обеспечивает сохранение культуры, исторического наследия, традиций и самобытности каждого этноса Казахстана, развитию межкультурного диалога и гуманитарного сотрудничества со странами проживания казахской диаспоры, а также со странами, являющимися исторической родиной для казахстанских этносов.

У каждого народа есть своя неповторимость, своя самобытность, с помощью которой он выделяется среди других, и неповторимость эта не только в языке, но и в традициях, иерархии ценностей, образе жизнедеятельности.

Актюбинская область многонациональная. Исторически сложилось так, что формирование многонационального состава населения началось ещё в середине XVIII века. В настоящее время в нашей области в атмосфере единства и братства живут и работают представители более 90-ти национальностей, которые вносят весомый вклад в экономическое развитие региона, в укрепление межнационального согласия, сохранение и развитие языка.

2003-й год президентами двух стран В.В.Путиным и Н.А.Назарбаевым официально был объявлен «Годом Казахстана в России». Это является знаковым событием в новейшей истории двух государств России и Казахстана. Достигнутые договоренности по главным приоритетам сотрудничества вывели казахстанско-российские отношения на новую орбиту развития, включая в себя и развитие культурных взаимоотношений.

Тесные взаимоотношения двух этнических групп (казахов и русских), составляющих основу (84%) населения Казахстана, наполняются новым содержанием, связанным с проведением впервые в условиях суверенного развития в 2003г. «Года Казахстана в России», а в 2004 – «Года России в Казахстане» и объявлением 2006 – годом Абая в России, Пушкина – в Казахстане.

Актюбинская область поддерживает теплые и близкие отношения с Оренбургской областью, с которой связывает территориальное соседство и единые исторические корни. В начале 90-х годов был заключен договор о культурном сотрудничестве между двумя областями Оренбургской областью РФ и Актюбинской областью РК. И впервые в 1997 г. в рамках культурного сотрудничества была организована выставка «Оренбургский пуховый платок», из коллекции Оренбургского музея изобразительных искусств, что явилось одной из первых работ по совместному сотрудничеству с музеями России. Оренбургский областной музей изобразительных искусств вносит свой вклад в упрочение этих связей и уже многие годы тесно сотрудничает с Актюбинским областным историко-краеведческим музеем, показывая в Казахстане оренбургские пуховые платки, истинное сокровище народного искусства. Проведение выставки стала традицией и в этом году проводилась уже 18-ый раз. Сотрудники двух музеев со всей ответственностью подходят к формированию выставки, пропагандирующих и прославляющих изделия Оренбургских мастериц. Выставка знакомит казахстанских зрителей с работами лучших вязальщиц Оренбуржья, в чьих творениях воплотился вкус и талант простых вязальщиц, сумевших в своих творениях подняться до высот подлинного искусства.

В Актобе 14-15 июля 2012 года впервые был проведен татарский праздник «Сабантуй». Для участия в празднике в областной центр прибыло около 500 человек, в том числе официальная делегация из Татарстана во главе с премьер-министром Илдаром Халиковым, делегация из Башкортостана во главе с заместителем председателя государственного собрания-курултая Рафаилом Зинуровым. Праздник прошел на площади им.Первого Президента Республики Казахстан в самом центре города, где Актюбинским областным историко-краеведческим музеем был размещен этно-аул, установлена казахская юрта с полным убранством. В течении двух дней по выставке проводились экскурсии. Гости, посетившие юрту, с большим интересом ознакомились с бытом, культурой казахского народа, особенно отметив, что несмотря на жаркие июльские дни в юрте особый микроклимат.

2 октября 2013 года - в Доме дружбы Актюбинской области состоялось подписание договора о культурном сотрудничестве между министерством культуры и внешних связей Оренбургской области РФ и управлением культуры, архивов и документации Актюбинской области. Договор о сотрудничестве подписали руководитель управления культуры Актюбинской области Назира Табылдинова и министр культуры Оренбургской области Виктор Шорилов. Обе стороны выразили надежду на то, что отныне у них расширятся культурные связи - оренбургская сторона предложила проводить

ежегодно творческие выступления актюбинских коллективов в Оренбурге и наоборот - выступления оренбуржцев в Актобе.

16 мая 2014 года музей провел «Ночь в музее» в рамках празднования Дня города Актобе и 85-летия Актюбинского областного историко-краеведческого музея приуроченного к празднику 18 мая Международному Дню музеев. В этот день областной музей совместно с национально-культурными центрами организовал выставку, где вниманию гостей была представлена самобытная культура народностей, проживающих в Актюбинской области. В ходе мероприятия к 145-летию города Актобе сотрудники музея продемонстрировали дефиле в национальных костюмах разных национальностей, подаренные переселенцами музею в разные годы. Цель данного мероприятия воспитание уважения к народам разных национальностей, проживающих на Актюбинской земле, доброжелательного отношения друг к другу, ознакомление участников мероприятия с особенностями национальных костюмов разных народов.

В области культуры, науки, образования и воспитания, музеи решают специфические задачи, которые ставятся перед ними обществом. Во-первых музеи предназначены для научного документирования явлений, процессов закономерностей развития природы и общества; во-вторых они призваны решать задачи охраны культурно-исторических ценностей; в третьих музеи являются специфическими центрами научных исследований на которых основывается вся их деятельность; наконец общество выдвигает перед музеями требования активного участия в формировании нового человека. В Актюбинском областном историко-краеведческом музее регулярно проводятся различные мероприятия по этнокультурному воспитанию, формированию гражданской позиции у студенческой молодежи, толерантности и культуры межэтнического согласия; направленной на консолидацию общества, укрепление казахстанского патриотизма, укоренение в молодежной среде толерантного и уважительного отношения к культурным традициям, языку и ценностям всех этносов, проживающих в Казахстане. Музеи неразрывно связаны с сохранением и воспроизводством историко-культурного наследия народов. Призваны заботиться о сохранении культурного наследия разных этносов. В отличие от библиотек и архивов, музеи хранят весь спектр памятников истории и культуры: движимых, недвижимых, материальных, нематериальных, духовных, природных. На основе подланных памятников и присущих музею форм коммуникации формируется объективное представление об этносе, его культуре, истории, традиции, обычаях, национально-психологических особенностях и формах их проявлений.

29 апреля 2015 года в рамках празднования 20-летия Асамблеи народа Казахстана в нашем музее была организована юбилейная встреча с председателями чеченского национального культурного центра «Вайнах» и греческого этно-культурного объединения «Эллада», образованию двух этих центров также как и Ассамблее народа Казахстана в этом году исполнилось 20 лет. Участниками мероприятия стали также воспитанники Актюбинского областного казахско-терецкого лицея для одаренных юношей, в совершенстве

владеющими помимо казахского, русского и турецкого еще несколькими иностранными языками, а также их преподаватели из Турции для которых Актобе стал второй Родиной. В ходе встречи участники познакомились с культурой и традициями греческой и чеченской диаспор. О прошлом наследии этих народов. В общении с гостями шла речь на темы казахстанского патриотизма, межнационального согласия. Сотрудники музея провели викторину, показавшую, насколько знают гости культуру, традиции, обычаи своих этносов. Гости встречи получили в подарок каталог о ценных экспонатах музея, выпущенный к 85-летию Актюбинского областного историко-краеведческого музея. В свою очередь член АНК Хасан Сагаев к 20-летию Ассамблеи народа Казахстана и юбилею образования Чеченского этнокультурного объединения «Вайнах» преподнес в дар музею копию древнего кувшина вайнахов, который занял свое место в экспозиции музея посвященного дружбе народов. «Музей-важный элемент диалога культур, из которых и состоят цивилизации. Он является полем диалога, его механизмом и регулятором». Следует отметить, что в духовно-культурной сфере укреплению межэтнической интеграции во многом способствуют ежегодное традиционное проведение массовых народных празднований «Наурыза» (Новый год по восточному календарю). Музейные коллекции являются не только ценным информационным источником, раскрывающим взаимодействие культур народов, но и обладают мощным эмоциональным потенциалом воздействия на посетителей. В зале «Казахстан дорогой независимости» нашего музея открыта экспозиция, посвящённая этнокультурным объединениям. Данная экспозиция ежегодно пополняется экспонатами, которые любезно предоставляются представителями различных диаспор, проживающих в Актюбинской области.

По поводу самого феномена музея весьма интересно высказывание Николая Федорова - русского философа, посвятившего музейному делу многие свои труды «музеи суть школы для взрослых, то есть высшие школы, и должны быть центрами исследования, которые обязательны для всякого разумного существа, - все должно быть предметом знания и все познающим». Стремясь дать человеку представление о традициях другой культуры, музей предоставляет вещи, необходимые и значимые для этого осмысления. Бытовые, культовые предметы, произведения художественного творчества и т.д.

Родоначальник принципа изучения культуры как текста Михаил Бахтин в своей работе «Эстетика художественного творчества» говорит о том, что каждый тип культуры порождает свою специфику репрезентации, и выражает ее через символические формы. В символах раскрывается смысл культуры. Для того, чтобы понять другую культуру, необходима расшифровка этих символов. Бахтин выделяет специфичность различных художественных языков, однако он не отрицает возможности понимания одного языка другим. По его мнению, процесс осмысления неразрывен с понятием «диалога культур», чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом. Развивая теорию Бахтина, мы можем прийти к выводу, что музей и является базой, дающей возможность существования этого диалога.

Актюбинский областной историко-краеведческий музей имеет многолетний опыт по сохранению и представлению этнокультурного наследия. Мы любим наших посетителей. Радость, которую получают люди на наших мероприятиях — самая большая награда для сотрудников музея. Музейные работники представляют информацию не только более доступную для понимания различных категорий населения, но и влияющую на формирование ценностных ориентаций, формирующую толерантность и уважение к этническим культурам других народов.

Роль музея как традиционного места сохранения и трансляции культурного наследия, как центров культурно-просветительной, воспитательной работы, несомненно, велика. «Представители различных обществ являются носителями разных культур, они отличаются друг от друга своим мировоззрением, ценностями, навыками и предпочтениями. Перемены, произошедшие в последние десятилетия в экономической, технической и социально-политической сферах, обусловили серьезные сдвиги в культурных основах современного индустриального общества. Изменилось все: стимулы, побуждающие человека к работе, противоречия, становящиеся причинами политических конфликтов, религиозные убеждения людей, их отношение к культуре, воспитанию детей и т.д. Можно продолжать еще дальше и позволить себе утверждение, что за время существования современного индустриального общества изменилось даже то, чего люди хотят от жизни. Все эти перемены происходят постепенно, в свою очередь, отражая изменения в процессе формирования человека, определяющие лицо различных поколений. Среди старших членов общества по-прежнему широко распространены традиционные ценности и нормы, тогда как группы молодежи все больше становятся привержены новым ориентациям. По мере того, как более молодое поколение взрослеет и постепенно вытесняет старшее, происходит и трансформация мировоззрения, превалирующего в обществе.» Поэтому конечно же музей - это уникальное пространство, призванное служить межкультурному взаимодействию, информационному и ценностному обмену между различными социальными общностями и сообществами, этносами, поколениями, профессиональными, возрастными, территориальными и иными субкультурами.

В настоящее время музей выполняет не только информационную функцию, но и несет ответственность в формировании исторического, эстетического, профессионального самосознания и профессионального самоопределения, становится подлинным «собеседником» личности. Являясь духовным центром воспитания и обучения детей как учреждения дополнительного образования, музей оказывает помощь родителям, учителям, учащимся во всестороннем, гармоничном развитии личности, повышении интеллектуальной, экологической, педагогической и духовной культуры народа.

В начале третьего тысячелетия страны-члены ЮНЕСКО единодушно приняли Всеобщую декларацию о культурном разнообразии,

которая утверждает межкультурный диалог в качестве наилучшей гарантии мира.

Подводя общий итог, можно сказать, что дружба наших народов – бесценное достояние наших стран. Без доверия между людьми разных национальностей, без равенства всех перед законом, не будет процветания государства, а значит и счастливой жизни простых людей. Музеи активно служат человеку, расширяя его кругозор, укрепляя дух, закладывая основы нравственности, углубляя осознание преемственной связи всех живущих ныне поколений с далекими предками, немало сделавшими для своих потомков.

Литература:

1. Стратегия развития Казахстана до 2050 года. – Астана, 2012.
2. Твердая поступь страны. К 10-летию стратегии развития Казахстан до 2030 года. – Астана, 2007.
3. Назарбаев Н.А. Идеиная консолидация общества как условие прогресса Казахстана. – Астана, 2012.
4. Независимый Казахстан и Лидер нации. – Алматы, 2010.
5. Беззубова О. В. Музей как инсталляция художественного, научного и идеологического дискурсов. Автореферат дисс....канд. филос. наук. – СПб., 2003. – 22 с.
6. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1987. – С. 43-46.

Тулепов Н. Ж. (г. Уральск, Казахстан)

*О достоинствах человека суди
по тому, каким путем он идет,
а не по тому, как ему удалось
завершить его.*

Абай «Слова назидания 37 слово»

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА И БИБЛИОТЕКА ХАНСКОЙ СТАВКИ ЖАНГИР ХАНА КАК СИМВОЛ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ИСТОРИИ

Передача будущему поколению культурного наследия, подкрепленного оригинальными вещами, освященных духом предков, было и остается прогрессивным деянием культуры всего человечества. И в этом ряду создание Жангир ханом Оружейной Палаты и Библиотеки занимает в истории Казахстана особое место и является символом ценностного отношения к истории казахского народа. Поэтому, утрата уникальной Оружейной Палаты и Библиотеки Букеевского хана невосполнимая потеря целого пласта культуры казахов.

Не секрет, что юное поколение воспринимает историю, подтвержденную только реальными артефактами и письменными архивными

источниками. Времена изустной трансляции культурного наследия казахского народа давно уж канула в Лето. Это предвидел и Жангир хан. Ценил знание истоков своего народа, его истории, он открыл в Ханской Ставке (декабрь 1827 г.) Оружейную Палату и Библиотеку.

Монография академика Салыка Зиманова «Россия и Букеевское ханство», наиболее полно раскрывает талант государственного деятеля, реформатора и просветителя Жангир хана. Где наряду с другими нововведениями хана Жангира, он отмечает, что: «Среди примечательных явлений в культурной жизни Ханской Ставки Жангир хана особое место занимала так называемая «оружейная комната». Это было подобие музея, в котором собраны в основном образцы оружия. Мысль об организации оружейной комнаты возникла в ходе посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 г. После этой поездки он разослал письма своим родственникам с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющие семейно-династическую историческую реликвию и ценность. Отец Джангира, Букейхан, как старший в фамильной ветви хранил у себя немало семейных реликвий и ценных подарков, которые составили основу «оружейной комнаты» в Ханской ставке».¹

Здесь сразу же обратим внимание, что многие исследователи² по инерции, приводят ту же дату и место действия, т.е. 1827 год и столица Санкт-Петербург. Поэтому требуется уточнение. Дело в том, что Жангир хан посетил Санкт-Петербург впервые только в 1839 году. А летом 1826 года, казахская делегация из Букеевщины в составе султана Чука Нуралиева, Каиб-Галия Ишимова, Сиюша и Караул-ходжы, трех советников Дузали, Дузанбая и Черкаса, ахуна Аит Мухамеда во главе с Жангир ханом приняли участие в коронации Императора Николая I. В поездке Жангир хана сопровождала и его супруга Фатима, дочь первого муфтия Российской империи, Почетного члена Казанского университета Мухамеджана Хусаинова. Коронация же совершалась в Успенском соборе Московского Кремля, куда российские императоры выезжали из Петровского путевого дворца, построенного по указанию Екатерины II архитектором М.Ф.Казаковым близ Москвы.³ Именно в это время казахская делегация во главе с ханом Жангиром посетила Оружейную Палату в Москве. Наряду с этим, на возвратном пути из Москвы 13-17 октября 1826 года казахская делегация пробыла в Казани. В промежутке 14-16 октября 1826 г. Жангир хана приняли в Казанском университете. Ознакомительную экскурсию по учебным корпусам и кабинетам вели ректор Казанского университета, профессор Карл Федорович Фукс, который подарил Жангир хану экземпляр Истории Татар Хивинского Хана Абулгази на турецком языке⁴, а также профессор Мирза Александр Казем-Бек. Особое внимание хана

¹ Зиманов С.З. Монография «Россия и Букеевское ханство». – Алма-Ата: «Наука», 1982. – С.152.

² Например: Асанова С.А. Основные этапы истории музейного дела Казахстана. – Кемерово: КГУ, 2009.

³ Мукатаев Г.К. Великий преобразователь степи. – СПб.: Издательство М.Ирхиной. – С.40.

⁴ Фукс К. Пребывание в Казани Киргизского хана Джеан-Гиря. // Кн. 2. «Букеевской Орде 200 лет». – Алматы: Издательство «Өлке». – С.8.

Жангира привлекла библиотека и Минц-кабинет, где он рассматривал «многие Арабские и Татарские манускрипты, красиво писанные Аль Кораны, разбирал цифры и определял места чеканки коллекции арабских и татарских монет».¹

Именно, Оружейная Палата Москвы, именно Минц-кабинет и библиотека университета Казани, дали мощный толчок к созданию Оружейной Палаты и Библиотеки в песках Нарын – Кума. Высказывая точку зрения и называя: Оружейная Палата, вместо Оружейная комната, как чаще всего пишут исследователи замечу, что Оружейная Палата или комната это в любом случае музей. Суть не в размере помещения, поскольку мемориальная комната великого писателя не что иное, как музей. Это, во-первых. Во-вторых, палата госпиталя, - та же комната. Название по аналогии Оружейной Палаты Москвы, более логично и верно, поскольку Оружейная Палата Букеевского ханства выполняла те же функции и является, по сути, первым этнографическим музеем казахов.

Поскольку, строительство первого дворца Ханской Ставки, где и располагалась собственно Оружейная Палата, и Библиотека была завершена в декабре 1827 года, о чем пишет биограф Жангир хана И.С.Иванов: «И новый 1828 год хан встретил уже на новоселье».² Дату создания Оружейной Палаты и Библиотеки логично признать - декабрь 1827 года.

Особое место в жизни мобильного казаха занимало оружие «Бес қару» буквально: «Пять видов оружия». «Бес қару» передавалось из поколения в поколение по наследству как реликвия семьи, рода. Она была реальным бытовым атрибутом и одновременно свидетельством воинской доблести и чести: лишиться оружия было равносильно позору и бесчестию. Поэтому можно представить каких трудов стоило Жангир хану собрать столь богатую коллекцию, имеющую непреходящую этнографическую ценность.

Передача будущему поколению культурного наследия, подкрепленного оригинальными вещами, освященных духом предков, было и остается прогрессивным деянием культуры всего человечества. И в этом ряду создание Жангир ханом Оружейной Палаты и Библиотеки занимает в истории Казахстана, несомненно, особое место и является символом ценностного отношения к истории казахского народа. Поэтому, утрата уникальной Оружейной Палаты и Библиотеки Букеевского хана, является невосполнимой потерей целого пласта культуры казахов. О богатстве коллекции мы можем судить опять же по запискам этнографов Европы и России. Описания М.Киттары³, К.Гебеля⁴, А.Терещенко⁵ современников хана показывают что, коллекция была продуманной и систематизированной, где прослеживается историко-хронологический принцип. Так, немецкий ученый-

¹ Кенжетаяев Б. Почетный член Казанского университета Жангир хан // Столичное обозрение. – 1995. – 19 января.

² Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней Киргизской Орды. // Кн. 2. «Букеевской Орде 200 лет». – Алматы: Издательство «Өлке». – С.36.

³ Журнал министерства внутренних дел. – 1849. Ч. 28. – С.107-133

⁴ Астраханские губернские ведомости. –1845. № 45. – С. 308-311; № 46. – С.318-320; № 47. – С.323-325.

⁵ Мосвитянин. 1853. Т.6. № 22. Кн. 2. – С.51-85.

естествоиспытатель К.Гебель посетивший Ханскую Ставку в 1834 г. в своем труде подробно описал богатую экспозицию Оружейной Палаты.¹

В Оружейной Палате были представлены, вещи культа и быта казахов, выполненные из нижеперечисленных материалов: бумаги, дегарротипного фото и документов; Это произведения живописи, скульптуры, графики. Разнообразная посуда из фарфора, керамики, стекла, меди, дерева, мягкий инвентарь из ткани, твердый инвентарь из металла, дерева. Особый интерес представляет оружие, нумизматика, конское снаряжение, коврово-войлочные изделия, драгоценные металлы.

В Оружейной Палате - хранились грамоты, старинные рукописи и монеты, а также древние кольчуги, оружие, в том числе и с именными надписями. Самое существенное состоит и в том, что Оружейную Палату дополняла богатейшая библиотека. Опись имущества покойного хана Жангира, донес до потомков количество книг - 247 единицы,² в основном на шагатайском языке. Две карты Российской империи, подробная и точная карта Ханской Ставки Жангир хана. Глобусы земной, небесный и два лунных; механизм комода сопровождал бой часов приятной органной музыкой и приводил в движение лунные глобусы, так что они показывали своевременно фазы этого светила. Выписывались все важнейшие печатные издания. Так, по свидетельствам современников: «У хана была обширная библиотека, заключавшая в себе следующие периодические издания: «Северная пчела», «Отечественные записки», «Современник», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. Из отдельных сочинений ханом выписаны: «Архитектура XIX столетия» Шинкеля с рисунками Буренина, «Атлас или собрание карт всего земного шара» Максимовича, 2-ое издание «Описание Отечественной войны» Михайловского-Данилевского, «Мертвые души» Гоголя и др.

«Вечер провел я в чтении разных печатных и рукописных сведений о казахах» - эти строки дипломата, историка, участника сенатской ревизии 1843-1844гг., барона Бюлера Федора Андреевича (1821-1896), позже ставшего бессменным директором Московского Главного архива Министерства иностранных дел (1873-1896), подтверждают уникальность собранных исторических источников. Далее он пишет, «Зная, сколь расположен хан Жангир к европейскому образу жизни, нас нисколько не удивило найти в его комнатах, мебель прекрасную, убранство роскошное и даже отличный бильярд. Все внимание наше привлекла оружейная хана по множеству развешанных по стенам ее восточных шашек, ружей, шлемов. Так хан идет навстречу всякому полезному нововведению и ведет вверенный его управлению народ к порядку и благоустроенному хозяйству. Хан показал нам присланный ему в отсутствие его диплом на звание члена Казанского университета, потом разное древнее оружие и между саблями саблю, пожалованную императрицей Елизаветой

¹ Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата: «Наука», 1982. – С.154. Приводится по кн.: Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской орды. – М., 1859. – С.88.

² ЦГА РК. Ф.И.-4. Оп.1. Д. 2350. Л.92-93об.

Петровной в 1744г. деду его хану Нурали. Все эти сабли с надписями, свидетельствовали об их древности и драгоценности.¹

Действительно, Жангир хан передал в дар Казанскому университету 6 драгоценных рукописных сочинений по истории народов, медицинское, а также историко-философское сочинение, на персидском, арабском и турецком языке. Сразу же объектом пристального внимания ученых Казанского Императорского университета стал уникальный исторический и литературный памятник Средневековья, труд Мирзы Мухаммад Хайдара Дулати "Тарих-и Рашиди" ("Рашидова история") как бесценный источник сведений по истории, литературе, культуре народов Центральной Азии. На основе, которой ученые современного Казахстана дали экспертное заключение о дате образования Казахского ханства. Несомненно, эти же фолианты были в библиотеке Жангир хана, которая была позже после смерти Жангир хана утрачена. Также в 1844 г. Жангир хан пожертвовал Казанскому университету капитал более 10 000 руб. серебром для издания в свет арабского рукописного сочинения «Руководство к покрову на пути к истине», собранного Убейду-ль-лою бен Мазауд бен Тачу-ш-шариат. Пожертвование значительное, без которого г. Казембек не мог издавать этого сочинения.² Таким образом, в университетской типографии трудами Жангир хана впервые был осуществлен издание печатной книги Краткого законоведения шариата – «Мюхтесерюль-викгае», общим тиражом 4568 экземпляров. Как известно, по редчайшим книгам подаренных Жангир ханом Казанскому университету учились ориенталисты Поволжья и будущие дипломаты России, чуть позже и выпускники Санкт-Петербургского университета. Также, усилиями Жангир хана пополнялась и коллекция музеев и библиотек городов Оренбург, Омск, Казань, Санкт-Петербург и др. Например, по просьбе Сухтелена Павла Петровича в 30-е годы XIX в. Жангир хан подарил несколько этнографических вещей, музею кадетского корпуса над созданием которого трудился магистр философии Томаш Зан. Так, Жангир хан также стоял у истоков пополнения фонда краеведческого музея Оренбургской области. Но, поскольку «В 1920 году музей вошел в Киргизскую Республику, а в 1924 году вновь отошел к России, и в результате экономического и культурного размежевания 80% музейного собрания в 1927 году отошло к Казахстану».³ Видимо, поэтому сведений о дарах крупнейшего мецената Жангир хана не сохранились в фондах Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея. Но такие сведения отлежались в архивах и письмах современников.

Монография академика Салыка Зиманова «Россия и Букеевское ханство», наиболее полно раскрывает талант государственного деятеля и дипломата Жангир хана. По свидетельству С. Зиманова из русской и казахской канцелярии Внутренней Орды в год отправлялись по различным адресам до 6000

¹ РГАДА. Ф. 186. Оп. 1. Д. 89. Л. 1-26об. Из книги История Ханской Ставки Жангир хана. 1801-1852 гг. / Сб. документов и материалов. / Сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С.424, 429.

² НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2736. Л. 1 и об. Подлинник.

³ http://www.orenburg.ru/activities/culture/museums/orenburg_regional_history_museum/

корреспонденций. Столь обширная переписка, дает нам возможность сегодня проследить многогранную государственную деятельность и круг интересов хана Жангира. Например, в письме проректору Казанского университета Ф.И. Эрдману, он пишет: «... готов быть полезным университету соответственно новому моему званию и мне весьма желательно было бы иметь список тех сочинений на арабском, персидском и турецком языках, которые интересны для отделения восточных языков университета. Нынешнею зимою я полагаю войти в сношение с бухарцами о доставлении мне из Бухары более замечательных книг и старинных азиатских монет». О покровительстве Жангир хана проректор Казанского университета Ф.И. Эрдман своевременно ставил в известность Совет университета: «Все сии приношения, отзыв и пожертвование в пользу, как Казанского университета так и ученого света, доказывающие и любовь к наукам, и покровительство ученым сословиям и заведениям, а в особенности восточным языкам и их словесности со стороны Жангир хана» и именно Ф.И. Эрдман настойчиво добивался избрания Жангир хана Почетным членом Казанского университета.

Так Жангир хан во время визита в г. Казань в 1839-1844 гг. в дар университетской библиотеке передал следующие драгоценные рукописные сочинения:

1. История монгольских ханов от 761-951 (1359/1360 – 1544/1545) гг. соч. Мирзою Хайдером на персидском языке.
2. Медарюли-афазиль, персидский словарь, составленный Феизгим.
3. История первых халифов, соч. на персидском языке Мухаммед бен Ахмед, прозванным Мюстуфи.
4. «История народов», соч. Хамзи бен Альхасан Исфаганского, составленное им в 350 (961) на арабском языке.
5. «Книга объяснений связей и толкования...» медицинское сочинение Нефиза бен Ауз на персидском языке, писанное в 1073 г. (1662-1663).
6. «Книга умозаключений наук», историко-философское сочинение на турецком языке.

Эти же книги шедевры мировой культуры, несомненно, были в библиотеке Жангир хана, здесь был также подарок профессора Фукса Карла Федоровича Жангир хану экземпляр Истории Татар Хивинского Хана Абулгази на турецком языке. Краткая ведомость имущества хана Джангира, составленная 11 октября 1845г.¹ свидетельствует что, кроме 212 книг на восточном языке и вышеназванных фолиантов, было книг русских, как-то: «История Петра Великого» в 4 томах, «Энциклопедический лексикон» в 15 томах и «Свод законов», издания 1842 г., в 16 томах: всего 35 томов. Два атласа Российской империи, издания 1829-1841 гг., а также гениальное произведение Иоганна Вольфганга фон Гёте трагедия «Фауст».

Оружейная Палата и Библиотека в Ханской Ставке Жангир хана на реальных и подлинных вещах мощно звала к изучению собственной истории.

¹ ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2350. Л. 92-93 об. Копия. Краткая ведомость имущества хана Джангира. 1845 г., октября 11. Подпись: Председатель генерал-майор Ладыженский. В должности советника М. Казачинский. Секретарь Киреев. Бухгалтер титулярный советник Есипов.

Правдиво отражала роль и место казахского народа в истории Казахстана и России. Чувство преемственности и сопричастности к делам будущих поколений одухотворяла сподвижников и воспитанников Жангир хана. Музей и Библиотека с честью выполняли свою главную миссию, воспитывая высокие патриотические чувства у молодежи, формируя ценностное отношение к истории, в особенности учащихся Жангировского училища. Следовательно, можно утверждать, что «музейная экспозиция» и книги из фонда Библиотеки носили также и научно-популярный характер. Также, анализ даже неполного списка книг из фонда библиотеки, даёт нам возможность уверенно утверждать, что по сути, это была Научная Библиотека.

На основе анализа описания экспозиции мы можем со всей уверенностью утверждать, что Оружейная Палата Ханской Ставки Жангир хана, стала самым первым музеем на пространстве Евразии, следовательно, и мира, где было колоритно представлено историко-этнографическое своеобразие казахского народа. Довольно широк охват временных рамок конкретно-исторических событий, участниками которых были и предки Жангир хана, а печатные и рукописные сведения о казахах, в особенности шежіре – генеалогия казахских родов восходили к временам Адама и Евы. Таким образом, на всех уровнях музей формировал научное историческое сознание на основе определенного круга исторических знаний.

Оружейная Палата и Библиотека в Ханской ставке зримо показывают патриотизм Жангир хана по отношению к родной истории, а его стремление к прогрессу заслуживает преклонения. Анализ, сопоставление и изучение различных фактов жизнедеятельности Жангир хана, говорит в пользу того что Жангир хан трезво оценивал историческую ретроспективу казахского народа и ясно представлял историческую перспективу развития казахского этноса, в русле возрождения и реформирования основ Степной цивилизации. Его ответ аксакалам – хранителям народных традиции, «Я завоюю мир не острием копья, а острием калама ...!» - суть программное кредо Жангир хана, даёт однозначное толкование его целей и четкое определение вектора развития казахского народа. Надо заметить, что слова «мир» и «калам» надо понимать как в узком, так и в самом широком смысле слова. Мир как вселенное или мир как покой и благоденствие, возможного только при мирном развитии этноса или мир как светское общество даёт богатую колоратуру понимания.... Поэтому буквальное понимание и буквальный перевод слов Жангир хана, вряд ли допустим, особенно слова «калам!». Оно ни в коем случае не ограничивается узким понятием «знание», наоборот знание только лишь основа более глубокого развития, как духовного, культурного....

Поэтому он предпринял все от него зависящее, чтобы сохранить культуру и менталитет казахского народа на очередном витке глобализации. Возможность прорыва он видел, прежде всего, в просвещении и нравственном воспитании молодежи. На этом пути он добился замечательной поддержки со стороны царской администрации.

Щадя самолюбие народа, он собственным примером учил, как нужно учиться у других народов, подвигал поданных к овладению нововведениями, в

современном понятии поощрял внедрение инновации и т.д. Он отчетливо осознавал, что простительно поэту, то не позволительно правителю. Поэтому он не мог как великий поэт и просветитель Абай, бескомпромиссно критиковать «беспечно живущего казаха». Обратим внимание на тот факт что, великий Абай родился 10 августа 1845 г, за день до смерти Жангир хана, который умер 11 августа 1845 г. в своей Летней Ставке. Судьбе было угодно, чтобы они хотя бы в течение суток были современниками. Нет ли здесь взаимосвязи и преемственности идей?...

Читая слова назидания великого Абая, особенно 32 и 41 слово невольно поражаешься глубине его прозорливости. Сорок первое слово назидания Абая гласит: «Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами. Первое — иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы, запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других — по другому, а родителей заставляя оплачивать их расходы. Девочек достаточно было бы обучать религиозным наукам, чтобы они были сильны хотя бы в этом. В таком случае можно было бы надеяться: когда состарившиеся родители отойдут от дел, молодое поколение пойдет по правильному пути. Второе — нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение, как было сказано выше».

Этими качествами, несомненно, обладал Жангир хан, он развивал и одновременно реформировал сеть медресе, а также первым заложил основы светской и полиязычной национальной школы, на основе доминирования казахского и русского языков. Также изучались и восточные языки. Удивительно, что школа, построенная в 1840 г. целый учебный год пустовала из-за отсутствия учеников. Дело в том, что даже «знать отказывалась отдавать своих детей в эту школу, не помогали личные письма хана, ни увещевания, ни внушения». В течение года Жангир хан уговаривал, агитировал, писал письма влиятельным султанам-родоправителям что бы они подали пример в обучение детей. Так, в своем письме управляющему рода Байбакты султану Чока Нуралиханову от 10 апреля 1841 г. Жангир хан пишет: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания и вразумления родных и друзей ваших и всех, кого следует, что если и науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя будет. Всякая издержка денежная принесут во сто раз более плода, если будут употреблены на обучение юношества ...»¹. Таким образом, открытие школы состоялось только через год в 1841 г. словно ожидая появления на свет в Аракарагайской волости, Николаевского уезда, Тургайской области будущего казахского педагога - просветителя Ибрая Алтынсарина. Случайность или закономерность?! Мистика, да и только.

До упразднения ханской власти содержание школы велось за счет ханских доходов, а впоследствии — за счет отчислений от сборов с населения.

¹ Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. — Алма-Ата. «Наука», 1982. — С.142.

Ежегодно, в день открытия школы по повелению и с участием Жангир хана проводились собрания для испытания учеников. Также дважды в год музей посещали ученики Джангировского училища, здесь хан экзаменовал учащихся 6 декабря – в день основания школы. «Отцы и родственники учеников, собравшиеся на это испытание, выказывали совершенную радость и признательность за успехи детей своих, и из искренних слов их видно было, что они постигают пользу заведения, открытого ханом, благодетельного и потребного в народе просвещения... Всякий друг просвещения и человечества вполне порадуется таковым действиям и вместе с тем у всякого свидетеля их возникает в душе глубокое уважение к этому человеку, родившемуся и воспитывавшемуся в глубине тех же степей, среди того же дикого народа».¹

К величайшему сожалению, последователи не сохранили уникальный музей и библиотеку, но коллекции «Оружейной Палаты» и фолианты Библиотеки Ханской Ставки Ханской Ставки Жангир хана не исчезли бесследно, они ждут настойчивого исследователя. Нужно только действовать, чтобы найти, сохранить и донести до потомков как можно больше правдивой информации об истории Казахстана. Такая возможность всем нам представлена, и реализовать ее сполна наша общая благородная задача.

Тугай Т. И. (г. Оренбург, Россия)

ПОДВИЖНИК МУЗЕЙНОГО ДЕЛА Г.И. ФИЛИППОВИЧ (1920-е гг.)

Советское законодательство 1918-1920-х гг., декларируя отношение к музейным ценностям как национальному достоянию, утверждало принцип неприкосновенности музейных коллекций. Согласно этому принципу, экспонаты музеев не могли отчуждаться, продаваться или передаваться из одного ведомства в другое. С нарушением этого основополагающего принципа не раз довелось столкнуться заведующему Оренбургским музеем – Григорию Ивановичу Филипповичу.

Григорий Иванович до революции преподавал в Духовной семинарии, а при советской власти – в ПИНО (Практический институт народного образования). В декабре 1922 г., возглавив музей (теперь он назывался музеем Киргизского края), он начал с того, что приступил к учету и систематизации экспонатов. Тогда же он обнаружил утрату минералогической коллекции Д.Н. Соколова – выдающегося оренбургского краеведа, ученого, члена ОУАК и ООРГО.

Еще в 1920 г. Геологический комитет затребовал из Оренбургского музея эту коллекцию, мотивируя тем, что исследования Соколова проводились по заданиям Комитета². В конце 1920 – нач. 1921 г. ее помогал приводить в

¹ Опул.: Русский инвалид. – 1844. – 8 января.

² ЦГА РК. Ф. 693. Оп.1. Д. 5. Л. 57.

порядок ученый-геолог П.К. Соболевский¹. Коллекция размещалась в трех шкафах и нескольких ящиках. В своем первом отчете Г.И. Филиппович вынужден констатировать: *“Что касается хранящейся в минералогическом подотделе коллекции покойного геолога Д.Н. Соколова, то о ней можно говорить теперь, как о бывшей. Так как после изъятия из нее приезжавшими из Центра ценного палеонтологического материала, в ней осталось лишь весьма небольшое количество окаменелостей с этикетками, несколько [образцов] горных пород, имеющих к тому же в лучших образцах в Войсковой коллекции и значительное количество мусора”*².

В 1924-1925 гг. развернулась настоящая тяжба между Г.И. Филипповичем и Объединенной Военной пехотной школой, состоящей при КЦИК Советов, по вопросу принадлежности уникальных военных экспонатов, датируемых началом века. Руководство Военной школой затребовало из музея «Панораму» (прицел пушки) образца 1906 г. русского производства и «Стереотрубу» (прибор для наблюдения) – 1910 г. варшавского производства, мотивируя это тем, что указанные экспонаты являются предметами *“современного вооружения, не вышедшего из употребления, и потому должны быть изъяты из Музея”*³.

Получив отказ заведующего музеем, Помначальника по учебной строевой части Иванов обратился в Главнауку с категоричным заявлением, что указанные предметы – *“не музейные экспонаты, а военные, и их нахождение в музее бесцельно. Они являются вещами, которые усилят мощь Красной Армии”*, поэтому необходимо передать их школе. Обоснование требования было более чем серьезным, тем не менее, Зав. Главнаукой Ф. Петров и Зав. Главмузеем Н. Троцкая 16.12.24 г. отправили в Оренбургский музей предписание, запрещающее выдавать экспонаты Военной школе⁴.

Тогда руководство школой усилило свой нажим. Помначальника учебной части школы Нефедов выдвинул против Г.И. Филипповича политическое обвинение: *“Музей, имея у себя панораму и стереотрубу, тем самым наносит большой ущерб Красной Армии, которая нуждается в них при изучении артиллерийской стрельбы”*⁵. Стремясь не допустить перерастание конфликта в политическое русло, Троцкая 10.01.25 г. вынуждена была разрешить произвести передачу.

Однако директор Филиппович не собирался сдаваться. Вместе с секретарем К. Крашенинниковой они отправили письмо-запрос в Главнауку и Главмузей, выразив недоумение, какое же из предписаний выполнять?⁶ Это обстоятельное письмо представляет определенный интерес, так как отражает то противостояние, которое уже начинало складываться в сер. 1920-х гг. – между идеологией и культурой. В нем также заметны робкие попытки интеллигенции

¹ Там же. Л. 10 об.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 870. Л. 37.

³ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 216. Л. 6 об.

⁴ Там же. Л. 2, 5.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ Там же. Л. 5-7.

использовать идейные установки большевиков в культурных и просветительских целях.

Письмо содержит ссылки на высказывания Н.И. Троцкой и самого Л.Д. Троцкого. В нем говорится о силе и мощи Красной Армии, отстоявшей завоевания революции в 1918-1920 гг. В этой связи делается вывод о той роли, какую призван сыграть военный отдел музея, организовавший только в 1924 г. девять экскурсий для школ воинских частей под руководством командиров с 278 экскурсантами. “А потому, - следует в письме, - в Музее наряду со старым оружием должны быть образцы и современных снаряжений как панорама и стереотруба”. Изъятие же этих экспонатов будет весьма большим ущербом не только для музея, но и в деле просветительской работы.

В ответ на свой запрос Оренбургский музей в сер. февраля 1925 г. получил разъяснение от Замзав. Отдела по делам музеев Григорьева: передать экспонаты только во временное пользование, после чего они должны быть возвращены музею¹. Такое решение не удовлетворило Г.И. Филипповича, и он настоял на проведении экспертизы в Государственном историческом музее.

В конфликт был вовлечен директор ГИМ Пономарев. Он оказался перед сложной дилеммой, какую позицию занять? Профессиональную, при которой недопустимо принять решение о выносе экспонатов из музея, или идейную, которая утвердит прерогативу заботы о “боееспособности Красной Армии” над необходимостью сохранности музейных фондов. Пономарев выбрал второе.

В его отчете о проведенной экспертизе было написано: “1) Панорама и труба являются весьма ценными и интересными экспонатами для военного отдела Музея, но (далее - курсив – Т.Т.) *экспонируемые вне связи с другими предметами артиллерийского вооружения, не могут дать полного представления о современном состоянии артиллерийского дела.* 2) Означенные предметы являются *крайне необходимыми* при систематическом изучении артиллерии как состоящие на вооружении в Красной Армии. Поэтому Российский Исторический музей полагает *необходимым передать* эти предметы во временное пользование школе, имея в виду их возвращение в случае расформирования школы или введения новых образцов”².

Заключение ГИМ сыграло в данном споре решающую роль, и уже со ссылкой на него в начале мая Главмузей направил свои распоряжения, как в Оренбургский музей, так и в Военную школу с разрешением последней продлить срок пользования музейными предметами³. Однако Г.И. Филиппович все-таки добился своего, и в одном из отчетов он с радостью сообщает: “Победа – за музеем! Панорама и стереотруба должны быть нам возвращены к 1 июня 1925 г.”⁴

Тем не менее, данный инцидент, очевидно, позволил и другим ведомствам обращаться в Главмузей с подобными просьбами. В том же 1924 г. поступило заявление от Представительства КАССР при ВЦИК с просьбой дать

¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 216. Л. 3.

² Там же. Л. 19.

³ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 216. Л. 18.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 871. Л. 12 об.

распоряжение в Оренбургский музей о временной выдаче – “в 24 часа” - некоторого количества киргизских (казахских) национальных костюмов “для постановки одной революционной пьесы на очень важном торжественном вечере в присутствии Ответственного представителя Высшей власти”¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что уже в сер. 1920-х гг. отдел Наркомпроса (Главмузей), на который была возложена забота о сохранности и целостности музейных фондов, вынужден был отступать, если это вступало в противоречие с вопросами политики и идеологии. Такая позиция не только свидетельствовала о нарушении принципа неприкосновенности музейных экспонатов, но и способствовала формированию у чиновников пренебрежительного отношения к ним.

Так, например, в личном архиве И.А. Зарецкого – краеведа и музейного работника - обнаружено предписание Отдела народного образования о выдаче Педлаборатории посмертной маски Пушкина (!), принесенной когда-то в дар музею Д.Н. Соколовым. Причем, вопрос об ответственности за сохранность уникального экспоната даже не оговаривался.

Крайнее волнение вызывает у Г.И. Филипповича известие о предстоящем переводе музея в Ак-Мечеть (Кзыл-Орду) в связи с переносом туда столицы КАССР. В своем отчете он аргументированно излагает, какие именно коллекции должны быть переданы в Казахстан (только те, которые были приобретены за счет Кирнаркомпроса с 1920 г., вплоть до инвентаря), а какие – оставлены в Оренбурге. А это – подавляющее большинство, так как история Оренбургского музея началась еще в 1833 г.² В отчете содержится и предостережение о том, что значительная часть коллекций может погибнуть при транспортировке. Он даже отказывается от очередного отпуска “ввиду сложностей заведующего музеем вообще и его перегруженности работой в связи с разделением музея”³.

В то же самое время Григорию Ивановичу довелось столкнуться с фактами настоящего вандализма со стороны чиновников республиканских ведомств в Оренбурге. Так, сотрудники Казахского краевого военного комиссариата организовали... разборку здания Гауптвахты, занимаемого комиссариатом (очевидно, в связи с недостатком строительного материала в будущей столице). Все это производилось по ночам. Чья-то рука, по свидетельству очевидцев, каждую ночь старательно складывала кучку кирпича, а через день или два этот кирпич исчезал. Уже были разрушены оконные проемы и выломана часть чугунных решеток⁴.

Г.И. Филиппович стремится спасти памятник 1856 г. Он собирает Совет музея и 18 февраля 1925 г. направляет требование в губисполком принять соответствующие меры к его охране. Одновременно он информирует об этих вопиющих фактах Н.И. Троцкую. Губисполком направляет отношение Совета

¹ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 216. Л. 14. Прим.: Очевидно, речь шла о М.И. Калинине, посетившем в это время Оренбург.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 871. Л. 20-21.

³ Там же. Л. 199.

⁴ Там же. Л. 38.

музея в Городской отдел местного хозяйства с резолюцией: “принять меры к сохранению здания и имущества”¹. В свою очередь, хозяйственный отдел заявляет Казахскому военному комиссариату *“категорический протест против разрушения ряда зданий, в том числе, гауптвахты, имеющей историческую ценность”*. И просит губисполком изъять это здание из ведения органов военного ведомства и передать отделу местного хозяйства в целях сохранения от дальнейшего разрушения и возможного восстановления.

30 июля 1925 г. президиум губисполкома постановил возбудить ходатайство перед центральными органами РСФСР о передаче здания гауптвахты в ведение местного Коммунального хозяйства. 15 августа такое решение было принято². Заведя такой сложный механизм ведомственных решений и правительственных постановлений и, казалось бы, достигнув желаемого результата, Г.И. Филиппович на этом не остановился. Необходимо было добиться восстановления памятника и, возможно, передачи его под архив или музей. Как раз накануне последнего распоряжения властей 28 июля была получена телеграмма и от Троцкой: *“Телеграфируйте исторические сведения о гауптвахте и о положении дела в данный момент”*³.

Григорий Иванович отвечает сначала обстоятельной телеграммой(!), а затем отправляет почтой в Главнауку целый исторический очерк о выдающемся архитектурном памятнике Оренбурга. Он указывает в нем, что постройка гауптвахты в 1856 г. предназначалась специально для архива, но это ее назначение до сих пор не осуществлено, исключая несколько месяцев в 1918 г., когда она была передана Архивной комиссии⁴. Таким образом, он повторил тот путь, который когда-то проделал председатель ОУАК А.В. Попов, с той разницей, что тот взывал к местным властям, а Филиппович обращался в центральное музейное ведомство.

22 сентября 1925 г. из Отдела музеев Главнауки была прислана в Отдел местного хозяйства бумага за № 12246/н следующего содержания: *“Ввиду того, что переданное в Ваше ведение здание бывшей Гауптвахты /сер. XIX в./ по своей архитектуре и сравнительно хорошей сохранности, а также при незначительности в городе историко-художественных памятников должно подлежать охране, Отдел по делам музеев обращает Ваше внимание на необходимость принятия надлежащих мер против его разрушения путем надлежащего ремонта и установления достаточной охраны. В дальнейшем здание б. Гауптвахты могло бы быть с успехом использовано для каких-либо культурно-просветительных целей, например, музея, архива и т.п. Н. Троцкая [подч. – Т.Т.]”*⁵. Г.И. Филипповичу, удовлетворенному таким решением, оставалось только ждать, когда же местные власти передадут это многострадальное здание под музей или архив. Только в 1987 г. это осуществится - здесь будет создан Музей истории города.

¹ Там же. Л. 37.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 871. Л. 37 об.-38.

³ Там же. Л. 34 об.

⁴ Там же. Л. 34 об.- 36 об.

⁵ Там же. Л. 38 об.

Конечно, подобных выдающихся ситуаций было немного в его служебной деятельности. Основное ее содержание составляла текущая работа в музее. Своей главной обязанностью Г.И. Филиппович считал сохранение каждой коллекции, каждого экспоната. Так, например, в конце марта 1924 г. музеем был получен так называемый «Зайсанский груз» из Казахстана – коллекция Хохлова. В ней было громадное количество “всевозможных птиц” – в двух сундуках и пяти ящиках, общим весом в 12 пудов, 16 фунтов. Это - 2177 экземпляров чучел птиц и 204 экз. яиц. В конце апреля музей пополнился еще одной коллекцией – 277 экспонатов с Всероссийской сельскохозяйственной выставки¹. В целях сохранности всего этого от порчи и гниения необходимо было не менее трех ведер спирта-ректификата, что стоило 23 руб. Но у Кирнаркомпроса не нашлось таких денег. И Григорий Иванович все лето собственноручно занимался чисткой, просушкой и проветриванием коллекций. Ему пришлось привлечь к этой работе все силы музея, штат которого не насчитывал и десятка человек.

Помимо этого он сам проводил экскурсии, встречал именитых гостей. Так, музей посетили при нем академик Ф.А. Фиельструп, геолог-коллекционер В.Н. Разумовский. В 1924 г. к нему обращается Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) с просьбой выслать фотографические снимки с двух хранящихся в музее «сасанидских блюд» – уникальной находки членов ОУАК. Снимки эти были необходимы для производимых под руководством академика И.А. Орбели работ по изучению памятников сасанидского искусства. Г.И. Филиппович высылает не два, а четыре снимка, сопроводив их краткими описаниями. Помимо этого он прилагает к своей посылке еще два фотоснимка с серебряной чаши видного археолога, члена ОУАК Н.Е. Макаренко. Выполняет он и просьбу Геологического комитета ВСНХ – посылает образец окаменелости папоротника из коллекции палеоботаника М.Д. Залесского, но требует вернуть через 2-3 месяца. Весил этот папоротник 2 пуда 12 фунтов.

Создается впечатление, что музейная работа нисколько не тяготит заведующего. Даже отчеты его написаны живо и обстоятельно, один из которых – за 1924-1925 г. – насчитывает 468 страниц! Г.И. Филиппович по поручению академического центра первым из заведующих Оренбургским музеем советского периода пишет его обстоятельную историю, составляет «Историческую справку о ханах»². Много времени отнимает у него бюрократическая работа. Так, за один только год им было написано 123 протокола, 15 финансовых отчетов, описано и зарегистрировано 1208 экспонатов и т.п. Занимается он и работами по благоустройству музея – ремонтом, остеклением окон, “промазками”. Порой, заведующему приходится решать и совершенно неожиданные для нас проблемы. Так, например, в научно-методический Совет им была отправлена докладная записка о невозможности для сторожа-дворника держать... корову в помещении музея³.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 870. Л. 35 об.- 36.

² ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 871. Лл. 1-10; Д. 870. Л. 20 об.

³ Там же. Л. 217 об.

Было у него и занятие, которым он занимался с наибольшим увлечением. Это – разборка нумизматической коллекции. Григорий Иванович разобрал все русские монеты XVIII-XIX вв. в количестве 4843 штук. Распределил их по царствованиям с обозначением достоинств каждой из них. Эта работа была, очевидно, предметом его особой гордости. В приложении к одному из отчетов он поместил многостраничную таблицу, составленную по результатам своих нумизматических исследований. После него эта коллекция вместе с другими экспонатами отправилась в Казахстан.

Сам он скромно оценивал результаты своей деятельности на посту заведующего: *“Вообще занятия завмузеем во многих отношениях носят характер текущей обыденности, продолжающейся изо дня в день работы, в даче всевозможных указаний и справок, как сотрудникам музея, так и его посетителям. Насущная эта работа (для музея) лишена выпуклости и мало заметна для постороннего наблюдателя”*¹.

Попов В. Б. (г. Оренбург, Россия)

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ МУЗЕЙ КАК МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПЛОЩАДКА

Уникальные возможности музея как коммуникативного пространства связаны с его особым «языком», позволяющим преодолеть языковые барьеры в межкультурном диалоге. В музее осуществляется трансляция культурного опыта, сквозь призму предметного ряда и это всегда научный эксперимент, творческий поиск преодоления межкультурных противоречий. При этом, необходимо отметить, что экспозиционная деятельность как межкультурная исследовательская площадка, реализуется университетскими музеями мало, так как подобные шаги невозможны без соответствующей концепции. Подобная разработка может быть связана взаимным поиском представителей разных культур общих стимулов и смыслов развития за пределами национально-культурных границ и условностей. Только на стыке культур возможно широкое взаимообогащение. Современный университетский музей, должен стать зоной межкультурного общения, в условиях динамики подобного взаимодействия, как противоположность массовым коммуникациям.

Методом совмещения культурных перспектив, как основы межкультурной площадки, в музее истории ОГУ открыт важный экспозиционный ряд. Его представляют следующие выставки: «Писатель Л.Н. Большаков: жизнь и творчество», материалы которой открывают творческий путь человека сквозь пространство двух культур – Русской и Украинской. Ценность данной экспозиции в том, что она позволяет убедиться, что уважение и знание культурных традиций могут стирать непонимание, негативное осмысление некогда общей истории. Исследуя жизнь и творчество великого

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 871. Л. 218 об.

украинского поэта – Тараса Григорьевича Шевченко, Леонид Наумович Большаков не переставал трудиться в поисках преодоления растущей культурной пропасти между братскими народами. Им был организован литературный праздник «Шевченковский март», центр шевченковедения – НИИ Тараса Шевченко при Оренбургском государственном университете и т.д. Его трилогия «Быль о Тарасе» удостоена Государственной премии Украины, оригинал свидетельства которого экспонируется наряду с личными вещами ученого. Таким образом, совмещенные в выставочном пространстве культурные перспективы, проходя через личность музейного посетителя – студента, вызывают не только интерес и доверие к культурам стран соседей, но и формируют новое видение общей для них картины мира, основанного на взаимопонимании.

Особую смысловую нагрузку несут разделы выставки «Первооткрыватели урановых месторождений», посвященные трудам ученых геологов, работавших на кафедре геологии ОГУ. Открытые ими крупнейшие в мире месторождения урана «Инкай», «Учкудук», стали залогом энергетической безопасности Казахстана и предметом нашей гордости. Подобные выставки учат ценить культурные различия, многообразия мира и человеческого взаимодействия. Ученые нашего вуза, тесно связанные работами с зарубежными странами, по сути, проводники научно-культурных связей. Здесь важно подчеркнуть, то, что необходимой частью процесса представления университетского музея как межкультурной исследовательской площадки является работа профессорско-преподавательского состава со студентами и аспирантами, в котором решающая роль принадлежит педагогам и ученым конкретного вуза с его историческими, учебно-научными, культурными и спортивными традициями. Именно сложившиеся традиции призваны аккумулировать сотрудники музея, исследовать и научно обрабатывать их, преломлять и отражать музейными средствами в экспозициях и выставках, в программах и мероприятиях культурно-образовательной деятельности и умело их передавать из поколения в поколение посредством коммуникативного общения в музейном пространстве собственного вуза и при обеспечении должного взаимодействия, сотрудничества с музеями города и области.

Бесспорно, музей совершенно отдельное, потрясающее пространство у которого сложились свои отношения со временем. Молодым людям, студентам, выросшим на визуальных образах, помимо содержательной части музейной экспозиции, важно внешнее представление. Это не нужно отрицать. Музей истории Оренбургского государственного университета планомерно ведет работу по формированию личности своего посетителя как заинтересованного друга и творца, вовлекая его в созидательный межкультурный исследовательский процесс. Подобные тенденции отражены рядом выставок, одна из которых создана совместно со студентом факультета гуманитарных и социальных наук, группы 10И, Чекиным Дмитрием. Экспозиция «денежные знаки периода Второй мировой войны» созданная на основе его личной нумизматической коллекции, показывает историю глобальной катастрофы человечества сквозь призму экономического взаимодействия. Разность

культурного восприятия прорисована на аверсах и реверсах; причудливые узоры японских оккупационных денежных знаков контрастируют с серой монолитностью рейхсмарок, красавицами – мадьярками и австралийскими кенгуру. Здесь присутствует и аттрактивность, что характеризует внешнюю сторону предмета, его способность привлекать внимание посетителей своими внешними признаками, в частности формой, размером, цветом.

В тоже время можно сколь угодно долго рассказывать о репрессиях, или показать отсутствие подписи председателя госбанка на советских купюрах 1937 года.

Экспонат музея рассматривается как текст культуры, то есть «смысловое целое, являющееся организованным единством составляющих его элементов; сообщение, направленное автором читателю. Текст выполняет три основных функции: передачу информации, выработку новой информации и память (хранение информации). Текст в наибольшей мере реализует творческую функцию, являясь генератором новой информации» [1,с.10] то есть становится причастным к акту художественной коммуникации.

Информативность показывает содержательную сторону музейного предмета, его способность выступать в качестве источника сведений об исторических событиях, культурных, общественных и природных явлениях и процессах.

И здесь важно вспомнить, что к числу проблем, специфических для коммуникационного подхода, относится и проблема «музейного языка». Она ставится в теоретической плоскости, но решается на стыке теории и истории. Как показывает анализ, современный «алфавит» форм интерпретации собраний базируется на исторических типах музейного отношения к вещам. Так, в рамках научного подхода вещи выступают как свидетельства, документы, источники, а в традициях эстетики - как воплощение красоты.

Коммуникационный подход также позволяет сформулировать концепцию «понимающего музееведения». Ее отличительной особенностью является исходная уравнированность позиций всех участников музейной коммуникации, равное внимание к их точкам зрения. Посетители, обладают особым взглядом на вещи, и на пересечении этих взглядов рождается многоликое, нагруженное смыслами музейное собрание. Именно установки «понимающего музееведения» объединяют сегодня исследователей, которые рассматривают в терминах коммуникации такие, казалось бы, далекие друг от друга вопросы, как применение в музеях методов «гуманистической педагогики», принципы деятельности «экомузеев» или проблемы демократизации музейного дела. Подобный подход способствует формированию у студента единства познавательного, эстетического и действенно-практического начал, которые связаны с процессом перехода от созерцания красоты к ее активному воплощению в различных формах жизнедеятельности. В приобретении студентом навыков творчески активного отношения к миру музею должна отводиться огромная роль

Экспериментируя с пространством и его содержательным наполнением, предметным рядом, элементами выставочного дизайна, работники музея ищут

новые пути и способы реализации выставочного пространства. Это необходимо для того чтобы человек, попав в атмосферу музея, ощутив ее, обязательно возвращался, за знаниями, собеседниками и единомышленниками.

Литература:

1. Беззубова О. В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса // Коммуникация и образование. Сборник статей / Под ред. С. И. Дудника. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. – 20 с.

2. Мастеница Е. Н. Музейный предмет как объект информации и факт культуры// Человек в информационном пространстве цивилизации: культура, религия, образование. Междун. науч. конф. Краснодар-Новороссийск 10-21 сентября 2000 г. Тез. Докладов. – Краснодар. – 20 с.

Сансызбай Н. С. (г.Актобе, Казахстан)

РОЛЬ МУЗЕЯ В СОХРАНЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАЗАХСКОГО НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА)

Народ жив, пока жива его национальная культура: язык, искусство, традиции, обычаи, легенды и духовность. Народ бережно сохраняющий свои духовно нравственные ценности и передающий их из поколения в поколение развивается, формирует важнейшие национальные идеалы, моральные принципы и сохраняется как этнос.

Послание Главы государства-Лидера нации Н.А.Назарбаева «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства»¹ для нас граждан Казахстана стало новой вехой в развитии нашей страны, новым этапом становления гражданского общества и нового казахстанского патриотизма. Все это является основой успеха нашего многонационального и многоконфессионального общества.

Одним из аспектов, на которые обращено внимание в Послании, является развитие культуры, традиций и самобытности. И такое внимание развитию духовности очень значимо. Важно возрождать национальное достоинство и авторитет в современном мире, укреплять духовно-нравственное здоровье народа, что невозможно без осознания собственной культурной самобытности, богатейшего наследия народной культуры. Предотвращая утрату реликтов природы и цивилизации, музей обеспечивает связь веков, становится решающим фактором сохранения национально-культурных традиций и наследия мировых цивилизаций. Понятия «связь времен» и «наследие» именно в музее приобретают ту реальность и значимость, которых невозможно достичь в любой другой сфере духовной жизни.

Музей опирается только на подлинные памятники материальной и духовной культуры, и это обеспечивает достоверность и убедительность его

экспозиций. Преобразуя документы истории и образцы культурной деятельности в средства информационно-логического и эмоционально-образного воздействия, музеи помогают людям XXI века постигать непреходящие ценности человечества, осваивать новую информацию, включаться в социально-культурное творчество. В современных условиях, когда общество и в первую очередь его подрастающее поколение нуждаются в обеспечении информационной достоверности, усиливается педагогическая деятельность музеев, превращение его в открытую информационно-педагогическую систему, которая обеспечивает историко-патриотическое и нравственно-эстетическое просвещение разных групп населения, опираясь на первичные источники информации.

Музей, хранящий и исследующий памятники природы, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства и другие материализованные воплощения духовной и практической деятельности человечества, является образовательной средой, ориентированной на целостное развитие личности.²

Основной составляющей материальных ценностей этнокультуры казахов является народное прикладное искусство. Прикладное искусство – искусство изготовления бытовых предметов, имеющих утилитарное назначение и вместе с тем отличающихся эстетическими художественными качествами. Оно занимает особое место в истории этнокультуры. Его истоки уходят в глубь тысячелетий. Народное прикладное искусство неотделимо от орудий производства, его уровень зависит от умений и навыков народных мастеров различных ремесел, от духовной сферы человека. Любое творчество не может претвориться в жизнь без духовной культуры, без тонкого восприятия окружающей действительности. И в этом плане казахский этнос сохранил древнейшие традиции, восходящие к искусству ранних кочевников. В условиях кочевого образа жизни, казахи выработали свою технологию производства, формы и декор предметов быта, превратив их в подлинные памятники культуры. В искусстве казахов имеются несколько групп орнаментов: геометрические, растительные, зооморфные и космогонические, они тонко сочетаются в общей композиции народно-прикладного искусства. Казахский орнамент сохранил в себе все лучшие традиции искусства наших предков. Он был связан с древней мифологией и разрабатывался на основе реалистических изображений тотемных животных и птиц: барана, беркута, верблюда, лошади, змеи, филина и т.д. В древности окраска изделий в определенные тона, использование в орнаментах тех или иных красок, симметрия, как один из принципов орнаментации, имели символическое значение, служили выражением определенных понятий. Так, синий цвет – символизировал небо, поклонение небу; красный – огонь, солнце; белый – истину, радость; черный – землю; зеленый – весну, молодость. Рисунок казахского орнамента довольно четкий и крупный, линий отличаются плавностью и изяществом.

В 2007 г. появилась монография А.А. Шевцовой «Казахский народный орнамент: истоки и традиция», которая содержит ценную информацию об орнаментальном искусстве казахов основной зоны проживания. Исследователь

привлекает аналогии казахскому орнаменту из искусства других народов Средней Азии, особо рассматривает колористику казахского орнамента. По этой теме немало было написано трудов таких авторов как У. Джанибеков, Ш.Ж.Тохтабаева, Х.Аргынбаев, А.Маргулан и т.т.

Искусствовед В.Н.Чепелев отмечал, что «казахи живут как бы в мире орнамента: окружающая действительность своеобразно опоэтизирована в гамме узоров. Утварь, посуда, оружие, одежда – все любовно покрывается орнаментом».³

Важное значение придавалось народным промыслам, связанным с обработкой шерсти, кожи, костью, резьбой по дереву, ювелирным искусством. Оригинальна и неповторима у казахов резьба по дереву, которая бывает плоскостной, объемной, сквозной и дополняется росписью и инкрустацией. В отдельных изделиях народных мастеров, дошедших до нас присутствует почти все виды резьбы. Резьными в прошлом были двери, верхняя цилиндрическая часть остова, низ купольных жердей юрты, а также кебеже- ларь, абдрусундуки, төсекағаш- кровать, жастыкағаш- изголовье подушечное, асадал- шкаф разборный для хранения посуды, скатертей; музыкальные инструменты; посуда: ожау, саптыаяқ-черпаки, тостағандар-миски, күбі- маслобойни и многое другое⁴. Искусство казахских резчиков представлено коллекцией самобытной мебели, оригинальной посуды, музыкальных инструментов. Само жилище кочевника – юрта, немыслимо без участия дерева, поскольку каркас его изготавливается из легко гнущегося ивняка, называемого по-казахски тал. Известный русский исследователь Р. Карутц считал, что ошибочно было бы полагать, что Казахстан представляет собой только бескрайние степи, безводные пустыни, сыпучие пески. Наряду с ними край этот славится и богатыми лесными массивами. В районах Семиречья, Сарыарки, Алтая, Урала, Алатау, Тобола, Иртыша произрастают более 30 видов твердых и мягких пород деревьев. Издревле кочевники почитали дерево как святыню. На одиноко растущее дерево или кустарник привязывали кусочек ткани или ленту. Дерево, как совершенное создание природы, было источником вдохновения поэтов, художников и писателей. Удивительно контрастная природа Казахстана была не только основным источником творческого вдохновения в искусстве, но и давала сырье и материал для народных умельцев ағашұста.

Мастера, в большинстве случаев, владели всеми видами обработки дерева и таких профессионалов в народе уважительно называли ұста или ісмер. Именно о них бытовала пословица «Он саусағынан өнер тамған» («Десять пальцев, источающие искусство»). На языке казахов это звучит поэтично, метко выражая талант и виртуозное искусство мастера. Работа мастера ценилась довольно дорого, поэтому не каждый мог позволить себе сложные заказы. К примеру, орнаментированная и инкрустированная мебель бытовала в среде зажиточного населения. Казахская мебель, ассортимент которой был невелик, отличалась легкостью, малогабаритностью и транспортабельностью, что особенно важно в условиях кочевого и полукочевого образа жизни с характерной для него подвижностью быта. Музейная коллекция традиционной мебели казахов, несмотря на малочисленность, тем не менее, дает определенное

представление о развитии этого вида искусства на рубеже конца XIX – начала XX вв. Время наложило свой неумолимый отпечаток на сохранность изделий, однако это не умаляет всех достоинств этого вида искусства и представляет огромный интерес, благодаря его большой художественной значимости.

Значительную ценность в этом плане представляют наши музейные экспонаты от рук мастеров нашего региона, таких как Айдос Муратов, Карамукан Басшин, Шангерей Амиев, К. Жубаниязов и других. Зал этнографии музея украшает бытовая утварь изготовленная знаменитым мастером, виртуозно владеющим различными видами резьбы Айдосом Муратовым, как асадал, адалбакан, сундук и ларь для посуды. Также в фондах музея хранятся экспонаты Заслуженного деятеля культуры РК, члена Союза художников Жубаниязова Куандыка : подставка под коран- лауык, сундук, ларь и кровать⁵. В народе об умельцах, владеющих этим искусством, с восхищением говорили «Ағаштан түйін түйген», что значило «плетущий узоры из дерева».

Асадал-название довольно символическое и в переводе значит «благородная пища». Бытовали следующие виды асадалов: одностворчатые, двустворчатые и смешанного типа (со створками и выдвижными ящиками). Наличие высокого цоколя (подножия), как для шкафа, так и для ларя, было продиктовано необходимостью предохранить продукты и посуду от сырости. Асадал выполненный мастером Айдосом Муратовым вызывает особое восхищение и интерес тем, что изделие сочетает в себе самые различные мотивы орнамента и создает единое смысловое целое, отражающее поэтику народных представлений о строении мира, смысле жизни и т.д.

Из цельного куска дерева, корневища, либо капо-корешкового нароста изготавливались предметы домашнего обихода. Каповая посуда считалась особенно ценной, благодаря прочности и плотности стенки и, кроме того, особой узорчатой текстурой дерева. Деревянная посуда была обязательной принадлежностью каждой казахской семьи. Повседневная посуда была практически лишена орнаментального декора. Казахские тои сопровождалась приездами многочисленных родственников, по этому случаю употреблялась особая, праздничная посуда. Для приема гостей ставили парадные комплекты кумысного сервиза, художественно обработанные резьбой, декорированные серебряными ажурными пластинками и вставками из крупных цветных камней.

Своей необычной конструкцией и экзотической самобытностью привлекает внимание төсеқағаш – кровать. В основе конструкции казахской кровати – плоская прямоугольная пластина, насаженная с боковых сторон на вертикально изогнутые под углом стойки, переходящие в опорные ножки. В композиции казахского интерьера төсеқағаш в комплексе с настенным ковром тускиизом занимает самое почетное место – төр, образуя единый ансамбль с остальными предметами, акцентируя собой значимую роль в пространственной организации жилища.

Своей необычной древовидной конструкцией привлекает шест-вешалка адалбакан, в отдельных регионах она известна под названием түсбақан. В юрте вешалка устанавливалась недалеко от двери на мужской половине. Она была удобна и практична тем, что сюда могли вешать одежду не только взрослые, но

и дети, свободно располагающие свои одежды на нижних ярусах. Все эти предметы, выполненные из дерева, являются подлинными произведениями искусства, которые вошли в сокровищницу национальной культуры.

Этнографические выставки нашего музея не раз экспонировались по Республике. 2003 году в Москве состоялся этнографическая выставка из музейного фонда «Наследие веков», под этим же названием прошли выставки в городе Оренбурге с 2003- по 2013 годы.

Отрадно отметить что в построении экспозиций зала археологии и этнографии нашего музея активную работу провели наши коллеги из Оренбургского художественного фонда. Исходя из этого можно сказать что в нашем музее есть частичка труда Оренбургских художников.

Литература:

1. Послание Президента Н.А.Назарбаева., «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства»
2. Колесникова И.А. О феномене музейной педагогики. – СПб.,1998.
3. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. – Алма-Ата: Өнер-Т.1.1986.
4. Джанибеков У. Эхо... – Алма-Ата. «Өнер», 1991.
5. Каталог этнографических предметов традиционной казахской культуры из фондов Актюбинского областного историко-краеведческого музея. – Актобе. 2013.
6. У. Джанибеков. Культура казахского ремесла. – Алма-Ата. «Өнер», 1982.
7. Ш.Ж.Тохтабаева. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы «Дайк-Пресс», 2005.

ВТОРАЯ СЕССИЯ

Черниенко Д.А. (гг. Уфа – Ижевск, Россия)

УКРАИНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

В Южном Приуралье (современная территория Республики Башкортостан и Оренбургской области) история появления украинцев связана с военно-колониционной политикой Российского государства на восточных границах, привлечением дополнительного населения для службы в гарнизонах, а также хозяйственного освоения свободных земель. Первые сведения о пребывании «черкас» в Уфимской крепости относятся к 1620-30-м гг. Важными

факторами в дальнейшем формировании украинского населения региона стали такие исторические события и процессы как строительство с середины XVIII в. Оренбургской оборонительной линии, создание Оренбургского казачьего войска, крестьянские миграции после отмены крепостного права в 1861 г., ввод в действие в начале XX в. Самаро-Златоустовской железной дороги, проведение Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг., голод в Украине 1920–1930-х гг., массовая эвакуация в годы Великой Отечественной войны, трудовые миграции советского периода в ходе индустриализации 1930-х гг. и освоения целинных земель 1950-60-х гг.

Наибольшая численность украинцев в Южном Приуралье зафиксирована переписью 1939 г. – около 250 тыс. человек. Во второй половине XX в. в силу ряда причин начались необратимые процессы ассимиляции и сокращения доли украинцев в этнической структуре региона. В настоящее время, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в республике Башкортостан и оренбургской области, которые имеют ряд общих черт культурно-исторического развития, проживает около 90 тыс. украинцев. Таким образом, в Южном Приуралье поступательно и поэтапно складывался один из наиболее крупных и относительно компактных анклавов украинского населения в России. Большая численность украинцев в регионе, их заметная роль в хозяйственной, общественно-политической и культурной сферах, обусловили высокий и стабильный научно-просветительский интерес к этой этнической группе, который прослеживается от первых публикаций XVIII в. до сегодня.

Помимо распространения информации об украинцах края в справочной, словарной, энциклопедической литературе, научно-популярной периодике, важное значение имеет также репрезентация культурного наследия в форме музейных экспозиций. В Республике Башкортостан украинские коллекции в настоящее время находятся в Национальном музее РБ, Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, Юматовском этнографическом музее, музее украинской культуры и быта Республиканского историко-культурного центра «Золотоношка», музее украинского искусства воскресной школы им. Т.Г. Шевченко в г. Уфе.

В Национальном музее РБ раздел «Украинцы» является составной частью экспозиции, посвященной восточнославянским народам. В экспозиции, прежде всего, нашло отражение богатство и разнообразие украинского костюма, показанного в связи с особенностями хозяйственной деятельности. Наиболее представлен фонд «Текстиль» – 22 единицы хранения, включающие элементы украинского национального костюма (сорочки, кофты, блузки), полотенца (рушники), одеяла (ковдры). В фонде «Дерево» два предмета (ваза, шкатулка), фонд «Документы» содержит фотографии, отражающие деятельность РНКЦУБ «Кобзарь». В современном виде экспозиция открыта в 2004 г., но фонды накапливались на протяжении длительного времени и имеют разное происхождение. Значительная часть собрана в ходе научных экспедиций музея, например, в 1996 г. состоялась экспедиция в Федоровском районе РБ (д. Ново-Троевка – переселенцы из одноименного села в Черниговской губернии и их потомки); другая часть – вещи, полученные от частных лиц (в том числе

привезенные из Украины); третья часть – подарки музею от гостей из Украины в 1979 г. к 325-летию воссоединения Украины и России¹.

Этнографическая коллекция, посвященная украинцам, представлена также в Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, созданного в 1976 г. по инициативе академика Р.Г. Кузеева. Постоянная экспозиция «Народы Башкортостана» включает раздел по восточнославянским народам – русским, украинцам и белорусам – и отражает бытовую культуру городского и крестьянского населения. Украинская коллекция собиралась по материалам экспедиций В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатовой и других исследователей в разных районах республики в 1980-х – начале 1990-х гг. Выставка знакомит преимущественно с предметами народного творчества: разнообразные по технике исполнения, вышивке, орнаменту и цветовому оформлению национальные костюмы, полотенца-рушники, подзоры, писанки, в фондах также находятся деревянная посуда, утварь, экспедиционные фотодокументы.

Этнографический музей в п. Юматово Уфимского района начал создаваться в середине 1960-х гг. по инициативе семьи энтузиастов – Сергея Алексеевича (1900–1993) и Натальи Сергеевны (1910–2006) Зыряновых, приобретавших экспонаты за собственный счет, самостоятельно изготавливавших манекены для оформления экспозиции. В ее основе лежит идея собрания старинных предметов крестьянского быта, отражающих культуру народов Южного Урала конца XIX – начала XX вв.

Коллекция включает исключительно оригинальные предметы – более 7500 экспонатов, полученных в результате многочисленных поездок основателей музея по республике, а также фотографии, записи бесед с респондентами. Музейные «интерьеры» реконструируют крестьянский быт, воссоздают внутреннее убранство дома, в том числе часть украинской хаты. Украинская коллекция насчитывает более 20 экспонатов – элементы женского национального костюма, рушники. По происхождению сами Зыряновы имели украинские корни от переселенцев конца XIX в. в села Черниговку, Богомолровку, расположенные недалеко от Уфы. Неслучайно, что украинская коллекция стала складываться первой и именно из тех сел Чишминского района, которые постепенно приходили в запустение. Неоднократно музей получал высокие оценки ведущих специалистов этнографии России и Башкортостана, в том числе Р.Г. Кузеева. С 2007 г. бывший частный музей работает как муниципальное бюджетное учреждение.

В 1999 г. Указом Президента РБ в с. Золотоношка Стерлитамакского района был создан Украинский историко-культурный центр «Золотоношка», включающий несколько объектов сельской инфраструктуры – сельский Дом культуры, музей украинской культуры и быта, базовая украинская библиотека, учебный комплекс – детский сад и средняя общеобразовательная школа, памятник деревянного зодчества начала XX в. – храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

¹ Устные консультации научных сотрудников Национального музея Республики Башкортостан.

Историко-культурный центр выполняет задачи по сохранению, возрождению и исследованию традиционных форм жизнедеятельности украинского населения, обрядов, фольклора, популяризации культурного наследия украинцев Башкортостана¹. Впервые музей при сельском ДК был организован местными активистами С.И. Емельяновым и А.И. Шевченко в 1990 г. Сегодня музей занимает два больших зала, насчитывает более 1100 единиц хранения и содержит уникальный материал об истории села, известных людях, семьях, а также отражает традиционный и современный культурный облик. Единый с музеем комплекс составляет сельская библиотека, которая ежегодно обслуживает до 700 пользователей, в ее фондах более 540 экземпляров печатной продукции на украинском языке².

Первая в России муниципальная украинская национальная воскресная школа им. Т.Г. Шевченко была открыта в Уфе в 1992 г. по инициативе РНКЦУБ «Кобзарь». С момента открытия школы началась работа по собиранию материалов для музея истории и культуры украинского народа. В ноябре 2004 г. музей официально зарегистрирован в Министерстве образования и науки РФ как школьный национальный украинский музей – единственный на сегодня в Российской Федерации. В марте 2008 г. музеем присвоено звание «Лучший школьный музей» Башкортостана. Основной фонд музея насчитывает 370 единиц (костюмы, мебель, утварь, документы). Помимо аутентичных предметов, привезенных из украинских сел республики или переданных семьями учащихся, часть коллекции составляют творческие работы школьников, выполненные на уроках декоративно-прикладного искусства³.

В Оренбургской области первая коллекция украинского быта формировалась на базе музея «Т.Г. Шевченко в Орской крепости» – отдела Орского краеведческого музея, открывшегося 10 марта 1986 г. в рамках проведения традиционного «Шевченковского марта». Здание музея располагается в старом городе, в пределах бывшей крепости на том месте, где размещались соляные амбары, артиллерийский цейхгауз, ротный арсенал, пороховые погреба. Старинный купеческий дом постройки начала XX в. обладает своеобразной архитектурой, с сохранившимися коваными ажурными воротами, а также частью каменной кладки забора. В 2010 г., согласно городской целевой программе в музее проведен частичный ремонт и переэкспозиция. Помимо основной экспозиции, посвященной периоду пребывания Т.Г. Шевченко на военной службе, в музее есть тематический зал «Горница», воспроизводящий интерьер крестьянского дома в сочетании с интерактивным пространством. В зале представлены предметы быта (в том числе, коллекция рушников), утвари, украшения домашнего пространства, орудия земледельческого труда, ремесленные изделия, элементы национальной одежды и др., что позволяет представить особенности и колорит повседневного

¹ Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана. Уфа: ИЦ УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 102 с.

² Украинский историко-культурный центр «Золотоношка». – Стерлитамак: [Б.и.], 2011. 18 с.

³ Школьный музей МБОУ ДОД УНВШ им. Т.Г. Шевченко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://unvshevchenko.ru/index.php/shkolnyj-muzej>

уклада жизни традиционной крестьянской семьи и украинцев-переселенцев. Предметы быта здесь можно не только рассмотреть, но и взять в руки, представить, как они применялись по назначению¹.

В 2004 г. в Оренбуржье в рамках широкого общественного диалога появилась идея строительства «Национальной деревни» как музея под открытым небом. Основная цель данного проекта заключалась в том, чтобы отразить многообразие, богатство национальных традиций Оренбургского края, способствовать гармонизации межнациональных отношений, развитию принципов толерантности и уважения к самобытным культурам всех этнических групп. Исходя из доли каждого народа, было определено 10 национально-культурных объединений, участвующих в возведении комплекса, в том числе украинское (доля украинцев в населении области составляла в тот период 3,5% – четвертое место). Каждому из обществ выделялся участок земли в 0,2 га.

Научное обоснование необходимости украинского подворья заключалось в том, что украинцы, появившись на берегах Урала в составе первых военных экспедиций в первой половине XVIII в., сыграли исключительную роль в военно-хозяйственном освоении Оренбургского края, став основной силой многих пограничных гарнизонов, распространив в южноуральских степях высокую культуру земледелия, традиции свиноводства, огородничества, бахчеводства и народных промыслов, внося тем самым значительный вклад в развитие области. В соответствии с распоряжением Губернатора Оренбургской области и областной целевой программой реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 гг. «Украинское подворье» было торжественно открыто 26 июля 2007 г. первым в «Национальной деревне»².

В настоящее время подворье объединяет музей украинской народной архитектуры и быта, библиотеку, национальное кафе, гостиницу. При создании подворья использовались наиболее характерные, узнаваемые национальные элементы: белёная и расписанная в традиционной манере хата с соломенной крышей, плетень, колодец, уличная печь, аист и др. Экспозиция музея украинской народной архитектуры и быта насчитывает более 1200 экспонатов, которые собирались не только в селах Оренбургской области, но и привезены из разных областей Восточной, Центральной и Западной Украины³. На первом этаже музея воссоздан интерьер украинской хаты с действующей печью, рушниками, иконами, старинными фотографиями; на втором этаже располагается этнографическая коллекция аутентичных предметов быта (утюги, прялки, топоры, рубели, музыкальные инструменты, костюмы, платки), старинных сельскохозяйственных орудий, библиотека научной и художественной литературы, экспозиция «Украинцы и Оренбуржье», отражающая вклад украинского народа в развитие Оренбургского края. Музей

¹ Музей «Т.Г. Шевченко в Орской крепости» // Орский краеведческий музей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://orskmuseum.ru/departments/shevchenko>

² Амелин В.В., Молощенков А.Н. Украинцы на Южном Урале. – Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. 190 с.

³ Украинское подворье в культурном комплексе «Национальная деревня». – Оренбург: [Б.и.], 2012. 8 с.

проводит просветительскую деятельность, организуя экскурсии, лектории, встречи, тематические беседы для различных категорий населения области. Материалы научно-популярного содержания, в том числе о работе «Украинского подворья» и музея, публикуются в газете оренбургских украинцев «Оренбурзька криниця», которая выходит с 2005 г.

Итак, различные по своему статусу, содержанию, структуре и объемам фондов музейные экспозиции на протяжении длительного времени являются неотъемлемой составляющей для проведения научных исследований по истории, этнографии, фольклору, искусству украинского населения Южного Урала; а также выполняют важные социальные задачи собирания, сохранения, систематизации артефактов народной культуры, позволяют реализовывать проекты этнографического просвещения и популяризации украинской национальной культуры в многонациональной среде Южного Урала. Перспективным научно-просветительским и эколого-этнографическим проектом может стать создание специализированного музея истории переселенчества и крестьянского быта в виде аутентичной реконструкции традиционной украинской хаты «под открытым небом».

Марченко К. Ю. (г. Оренбург, Россия)

ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 – 1950-х гг. В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

В своем выступлении мы не претендуем на полноценное освещение всех аспектов истории старейшего и наиболее богатого по числу экспонатов Оренбургского областного краеведческого музея. Наша цель познакомить пользователей с некоторыми архивными документами второй половины 1940 – 1950-х гг. из фондов Оренбургского областного комитета КПСС и первичной партийной организации Оренбургского областного краеведческого музея, которые находятся на хранении в государственном бюджетном учреждении «Центр документации новейшей истории Оренбургской области».

В послевоенный период началось активное восстановление разрушенного хозяйства страны. Заметно улучшилась работа культурно – просветительских учреждений, в том числе в Чкаловской (ныне – Оренбургской) области. К примеру, 15 января 1947 г. после десятилетней консервации вновь открылся для посетителей краеведческий музей в г. Чкалове (ныне – г. Оренбурге), директором которого на тот момент был А.Я. Борисов. В своем выступлении на собрании партийной организации краеведческого музея Андрей Яковлевич отмечал, что была проделана большая работа по приведению экспонатов в порядок, посетителям были представлены такие отделы, как животный мир, отдел истории, выставка к 30-летию установления советской власти в регионе¹.

¹ ЦДНПО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

Пополнение музейной коллекции шло путем собирания предметов старины у местного населения, экспедиций по районам области. К концу 1940-х гг. была приобретена большая коллекция орской яшмы (35 образцов), нижняя челюсть мамонта из Люксембургского (ныне – Красногвардейского) района, коллекция фотографий с видами г. Оренбурга середины XIX в., ряд материалов по жизненному и творческому пути А.С. Пушкина, небольшое количество старинных монет, а также одежда народов, населявших край¹.

Немаловажное значение придавалось участию чкаловцев в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Представленные на выставках фотографии и документы свидетельствовали о подвиге бойцов и офицеров, удостоенных звания Героя Советского Союза, о самоотверженном труде работников тыла во имя Великой Победы. Большая работа была проделана по сбору материалов, характеризующих боевой путь 360-й Краснознаменной Невельской дивизии².

С возобновлением работы краеведческого музея был организован художественный отдел. Особое место в нем принадлежало коллекции произведений нашего земляка, позднего передвижника, академика живописи Л.В. Попова.

Интерес к забытому после смерти художнику вернул журналист, а позже председатель правления Оренбургского отделения Союза художников С.А. Варламов. Именно он, увидев имя нашего земляка в книге Я.Д. Минченкова «Воспоминания о передвижниках», выступил с этим заявлением по радио. Откликнулись художники Н.В. Кудашев, Н.М. Ледяев, которые в свое время посещали студию Л.В. Попова в Зауральной роще и сохранили некоторые из его работ. Благодаря инициативе С.А. Варламова и энтузиазму А.Я. Борисова, краеведческий музей на весьма скромные средства стал приобретать произведения Лукиана Васильевича у его родственников и частных лиц³. В отчете музея за 1949 г. отмечено, что по художественному отделу приобретены такие работы нашего земляка, как «Крестьянка», «Пирушка», «Горе», «За письмом», «Портрет бабушки»⁴.

Краеведческий музей неоднократно ставил вопрос перед обкомом партии о передаче ему других картин Л.В. Попова из Свердловского, Молотовского и Куйбышевского (ныне - Екатеринбургского, Пермского, Самарского) музеев⁵. Общими усилиями творческой интеллигенции города в 1950-е гг. картины Лукиана Васильевича в большинстве своем были переданы Чкаловскому краеведческому музею. Позже они составили основу мемориального зала художника в музее изобразительных искусств, открытом в 1960 г.

Из приобретенных краеведческим музеем коллекций формировались экспозиции и организовывались разного рода выставки. Например, в 1949 г. были открыты: выставка, посвященная 150-летию со дня рождения А.С.

¹ ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 11. Д. 719. Л. 52 – 53.

³ Оренбургский областной музей изобразительных искусств: 50 лет: альбом/ Под ред. Т.В. Орловой. – Оренбург, 2010. – С. 174; Минченков Я.Д. Воспоминания о передвижниках. – М., 1961.

⁴ ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁵ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 3.

Пушкина; «Великий план преобразования природы»; отчетная выставка чкаловских художников и др.¹

В соответствии с политикой, которая проводилась в те годы, коллектив краеведческого музея должен был являться пропагандистом преимуществ социалистического общества. В связи с этим регулярно читались лекции, которые, как правило, основывались на местном историческом материале, исследованном научными сотрудниками музея. В течение 1950 – 1953 гг. были прочитаны лекции на темы «Историческое прошлое города Чкалова», «Любите и изучайте свой край», «Октябрьская революция и гражданская война в Оренбургском крае» и др.²

Наряду с экспозиционной и научно – исследовательской деятельностью активно шла работа по увеличению посещаемости музея: средствами радиовещания, путем рассылки листовок, напечатанных типографским способом, в школы, училища, ВУЗы, различным учреждениям и предприятиям. В местной печати всегда помещались заметки о новых выставках, открываемых в музее, а также статьи на краеведческие темы³.

В документах прослеживается неблагоприятное финансовое состояние музея. Директор музея 16 марта 1950 г. писал об этом секретарю Чкаловского областного комитета партии П.Н. Корчагину: «Музей является в известной степени зеркалом нашей области, лицом областного центра. Все приезжающие в нашу область в первую очередь приходят в музей и судят о нашей области по музею». В этом письме А.Я. Борисов затронул проблемы музея, имеющие финансовую основу: «... внутренняя отделка музея за многие годы эксплуатации пришла в полную негодность: штукатурка на стенах и потолках потрескалась, лепные украшения частично отбиты, в вестибюле внимание посетителей привлекали избитые каменные лестницы»⁴. Также требовалась хорошая экспозиционная мебель, для изготовления которой необходим был чистый, сухой, выдержанный лес.

Существовали проблемы с жильем для сотрудников музея. С 1948 г. трое научных сотрудников, сторож, дворник проживали в здании музея. В 1949 г. администрация музея просила Чкаловский обком ВКП(б) оказать содействие в получении квартир для заместителя директора по научной части и сторожа.

Не был решен вопрос и об увеличении штата работников музея хотя бы на одну единицу в лице дополнительного сторожа, что позволило бы организовать «вешалку» и обеспечить круглосуточную охрану государственных исторических ценностей. Кроме того, поступали жалобы от посетителей о том, что приходится ходить в верхней одежде по залам музея в течение 1 – 2 часов. Допуск в залы в верхней одежде и с вещами создавал ситуации для хищения экспонатов⁵.

¹ ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

² ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

³ ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁴ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 2.

⁵ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 3.

Несмотря на трудности послевоенного времени, краеведческим музеем была проведена огромная работа по приведению экспонатов и музея в целом в порядок.

В ночь с 12 на 13 марта 1950 г. краеведческий музей посетил председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по материально – техническому снабжению народного хозяйства Лазарь Моисеевич Каганович. Ему были показаны все отделы музея. Например, в отделе геологии его заинтересовали асбест, слюда, мергели, мрамор. Рассматривая коллекции, он не раз замечал, что Южный Урал, в частности район Орска – одна из жемчужин Урала по богатству и обилию полезных ископаемых.

Музей Л.М. Кагановичу понравился. Лазарь Моисеевич даже прибегнул к такому сравнению, что в Москве много музеев, но все они показывают не Москву, а известные отрасли или всю страну. Попытки создать в Москве специальный музей такого типа, как Чкаловский, не увенчались успехом, так как в г. Чкалове музей показывает именно свою область¹.

Из всех культурно-просветительных учреждений Чкаловской области музей оставался самым посещаемым. К 1950 г. он завершил первый этап своего восстановления и стал мощным орудием пропаганды краеведческих знаний – за 3 года музей посетило более 150 тыс. человек, с каждым годом число посетителей росло². Так, например, в 1958 г. только за год их количество составляло более 70 тыс.³

В данном выступлении указаны разнохарактерные и неполные сведения. Тем не менее, это возможность еще раз обратиться к истории краеведческого музея в послевоенный период, в том числе и по архивным документам.

В настоящее время областной краеведческий музей именуется как Оренбургский губернаторский историко-краеведческий. В его собрании хранятся экспонаты, рассказывающие об образовании города Оренбурга и губернии, развитии экономики, науки и культуры в нашем крае XVIII – XX столетиях. Сотрудниками организуются десятки выставок, различного рода мероприятия, благодаря чему историческое и культурное наследие становится более доступным для широких слоев населения, во многом воспитывая в молодом поколении уважение к собственной культуре и толерантность к культуре других народов, населявших нашу область, страну.

¹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 3; Из воспоминаний С.А. Попова // Оренбургский край. – 1994. – № 1. – С. 16 – 17.

² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 718. Л. 9.

³ ЦДННАО. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 25. Л. 7.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. К ПРОБЛЕМЕ ПОПОЛНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Этнографическая коллекция Орского краеведческого музея начала формироваться в 1950-е годы. В подавляющем большинстве она складывалась из даров. Основную часть этой коллекции составляют предметы, характеризующие традиционный быт нескольких народов, населяющих наш город и Восточное Оренбуржье, - русских, украинцев, татар, башкир и казахов. Этнографические коллекции других народов представлены единичными предметами.

В числе самых ранних поступлений – два казачьих праздничных косоклиных сарафана, переданных в наши фонды в 1955 – 1956 гг. Чкаловским областным музеем. В начале 1960-х – 1970-е гг. в состав фондов вошли русская крестьянская женская рубаша и фартук конца XIX – начала XX вв., самотканая юбка и др. В состав коллекции входят также полотенца, наволочки, подзоры и другие изделия с вышивкой и плетением. Из предметов домашней утвари интерес представляет уральская прялка.

Традиционная одежда украинцев представлена мужским костюмом XIX в. – кафтаном, рубашкой-сорочкой и кушаком, переданным в 1980-е гг. одним из украинских музеев для создававшегося в нашем городе музея «Т.Г. Шевченко в Орской крепости». В состав коллекции входят также полотенца с вышивкой и кружевами. Представляет интерес рушник, вышитый потомком Тараса Григорьевича О.В. Ковтун. Среди даров - музыкальный инструмент бандура 1980-х гг.

В разделе экспозиции Орского краеведческого музея, посвящённом татарам, находятся предметы одежды конца XIX – начала XX вв.: девичий головной убор калфак из бархата, с вышивкой, представляющей собой цветочную композицию, и женский татарский костюм, состоящий из платья и камзола, отороченного перьями. Рядом – ичиги (сапожки) с вышивкой. Украшением коллекции музея является детская шапочка, которая по легенде принадлежала Мирхайдару Файзи. Она представляет собой бархатную тюбетейку, к которой в качестве оберегов пришиты восточные монеты, раковина каури и минерал, предположительно, сердолик. Датируется шапочка 1909 – 1910 гг.

К предметам религиозного культа, имеющим этнографический характер, относятся коврики для молитв. В нашем собрании – плюшевый намазлык 1910 – 1912 гг., закупленный в 1996 г. у Н.А. Мухамедьяровой.

В коллекции предметов башкир можно выделить тамгу (фамильный знак одного из родов), а также женские украшения, музыкальный инструмент курай.

Традиционная казахская материальная культура представлена в собрании нашего музея деревянной посудой (мисками), предметами конской упряжи с орнаментом, колыбелью, украшениями. Среди последних – шашпау, украшение для волос, сделанное из полтинника 1925 г., а также сакиня, перстень-печатка.

Эти предметы были подарены в 1990 г. жительницами с. Андреевка Адамовского района Сауле Кудайбергеновой и Рабигой Уреновой во время экспедиции краеведческого кружка, работавшего при нашем музее.

Общими для мусульманских народов являются кумганы. В коллекции нашего музея насчитывается 18 кумганов из латуни, чёрного металла и алюминия конца XIX – середины XX вв.

Примером взаимопроникновения культур служит покрывало на подушку, изготовленное в 1914 – 1916 гг. монахинями Орского женского монастыря для приданного орчанки-татарки. По свидетельству сдатчика Расима Валетдинова, семья выдвинула единственное требование, чтобы на изделии не было креста.

Изучение и атрибуция предметов этнографии затрудняется в тех случаях, когда предметы являются случайными находками или отсутствует легенда. К важнейшей проблеме пополнения и развития этнографической коллекции можно отнести полное отсутствие финансирования экспедиций и закупа. Существует потребность в продолжении обучения в рамках Народного университета музееведения с упором на этнографию / этнологию тюркских народов.

С растительным орнаментом встречаются и татарские, и башкирские намазлыки

Девичий головной убор - калфак

Фурсова И. А. (г. Новотроицк, Россия)

РОЛЬ НОВОТРОИЦКОГО МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНОГО КОМПЛЕКСА В СОХРАНЕНИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

В современном мире в контексте сохранения стабильности и развития отношений Российской Федерации с Республикой Казахстан новое звучание приобретает проблема казахов и русских, проживающих в приграничной зоне. В нашем муниципальном образовании «Город Новотроицк» по данным последней переписи населения проживает около трех тысяч казахов. Поселки

Аккермановка, Хабарное, Крык-Пшак и село Пригорное в соответствии с Законом «О Государственной границе Российской Федерации» находятся в пограничной зоне. Расположение населенных пунктов в пределах пятикилометровой полосы вдоль госграницы РФ откладывает определенный отпечаток и на работу нашего музейно-выставочного комплекса. Мы курируем общественные музеи данных районов, сопровождаем группы краеведов, туристов и телевизионных компаний.

Так, недавно сотрудники музея сопровождали команду проекта «Оренбургские экспедиции». За два дня блоггеры, журналисты, фотографы и видеооператоры посетили все самые интересные места нашего промышленного города, изучили его достопримечательности. Гостям запомнились специально организованная для «Оренбургских экспедиций» краеведческая экскурсия, экскурсия по музею, встреча со знаменитой мастерицей М.Д. Краснобородкиной, с родственниками Г.В. Настича, автором нескольких памятников архитектуры. И, конечно, в нашем промышленном центре, не обошлось без посещения красивых природных достопримечательностей. Хабарнинское ущелье на границе с Казахстаном произвело, пожалуй, наибольшее впечатление на участников поездки. При этом мы оформляли пропуска в соответствии с требованиями «Правил пограничного режима». Результаты экспедиции будут представлены в канун празднования юбилея города лучшими фотографиями, краеведческим фильмом, а также туристический атласом города Новотроицка на презентации, которая состоится в музейно-выставочном комплексе.

В Новотроицке смыкаются государственные границы России и Казахстана. Это определяет актуальность исследования, в центре которого – история казахов российского пограничья в пределах Южного Урала XIX-XX вв. Этнополитический фактор занимает одно из важных мест в оценке современной ситуации в регионе. Ее особенность в том, что в сообществе нашего приграничного района казахский и русский этнос объединены общностью истории. При всех языковых и религиозных различиях мы обладаем общностью культуры. На базе нашего музейного собрания краевед Юрий Александрович Антонов написал книгу «Истоки степных рыцарей», ставшей еще и своеобразным подарком к юбилеям Оренбургской губернии, области и Новотроицка. Книга рассказывает об общих когда-то с Казахами степях. Содержит легенды двух соседских народов. Невероятную по масштабу и глубине историю частый гость музея постиг в фондах и передал ее широкому кругу читателей.

В рамках проведения года России в Казахстане и следующего года – Казахстана в России, два наших музея (Новотроицкий и Актюбинский) обменивались передвижными выставками. В рамках подписания Договора о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам между Россией и Казахстаном члены обеих делегаций побывали в музее, назвав Новотроицкий музейно-выставочный комплекс территорией дружбы, добрососедства и сотрудничества, объединяющей братские народы.

Интерес официального Казахстана к сообществу Евразии закреплён в ряде межгосударственных соглашений. Развитие казахстанско-российского сотрудничества в космической сфере обозначило перспективу конструктивного взаимодействия в музейном сообществе. Так, списавшись с коллегами музея Тюратам, члены краеведческого кружка Новотроицкого музея побывали на запуске пилотируемой ракеты с космодрома Байконур. Подготовка к этой поездке длилась два месяца. Именно столько времени понадобилось для того, чтобы получить разрешение на посещение особого объекта в Роскосмосе. В Байконуре памятных мест больше, чем ракет. Это место легендарное и прославленное: Гагарин, Королёв, Янгель и все, кто имеет отношение к становлению советской космонавтики, оставили здесь память о себе. Перед отправлением на стартовую площадку, нам показали комплекс «Буран», домики С.П. Королёва и Ю.А. Гагарина, откуда 12 апреля 1961 года отправился в свой первый полёт первый российский космонавт. Мы наблюдали запуск пилотируемого корабля «Союз ТМА-09М», отправившего на МКС четырех космонавтов. Полёт в космос – это результат многолетнего труда большой группы людей разных национальностей. Имея культурные и этнополитические контакты с казахами приграничной зоны все сопровождающие юных краеведов взрослые с удовлетворением отметили, что наши народы сохраняют ориентацию на межэтническое взаимодействие и толерантность.

Кстати, после поездки в Казахстан юные краеведы посетили Оренбургскую квартиру Юрия и Валентины Гагариных. Побывали и в национальной деревне, в том числе и в казахском подворье, где увидели юрты, образцы традиционной одежды, оружия, национальные музыкальные инструменты и предметы обихода. Хозяева в национальных костюмах угощали новотройчан бешбармаком, каурдаком, казы и баурсаками. Музеи стали для подрастающего поколения центрами сохранения и популяризации культурного наследия дружественных народов.

Не остаётся в стороне и наш музейно-выставочный комплекс. Он находится в центральной части города. Все идеи межнационального характера находят поддержку со стороны администрации города. Фонды музея Новотроицка имеют в своём составе и этнографические предметы, в том числе: женский костюм (платье, жилет, сапоги), мужской костюм (халат и тюбетейка), ковер, панно с вышивкой, сувениры, памятная медаль «Актобе 2006 г», денежные знаки, книга «XXI век. Мировая элита Н.А. Назарбаев» (издательство «Астана» 2005 г.), футбольный мяч с автографами с «Международной встречи по футболу Новотроицк – Актобе», фото делегация из Казахстана в Новотроицке и др.

В состав фондов вошли и материалы, переданные предыдущим главой муниципального образования г. Новотроицк А.А. Великановым, собранные им в период своей деятельности и нынешней – Г. Д. Чижовой. Это коллекция сувениров, подаренная делегацией из Казахстана, памятные медали, серия фотографий, отражающая различные события и памятные встречи глав Новотроицка с гостями города.

Внимание специалистов привлекает археологическая коллекция кочевой цивилизации. В них мы видим этно-археологию, которая преодолевает этнические рамки, выталкивая за ее пределы наследников империи Чингисхана.

В настоящее время проходит реэкспозиции музея, уже разработаны научная и художественная концепции экспозиции и план музея с размещением основных тем экспозиции, представлены перспективы и рисунки, дающие представление об объемно-пространственном решении учреждения, разработано принципиальное цветовое решение интерьеров, освещение витрин и экспонатов. Так вот, и новая экспозиция включает в себя предметы казахской материальной культуры: хозяйства, музыкальные инструменты, оружие, жилище казахов, одежда и предметы повседневного использования. В экспозиции музея будет представлен этнографический материал и на основе новых поступлений. Это такие предметы, как верхняя одежда, украшения, предметы домашнего обихода, фотографии, документы семьи Хаймединовых (старожилов города). Музейные стенды отразят роль казахов в освоении целинных и залежных земель, построении социалистического государства, в развитии его экономики и культуры *Урало-Казахстанского региона* в целом. История казахов приграничного с Новотроицком районом развивалась по сценарию истории России, СССР и Российской Федерации. Этот аспект нивелирует историю казахов, снимает отличия, делает гомогенной.

Методический отдел музейно-выставочного комплекса в результате исследований пополнился интересным материалом: документами, рассказывающими об агитационно-массовой работой, проводимой в нашем городе в 1946 году. Тогда работники отдела пропаганды и агитации горкома ВКП(б) делали доклады для избирателей на их родном языке, в т.ч. и казахском. В одном из документов говорится: «11 января в клубе строителей состоялось собрание избирателей казахов, узбеков, башкир и татар. Свыше 400 трудящихся национальных меньшинств, заполнивших зрительный зал клуба, с большим вниманием выслушали доклад инструктора горкома ВКП(б) тов. Балмагамбетова на казахском языке на тему «Избирательная система в СССР».

Рабочий желдорцеха строительства стахановец тов. Насифулин на татарском языке выразил единодушное настроение собравшихся, отметив, что: «закрепленные Сталинской Конституцией за всеми народами СССР права, великая многонациональная советская семья готова защищать до последней капли крови». Провозглашенная им здравица за творца самой демократической в мире Конституции – товарища Сталина – была поддержана бурными аплодисментами».

Музей воспитывает и внуков первостроителей Новотроицка. Чтобы приобщить детей и подростков к историко-культурному наследию народов, проживающих на территории Оренбургской области, мы проводим городской этнографический фестиваль, в котором участвуют учащиеся 5-11 классов и студенты. Так у детей формируется новый тип сознания, ориентированный на духовные ценности своего и других народов, дальнейшее развитие этнографии, воспитывается художественный вкус, раскрываются перспективы и проблемы этнографии.

На ученом совете за научными сотрудниками были закреплены следующие темы культурно-образовательных программ на предстоящие годы: «Символы края в истории страны», «Быть свидетелем истории», «Навеки в памяти народной», «Праздники: народные и государственные», «Прекрасное рядом», «Многонациональная мозаика края». Целью работы отдела музейной педагогики является воспитание свободной, творческой личности, осознающей свои корни, национальные истоки, способной ориентироваться в современном мире.

Нет и не было в нашем регионе национализации культуры. На художественных полотнах в большом выставочном зале Новотроицкого музейно-выставочного комплекса мы видим славное, свободное историческое прошлое казахов и русских.

Сотрудники музейно-выставочного комплекса дружны с представителями местной казахской диаспоры.

Сотрудники музея не создают искусственных ментальных границ, которые держат своих граждан в пределах идеологии.

На базе музея проводились уроки Мировой художественной культуры.

София Хайбрахмановна Узбекова, Гульсира Сайфуролловна Шакирова, Зарифа Гарифовна Абдулина, Аэлига Мустафиевна Юматулова, Гульнур Сайфетдиновна Галяутдинова пели песни на своих национальных языках, читали стихи. Выездные выставки представлял музей и в городе Орске на празднике Дружбы народов. На соседскую землю мы привезли музейные экспонаты, отражающие культуры народов, проживающих в Новотроицке (ковер с национальным орнаментом, домру, пиалы, рушник, пиалы, тубетейки и пр.).

Новотройчанки показали не просто свою эрудицию в вопросах национальных традиций, истории народов, но и умение заечь гостей своего «курмышка». Мы проводили различные национальные игры.

28 мая 1918 года пограничники Оренбуржья отметили 97-ю годовщину образования Пограничных войск ФСБ России. И нужно сказать, что наш край – приграничный регион, имеющий самый протяженный участок российско-казахстанской границы. Сотрудники Пограничного управления ФСБ России по Оренбургской области профессионально решают поставленные задачи. И вместе с тем, граница с Казахстаном открыта для всех, кто прибывает к нам с добрыми намерениями. Поэтому, пользуясь случаем пожелаем им мира, добра и благополучия.

А активная работа музейного сообщества доказывает, что современные связи Урало-Казахстанского региона базируются на принципах добрососедства и взаимоуважения, чему способствует межкультурное, межэтническое сотрудничество, взаимодополняемость и социокультурной инфраструктуры таких приграничных территорий, как наш Новотроицк.

ЭКСПОЗИЦИЯ КАБИНЕТА-МУЗЕЯ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ ОРГМУ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА

Кабинет-музей истории медицины на кафедре истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета создан в 2003 году с целью сохранения раритетов медицинского назначения как свидетельства культурного, социально-экономического, этнографического развития человеческой цивилизации. Одновременно была выделена экспозиция регионального краеведения, которая позволила представить доступные сведения о становлении и развитии народного целительства в национальных традициях этноконфессиональной идентичности народов, проживающих на территории Урало-Казахстанского региона, в том числе славянского и казахского этносов.

Экспозиция музея располагает копиями архивных документов, прекрасными репродукциями и фотографиями быта, ритуалов деятельности народных целителей, старинными книжными изданиями по медицине, коллекцией набора медицинского инструментария народных целителей, гербариями лекарственных растений. Значительное место в экспозиции и запасниках музея занимают сборники пословиц и поговорок, заговоров медицинского содержания, которые позволяют ретроспективно через народный фольклор составить представления о традициях и ритуалах этноконфессиональной медицины [1].

Экспозиция музея играет важную роль в процессе преподавания. Сама обстановка музейного помещения, в котором проходят семинарские занятия, повышает мотивацию будущих врачей к изучению истории медицины, а педагогу, ведущему занятия, реализовать три основополагающие задачи учебного процесса: обучающую, развивающую, воспитывающую.

Функция обучения реализует, прежде всего, историографический аспект, из которого следует, что казахи – коренное население региона, заселившие обширные пространства пустынного, полупустынного и степного ландшафта. Славяне переселись на территории Южного Урала вследствие мирной земледельческой колонизации в XVII веке [2].

В каждом из этих этносов формировались и накапливались различные навыки помощи сородичу, трансформировавшиеся со временем в народную, этнокультурную медицинскую традиции.

Живя в окружении природы человек мог наблюдать и использовать знания целительного действия растений, полученные прежде всего эмпирическим путем. У славян применялись в лечебных целях паслён, солодковый корень, мать-и-мачеха, ромашка, лопух, полынь; у казахов – можжевельник, трехлистная вахпея, кузьмечева трава (кылша), почечуйная трава (кымы здык), девясил (карандыз), солодковый корень (мия), фитварная

полынь (дармине) [3]. Все эти и другие лекарственные растения представлены в гербариях музея.

Не сложно заметить, что и славяне, и казахи знали целебные свойства и применяли в ряде случаев одни и те же растения, которые бережно хранятся в гербариях музея и используются в учебном процессе в качестве демонстраций. Как у славян, так и у казахов лекарственные растения по результатам действия были разделены на крепительные, освежающие, согревающие и слабительные. Способы их приготовления так же имели общие приемы: настои, отвары, примочки.

С развитием охоты, скотоводства в арсенал целительных средств были включены кумыс (казахи получали его из кобыльего молока), кисломолочные продукты (у славян готовили из коровьего молока), печень, свежее мясо (в качестве кровоостанавливающего средства как у славян, так и у казахов).

Первая помощь в родах, по уходу за ребенком, раненым и больным носила как у славян, так и у казахов коллективный характер. И лишь по прошествии сотен лет сосредоточилась в руках отдельных лиц: у славян – знахари, волхвы, кудесники; у казахов – табиты, дазаны, баксы.

Как славянские, так и казахские народные целители видели причину болезни в действии «злых духов», которые находились в окружающей природе (у славян: лешие, водяные, домовые), у казахов злые духи – посланцы гнева аллаха. Согласно этим толкованиям целители как славянского, так казахского этноса применяли как рациональные способы лечения, так и иррациональные: изгнание «злого духа» с исполнением ритуальных действий, музыки, пения и др. В музее есть значительная коллекция репродукций, компьютерных и звуковых записей, воспроизводящих эти действия.

Экспозиция музея истории медицины способствует реализации второй развивающей задачи обучения. Студенты для самостоятельной работы получают темы для докладов и рефератов, при работе над которыми используют архивы и экспозиции музея, а также самостоятельно разыскивают дополнительные источники информации по характеристике принципов, методов, идеологических предпосылок, культурных составляющих народной медицины как в общецивилизационном поле, так и конкретно в этнокультурном пространстве славянского и казахского этноса Урало-Казахстанского региона. Наиболее удачные работы, содержащие инновационные материалы, выводы, презентации обсуждаются на занятиях, докладываются на сессии Студенческого научного общества, сохраняются в архивах музея.

Воспитательная задача преподавания курса истории медицины реализуется через изучение материалов этноконфессиональной славянской и казахской народной медицины в экспозициях и архивах музея, а так же самостоятельной мотивированной деятельности. К студентам приходит понимание, а через него и воспитание толерантного отношения к самобытности, своеобразию, этнической идентификации, традиций и культур разных этносов и наций.

Представленный материал иллюстрирует одно из направлений учебного процесса, реализуемого с привлечением экспозиции музея истории медицины ОрГМУ. Общие приемы целительства универсальность используемых природных ресурсов делает язык народной медицины простым и понятным вне зависимости от национальной принадлежности, что является неоспоримым фактором формирования благоприятных условий межконфессиональной, этнической стабильности в многонациональном регионе.

Народная медицина, этноконфессиональная по своей сущности в ракурсе историографического подхода к изучению на экспозициях музея является, на наш взгляд, адекватным, объективным примером реализации трех важнейших задач учебного процесса обучающей, развивающей и воспитывающей.

Примечание:

1. Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Русский фольклор как источник изучения истории медицины России // Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона. – Оренбург, 2011. – С. 158-160.

2. Зобов Ю.С. Русские на Южном Урале их роль в заселении и развитии края // Оренбуржье в этнополитическом измерении / Сост. В.В. Амелин. – М., 1996. Т.2. – С. 44-59.

3. Народная медицина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/duhov_culture/people_znan/medicina.htm (Дата обращения 14 мая 2015 г.)

Смекалов И. В. (г. Оренбург, Россия)

«НЕОБЫЧАЙНЫЕ АБЗАЦЫ» СЕРГЕЯ КАЛМЫКОВА, ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ЕГО РЕКОНСТРУКЦИЯ

Сергей Калмыков, художник-философ, художник-изобретатель, фантаст, автор многочисленных фолиантов, своих дневников, жизнеописаний, неотправленных писем, посвящений, афоризмов, сарказмов и лирики!

(С. И. Калмыков. Из сочинения «Список моих возможностей». 1927.)

Искусство Сергея Ивановича Калмыкова (1891-1967) в равной степени принадлежит России и Казахстану. Он провёл детство в Оренбурге, отсюда уехал, чтобы учиться живописи в частных студиях Москвы и Санкт-Петербурга. С началом мировой войны (1914) возвратился, проходил здесь воинскую службу. В период власти Временного правительства начал выставляться на городских выставках, создавал своеобразные авангардистские проекты, выступал с лекциями, преподавал. С середины 20-х служил оформителем, декоратором в цирке и театре, кочевал с труппой передвижной оперы по городам Поволжья и Урала. В конце 30-х годов окончательно

поселился в Алма-Ате, оформлял спектакли оперного театра имени Абая. И всю жизнь отстаивал принципы высокого искусства. Слыл юродивым, фанатиком, умер нищим, одиноким стариком.

Судьбу произведений Калмыкова можно назвать счастливой, Стараниями энтузиастов – искусствоведов и архивистов они были обретены вскоре после кончины автора, в его комнате, где мебелью служили связки старых газет. Большая часть живописи и графики ныне находится в Государственном музее изобразительных искусств Казахстана им. А. Кастеева (Алма-Ата), в Оренбургском областном музее изобразительных искусств, в частных коллекциях. Основное собрание рукописей - в Государственном центральном архиве Республики Казахстан.

При поддержке Государственного центрального архива Республики Казахстан, Государственного музея изобразительных искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева и Оренбургского фонда «Евразия» предпринята попытка первой специальной публикации литературного наследия Сергея Калмыкова – его рукописи «Необычайные абзацы». Сочинение создавалось в 1924-1930 годах и посвящено художественной истории Оренбурга в самый бурный и загадочный её период (1910-1930).

В 1924 году молодой оренбургский авангардист решил создать большой роман о себе самом. Он взялся описать события жизни, путешествия, две великие революции, свидетелем которых оказался.

Главной темой сочинения, конечно, должно было стать декларирование задач собственного искусства. Калмыков чувствовал себя лидером среди художников, и даже успел рассориться по этому поводу с супрематистами - последователями Малевича. Однако ни его версии абстрактного геометризма, ни утончённые реалистические произведения, решительно никого не заинтересовали.

Он пытался устроиться в Москве. Уезжал насовсем, увёз вещи, картины, но и в столице не нашёл никакого применения. Остался без денег, подумывал о самоубийстве. Наконец, распродав свою редкую по составу библиотеку, вернулся в Оренбург и начал писать книгу без всяких надежд на её публикацию, исключительно «для себя».

К занятиям литературой Калмыков обращался и раньше. По крайней мере, с 1914 года он, вполне в духе времени, сочинял «афоризмы» - лаконичные миниатюры, содержавшие суждения о самых разных предметах - философии, астрономии, математике.

Другим излюбленным жанром Калмыкова были «письма», адресатами чаще всего были художницы Наталья Грекова, Юлия Оболенская, его петербургские знакомые. Поэтический характер писаний был сразу очевиден автору: «Меня забавляло выдумывать неожиданные комбинации. Я старался подражать Блоку. Но я никогда не писал стихов. Писал прозой. Писал я в крошечной тетрадке, очень толстой. Формат вершка два с половиной на три вершка. Здесь я впервые нашёл форму своих «Абзацев». Строчки печатных букв – заголовки и затем абзац скорописных».

Именно «идея абзацев» - коротких фрагментов особой формы и стала основой замысла нового повествования. Роман мыслился по-авангардистски острым, парадоксальным, в полной мере отражающим своеобразную эстетику автора.

В результате сочинение стало сводом разновременных текстов, где на равных правах присутствуют философские фрагменты, дневники и записи мемуарного характера, бытовые зарисовки, портреты современников. Собственно, в калейдоскопической пестроте, составляющей целое, автор и видел «необычайность» своих «абзацев». Несмотря на преднамеренно пёстрое содержание и характерные, всегда неожиданные стыковки смыслов, здесь явно присутствует композиция, своеобразная ритмика. Многочисленные черновые автографы свидетельствуют о кропотливой работе над большинством фрагментов.

Книги художников – особый жанр. Калмыков тщательно «спроектировал» сложный замысел. Выбор особого способа записи, в данном случае, не только композиционный приём, но и формула стиля... Все «Абзацы», сгруппированные в соответствии с общей идеей, старательно (набело) переписывались и переплетались в виде больших альбомов. Каждый текст, порой включающий только несколько слов, компоновался на отдельном листе и исполнялся простым графитным карандашом специально изобретённым каллиграфическим почерком - лёгким, прерывистым («вибрирующим») штрихом. Таким образом, помимо смысловой нагрузки, страница всегда несла и пластическое содержание, становилась своеобразным рисунком.

«Необычайные абзацы» в целом именно «рисовались», изначально мыслились, «нарисованными». Они вполне могут сопоставляться с абстрактивистскими рисунками-схемами Калмыкова (1920). Мастеру-минималисту одинаково важно всё: композиция «Абзаца», его связь с другими фрагментами, характер шрифта, предельная экономия выразительных средств, где любой элемент – образ.

Помимо самих текстов, каждый альбом снабжался иллюстрациями (фотографиями, рисунками, репродукциями любимых картин автора) и гравированными обложками.

Характерно, что раньше всех заметил и сумел оценить своеобразие и формальную остроту сочинений Калмыкова именно писатель, причём писатель выдающийся – Юрий Домбровский, увековечивший образ Калмыкова в своём романе «Факультет ненужных вещей» и широко цитирующий его тексты. Хотя «Необычайные абзацы» никогда не публиковались полностью, отдельные отрывки из них воспроизводились много раз. Но подчеркнём, это всегда были лишь цитаты, «выкройки» из большого сочинения.

Главное место Калмыков отводит «Абзацам», объединённым темой прогулок по городу. Он описывает свои дальние походы «за дамбу», гулянья в Зауральной роще, высокий берег Урала, бульвар, улицы губернского города. Множество узнаваемых деталей в этих описаниях может «считать» только оренбуржец.

Но художник мечтал совсем не о жанровых зарисовках, ему грезился едва ли не эпос. Вот как он сам говорит об этом своему приятелю и преданному слушателю Клеонику Камбулину: «Воспел же Гомер гнев Ахиллеса, Пелеева сына, в необычайно широком эпическом произведении, почему же мне не воспеть, например, вот эту мою простую прогулку с тобою от моей квартиры до рощи, воспеть так, чтобы это было памятником нашей эпохе! По-моему, можно сделать. Я попытаюсь!»

Автор «Необычайных абзацев» не случайно величал себя «певцом Оренбурга», его книга должна была стать настоящей поэмой о русской провинции и одновременно о всём мироздании, философском четырёхмерном пространстве-времени, сжатом до размеров точки.

Так или иначе, но «Необычайные абзацы» - один из самых ранних образцов автобиографической литературы русского авангарда. Понятно, что Калмыков никогда не готовил книгу для печати, и демонстрировал её лишь некоторым знакомым, мнение которых, впрочем, было ему вполне безразлично. Остро нуждаясь в успехе, он не мог рассчитывать на успех.

Со временем рукописи были разобщены, порядок листов перепутан, некоторые альбомы просто рассыпались. Поэтому, при публикации потребовалось определить полный состав, последовательность и границы отдельных текстов, логику авторской «режиссуры».

Рукопись делится на несколько частей. Порядковый номер тома указан в начале каждого альбома. «Первая серия рукописей» открывается важнейшим для Калмыкова фрагментом о «точках-линиях», обосновывающим его главное авангардистское изобретение - абстрактные рисунки-схемы многомерного пространства-времени. В «Необычайных абзацах» он называет этот вариант «Ритмы (Евангелие современного живописца)». Не менее принципиален и следующий мотив («Предохранительные безделушки»), предостерегающий от забвения традиций искусства прошлого.

Здесь же помещены несколько афоризмов. «Страницы для романа», «Относительные абзацы» - фрагменты, посвящённые прогулкам по городу. Показательно, что Калмыков уже в первой части рукописи описывает не только современные события, но и прошлое.

В качестве приложения Калмыков представил свою пьесу «Капричос» (1914-1927) – сценарий кукольного спектакля, объединяющего многие сюжеты «Абзацев».

Следующий массив текстов («Вторую серию рукописей») составляют мемуары, которые, несомненно, принадлежат общему замыслу и последовательно рассказывают о периоде, ограниченном 1910 – 1927 годами. Каждый том мемуаров тоже озаглавлен «Необычайными абзацами» и пронумерован. Мемуары «вклиниваются» в большой текст и заметно отличаются от других частей по стилю, однако, это соответствует замыслу автора, стремящегося «к полноте охвата» исторического материала.

К сожалению, не удалось обнаружить той части «Абзацев», которая была посвящена описанию детства автора и учёбы в Москве. Но автобиографические

записи «После Москвы», «Петербург» «На даче и в городе после Петербурга» (1911-1914) выглядят весьма целостно.

Калмыков говорит о жизни в Илецкой защите, о переезде в Петербург, о встречах с Кузьмой Петровым-Водкиным и Мстиславом Добужинским, о товарищах по учёбе.

Целый том, посвящён службе Калмыкова в царской армии (1916-1917), Служба проходила в Оренбурге. Жизнь офицерства и солдат-сослуживцев представлена на удивление жёстко. Подробно описан тыловой Оренбург, переполненный войсками и солдатскими «учебными», готовившими маршевые роты для окопов. Фон записей - мировая война и революционные митинги. Впрочем, и здесь главное - портрет города, городские пейзажи, Михайловские казармы, Николаевская улица, Соборная площадь и сам кафедральный собор, Топольный парк, мельницы, городские окраины. Рядом - лирические отступления об искусстве - и своём собственном, и современников в России и Европе.

В конце тома «Солдатская служба» Калмыков пишет «Летом 1917 года впервые познакомился с некоторыми оренбургскими художниками. Образовалось Оренбургское общество любителей художеств, о всех деталях десятилетнего периода моей жизни, о всех перипетиях этого общества, о художественной работе в окружении оренбургских подробностей надеюсь написать когда-нибудь потом - так же подробно, как и о военной службе. Описание этой жизни составит, я полагаю, новую серию рукописей...».

Две следующие части «Необычайных абзацев» (Третья и четвёртая серии рукописей) действительно посвящены, прежде всего, живописцам, и друзьям Калмыкова, и его недругам. Структурной основой повествования становятся теперь «Неотправленные письма», адресованные художникам Ольге Шпилько и Кузьме Николаеву и развёрнутые авторские комментарии к письмам. Вполне возможно, что ряд разрозненных фрагментов дневникового характера тоже составляет часть этого замысла. По сути, третья и четвёртая части стали отдельными, совершенно самостоятельными произведениями.

Поэма «Летний вечер» является центральным мотивом завершающих «Абзацев». Как обычно автор не ограничивается зарисовками современной действительности, описывая свои «сны о прошлом».

В 1919-1922 годах - главный адрес для Калмыкова – переулок Успенский, 14. Здесь размещались авангардистские Государственные свободные мастерские, здесь был организован филиал группы «Уновис» (Утвердители нового искусства). Герои «Летнего вечера» – это, помимо самого Калмыкова, классицист Степан Карпов и «командированные» Наркомпросом авангардисты-инструкторы Свободных мастерских Сергей Богданов, Александра Петрова, подмастерье Николай Лапин.

О периоде 1926-1929 годов рассказывают страницы, посвящённые филиалу АХРР (Ассоциация художников революционных республик) - Кузьме Николаеву и Ольге Шпилько, Владимиру Ледяеву, Николаю Кудашеву, Болеславу Ольшевскому, их «свердловской мастерской» (клубу имени Свердлова на улице Советской).

Калмыков жесток в оценках искусства окружающих, он - самый внимательный, заинтересованный участник происходящего. Лишь из «Необычайных абзацев» мы узнаём об оренбургских страницах творчества известных мастеров Николая Шалимова, Василия Хвостенко и забытых Зенона Сучко, или Фёдора Лихолетова. Лишь благодаря «Абзацам» сохранены маленькие рассказы рано умершего оренбургского художника Ивана Добровольского.

Работа над расшифровкой и комментариями рукописи Калмыкова ведётся уже несколько лет и была бы невозможна без участия многих специалистов России и Казахстана – искусствоведов, краеведов, архивистов. Наше сотрудничество – залог успеха этого начинания.

Бушухина И. В., Харциенко Н. Н. (г. Оренбург, Россия)

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК – СИМВОЛ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Традиции культурного взаимообогащения народов России и Казахстана уходят вглубь веков. Культура двух народов, тесно переплетенных историческими нитями, пронизывающими повседневную жизнь и быт во все времена была тем связующим звеном, которое обеспечивало и сохраняло живое общение между нашими странами. Оренбургский областной музей изобразительных искусств вносит свой вклад в упрочение этих связей и уже многие годы тесно сотрудничает с Актюбинским областным историко-краеведческим музеем, показывая в Казахстане оренбургские пуховые платки - истинное сокровище народного искусства. Оренбуржье – сердце Евразии. Платок - символ Оренбургской области, объединяющий все народы, живущие на нашей территории, и в тоже время тесно связывающий Европу и Азию.

Организация выставки «Оренбургский пуховый платок» в Актюбинском историко-краеведческом музее в 1997 году ознаменовала начало нового этапа в развитии добрососедских отношений с Казахстаном. Выставка в первую очередь была призвана ознакомить широкие слои казахской общественности с произведениями народного искусства Оренбуржья, продемонстрировать достижения народных мастеров и показать образцы пуховязания самого высокого достоинства.

Первая выставка открылась в 1997 году к Международному женскому дню 8 марта. Предложение об её организации высказали казахские коллеги, сотрудники Оренбургского музея его поддержали. Мы даже не предполагали, что «оренбургский платок» станет гарантом добрых отношений двух музеев и выставки примут ежегодный традиционный характер.

Для Оренбургского музея изобразительных искусств тема пуховязального промысла в это время была уже активно заявлена для выставочной деятельности. В 1990 году прошла Первая конференция, посвященная проблемам промысла. В Челябинске, Екатеринбурге, Киеве, Казани, Кирове

были проведены выставки пуховых платков, которые получили восторженные отзывы зрителей и специалистов, то есть музей активно начал заниматься демонстрацией изделий народных мастеров. Первые выставки и произведённые ими впечатления вполне удовлетворяли организаторов и вдохновляли на подготовку следующих экспозиций. Опыт, накопленный в проведении самых первых выставок, сказался в дальнейшем в некотором упорядочении подбора экспонатов и предложениях экспонирования самого платка. Масштабы выставок с годами всё увеличивались и внесли большой вклад в популяризацию народного искусства Южного Урала как в России так и за рубежом.

Необходимо отметить ряд предпосылок, на которые ориентировались сотрудники при организации выставок в Казахстане.

В Государственном Архиве Оренбургской области в фонде Оренбургского генерал-губернатора хранится письмо 1861 года, в котором от имени «некоторых султан» излагалась просьба направить во «Внутреннюю киргизскую Орду» мастериц-пуховниц с Оренбургской линии (в оренбургских степях киргизами называли казахов). В письме указывалось, что две казачьи станицы Красногорской уже изъявили желание поехать в Орду на несколько лет, чтобы «передать нам искусство свое», научить добывать и обрабатывать козий пух и вязать из него перчатки и чулки, но «в особенности платки»¹. Таким образом имеются основания считать, что казахские женщины не владели секретами вязания – их учителями были русские вязальщицы.

Нежные, ажурные, легкие пуховые платки восхищали и поражали всех невероятным мастерством и в 19 веке. Связанные руками оренбургских вязальщиц изделия, украшают и согревают женщин разных возрастов и национальностей, религиозной принадлежности и вкусов. Примеров этой любви к пуховым платкам в нашей истории огромное множество.

Интересное замечание, характеризующее особое внимание казахской женщины к белому пуховому платку может быть связано с особенностями национального костюма.

Казахский женский народный костюм состоит из шёлкового длинного платья, поверх которого надевали приталенный бархатный камзол, украшенный вышивкой. Головные уборы женщин отличались в зависимости от семейного положения и возраста. Молодым девушкам и невестам положено было носить саукеле – остроконечный головной убор, украшенный орнаментом и перышками. После окончания свадебных торжеств молодая женщина носила **жаулык** – головной убор, складываемый из квадрата белой хлопчатобумажной ткани, покрывающий волосы, плечи и спину. Белый цвет символизировал чистоту и был обязательным для головных уборов. Замужние и женщины преклонного возраста носили кимешек – белый платок или накидку.

Как видим, белый цвет доминировал в головных уборах казахских женщин и белый оренбургский платок вполне отвечал эстетике национального костюма: он был большого размера, хорошо драпировался, сохранял тепло и, конечно же, был очень красив – все эти характеристики делали его желанным у

наших соседей. Он всегда был частью товарооборота между пограничными областями.

Первые же выставки в Актюбинске выделили ещё одно изделие, к которому казахские женщины относились с особой симпатией - это жилеты, выполненные на основе ажурного белого платка. Они соотносились с традиционной одеждой, истинным состоянием народного творчества и были очень популярны у зрителей.

Очень важным мероприятием было приглашение на выставку самих мастериц и демонстрация производственных процессов прядения и вязания. «Выставка платков потомственных вязальщиц из семьи Шафиковых» в 2010 году запомнилась именно мастер-классом, организованным членом СХ РФ Римой Шафиковой (Якуповой). Мастерница ответила на все вопросы, связанные с изготовлением знаменитых платков, рассказала о своей работе и о своей жизни.

Выставки с каждым разом приобретали всё большее разнообразие, несмотря на конкретный экспонат, и никогда не повторяли одна другую. Мы всегда стремились показать произведения народного искусства во всей их красоте и самобытности. Как результат успешной выставочной деятельности в 2009 г. Оренбургскому музею изобразительных искусств поступило предложение об организации выставки в залах Президентского центра культуры г. Астана. Музей отобрал для показа в столице Казахстана лучшие экспонаты знаменитой коллекции.

Экспозиция развернулась в круговой галерее Центра и демонстрировала искусство степных вязальщиц, покорившее сердца зрителей во всём мире. Выставка имела огромный успех.

Сегодня, в 2015 году, в Казахстане прошла 18-ая выставка «Оренбургский пуховый платок», которую мы и казахские коллеги считаем традиционной. Отношение к ней демонстрируют некоторые факты отчёта об открытии новой экспозиции.

На торжественной церемонии открытия выставки начальник областного управления культуры Н.С. Табылдинова рассказала о сотрудничестве наших областей, о важности подобных мероприятий, выразила благодарность сотрудникам музея изобразительных искусств. С приветственным словом к собравшимся обратились директор городского управления развития языков А.М. Кулбатыр и председатель Актюбинского областного профсоюза работников культуры В.А. Кореньков. На церемонии открытия присутствовали представители областных, городских акиматов, предприятий и организаций города, студенты и школьники, гости и жители города. Всем запомнилось выступление студентов музыкального колледжа и дефиле участниц группы «Санвиль», украсивших свои вечерние наряды оренбургскими платками. Мероприятие транслировалось по каналам Республиканского телевидения – «Хабар», «24KZ», «Астана» и местного – «Рика ТВ», «Актобе - Казахстан», прошли передачи на радио «Тандем», «Казак-радио».

Выставка работала один месяц. За это время сотрудниками Актюбинского историко-краеведческого музея было проведено 104 экскурсии.

Оренбург стоит на границе Европы и Азии, на пересечении древних торговых путей. Именно здесь зарождались традиции экономического диалога Европы и Азии, здесь пролегал Великий Шелковый путь. На нашей земле без малого три столетия живут в мире и согласии более 120 национальностей. Оренбургский пуховый платок самый устойчивый территориальный символ, через восприятие которого оренбуржцы осознавали и осознают свое единство и принадлежность к определенной исторической традиции. Жители других российских регионов в первую очередь ассоциируют Оренбургскую область с пуховым платком. Именно платок объединяет и связывает всех земляков и щедро делится своим теплом и красотой с соседями.

Примечания

1. ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д. 7691. Л.1.

Лубенец А. М. (г. Бузулук, Россия)

ТВОРЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ И БУЗУЛУКСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В СОХРАНЕНИИ НАСЛЕДИЯ КРАЯ

Оренбургский край в целом, и город Бузулук и Бузулукский район, как его часть, «замешаны» на великом смешении народов, образов жизни, традиций, языков и культур. Со времён Оренбургской (Известной) экспедиции (XVIII век), открывшей период мирного освоения края, переселенцы из центральных губерний России, мечтавшие крестьянствовать на собственном поле, встретились здесь с народами, ведущими кочевой и полукочевой образ жизни. Рядом стали жить не только русские и башкиры. В оренбургских степях появились поселения, в которых наряду с привычной глазу русской избой стояла украинская хата, кибитка или юрта кочевника. Поиски лучшей доли привели сюда чувашей, мордву, татар. В Бузулукском районе имелись поселения населённые как представителями одного народа: чувашские - Каменная Сарма, Верхняя Вязовка, Сидоркино, мордовские – Старая и Новая Тёпловка, так и смешанные. Последнее способствовало взаимопроникновению культур, национальному многообразию территории.

Национальное многообразие сохранилось до настоящего времени (XXI век).

По данным Всероссийской переписи населения, проведённой по состоянию на 9 октября 2002 года, численность постоянного населения города Бузулука составила 87,3 тыс. человек около ста национальностей и этнических групп. Разнообразие национальностей и этнических групп, в некоторой мере, отражено в приведённой ниже таблице.

	2002 г.
Всё население/ из них	87286
русские	79211
украинцы	1475
мордва	1353
татары	1923
чуваши	578
армяне	491
казахи	328
белоруссы	278
башкиры	217
немцы	139
евреи	49
грузины	38
корейцы	23
молдаване	43
марийцы	26
литовцы	11
осетины	22
поляки	21
табасаранцы	13
таджики	73
турки	13
удмурты	23
цыгане	97
чеченцы	17
румыны	4
гагаузы	3
венгры	2
болгары	11
карелы	4
калмыки	5

На территории Бузулукского района на момент Всероссийской переписи 2002 года зафиксировано 33 113 человек 46 национальностей и этнических групп.

В городе созданы и успешно функционируют национально-культурные автономии и общины:

- Мордовская национально-культурная организация;
- Чувашская национально-культурная автономия;
- Бузулукская общественная организация «Еврейская община»;

- «Армянская община НИГ»;
- «Узбекская национально-культурная организация «Соотечественники»;

Имеются и другие землячества и общины, ведущие активную социально-культурную деятельность, но юридически не завершившие регистрацию в качестве автономий или национально-культурных центров.

Многообразие национальных культур города и района нашло свое отражение в экспозициях Бузулукского краеведческого музея. В музее часто проводятся выставки, дни национальных культур.

Сотрудники Бузулукского краеведческого музея активно сотрудничают с национально-культурными центрами с целью изучения, сохранения и популяризации имеющегося наследия. В апреле 2013 года совместно с представителями чувашской национально-культурной автономии участвовали в областном празднике чувашской культуры, посвящённого 165 - летию со дня рождения выдающегося гуманиста и просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева.

В музее была организована этнографическая выставка, отражающая обрядовый календарь чувашей, бытовые обычаи, народные промыслы, национальную кухню и костюм. Звучали в музее чувашские песни. В дореволюционное время чувашаи не имели своей сколько-нибудь фиксированной, очерченной какими-либо границами своей территории, т.е. официально признанной отдельной административной единицы под названием «Чувашия». Основная масса чувашского населения проживала на территории четырёх губерний: Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской. Диаспорные группы чувашей испытывали сильное этнокультурное влияние окружающих народов. Оставаясь, по сути, единым народом, чувашаи подразделяются на 3 этнические группы: вирьял (верховые), анатри (низовые) и анат-енчи (средненизовые), откуда и некоторые самобытные особенности в одежде, обрядах и диалектные – в языке. Оренбургские и бузулукские чувашаи относятся к анатри. В многонациональном «голосе» города Бузулука и района чувашский «акцент» один из самых заметных, представители этой народности – пятая по численности группа населения.

Другой представительной национальной группой, с которой плодотворно сотрудничает бузулукский краеведческий музей, является мордва. Мордовские переселенцы, так же как и русские, в числе первых осваивали Заволжские края и степи нынешнего Оренбуржья. В Бузулукском уезде селились обе «ветви» мордовского народа: эрзя и мокша. Говорят эрзя и мокша на близкородственных, но разных языках финно-угорской группы. Внешне они несколько отличаются друг от друга. Эрзя больше схожи со славянами: высокорослы, русоволосы и голубоглазы. Мокша кареглазы, широкоскулы, приземисты. В Мордовии существует легенда о реке, служившей естественным водоразделом между двумя «ветвями» одного народа. Мокша жили на берегу, который в XIII веке захватили татаро-монголы, а эрзя остались на другом берегу реки, которую захватчики не преодолели. Мордва - народ трудолюбивый и талантливый: хорошие земледельцы, охотники, рыболовы. В

Бузулукском уезде мордовские крестьяне занимались выделкой растительного волокна, шерсти, овчин, изготовлением расписных кушаков, охотно раскупаемых на ярмарках. Женщины известны своим непревзойдённым мастерством в вышивке, без которого немислима мордовская одежда.

В 2012 году, объявленном годом истории, наряду со значимыми юбилейными датами российской истории – 770-летием разгрома немецких рыцарей на Чудском озере, 400-летием изгнания польско-литовских интервентов, 200-летием победы в Отечественной войне 1812 года, отмечалась не менее значимая дата - 1000-летие единения Мордовии с народами многонационального Российского государства. В бузулукском краеведческом музее была организована выставка «Древности мордовского народа». Экспонаты для выставки были предоставлены руководителем мордовской национальной организации Бузулука, предпринимателем Александром Ивановичем Сарайкиным. Коллекцию по археологии и этнографии мордвы-эрзя А. И. Сарайкин собирал в течение пяти лет и, когда накопилось более 200 предметов передал ее в дар Бузулукскому краеведческому музею. В коллекции представлены национальные женские украшения, предметы быта, культуры, образцы холодного оружия.

Часть коллекции (предметы археологии IX-XII вв.) была выставлена в Международный день музеев в конце мая. Выставка вызвала большой интерес посетителей и представителей прессы. Полностью коллекция «Древности мордовского народа» была представлена на День города. На выставке экспонировались предметы археологии и этнографии, дополненные экспонатами Бузулукского и Бугурусланского краеведческих музеев. На праздник, посвященный 1000-летию единения русского и мордовского народов, были приглашены учащиеся и учителя из Старо-Тепловской и Ново-Тепловской школ, народный ансамбль «Наряд» (в переводе с мордовского языка означает «бусинка») из села Шахматовка. В музее состоялся концерт, на котором

звучали мордовские и русские народные песни в исполнении народного коллектива.

Интерес населения к культуре народов, живущих на территории муниципального образования города Бузулук, растёт. Во время проведения ежегодных празднований «Дня города» большое количество людей с интересом посещает воссозданные стараниями представителей национально-культурных автономий, общин и землячеств «национальные подворья».

Здесь можно услышать народные песни, увидеть нарядные национальные костюмы, отведать блюда традиционной национальной кухни. Всё это сближает представителей разных национальностей и этнических групп, работает на взаимопонимание и единение народов. Своей деятельностью краеведческий музей способствует укреплению социальной сплочённости общества. Общий удачный опыт проведения совместных акций, мероприятий музея и национальных автономий используется при проведении международного праздника «День музеев», «Ночь искусств» и других общественно значимых акций. Краеведческий музей Бузулука это достойный и доступный оплот культурной жизни территории муниципалитета, двери которого открыты для взаимодействия с национальными культурными центрами и работа в этом направлении является приоритетной для сотрудников учреждения.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА»
посвящённый Дню славянской письменности и культуры
и 20-летию Ассамблеи народа Казахстана
(г. Актобе, 23 мая 2015 г.)

Денисов Д. Н. (г. Оренбург, Россия)

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩИНА
АКТЮБИНСКА (АКТОБЕ) В 1869–1937 ГГ.

Нынешний город Актобе был основан в 1869 г. как военное укрепление в казахской степи. Соответственно, его первоначальное население составляли военнослужащие, переведённые с Оренбургской пограничной линии, преимущественно православного вероисповедания. Для удовлетворения их религиозных нужд, исполнения христианского долга исповеди и причастия, венчания браков, крещения новорожденных и отпевания умерших с 1869 г. по соглашению военных и духовных властей в Актюбинское укрепление стал ежегодно командироваться о. **Василий Зверев**, священник расположенной в 155 верстах ближайшей православной церкви в пос. Григорьевском (ныне Соль-Илецкого района Оренбургской области)¹. Сейчас он граничит с Хобдинским районом современной Актюбинской области Республики Казахстан. Однако по недавнему заведению военного форпоста, отсутствию в нём храма и необходимой богослужебной утвари священник был вынужден проводить молебны на открытом воздухе, не мог совершать литургию как важнейшее христианское богослужение без освящённого алтаря, а причащал верующих привезёнными с собой Святыми Дарами, которых не хватало на всех желающих. Для решения этой проблемы по представлению властей Оренбургской епархии в 1871 г. император Александр II высочайше разрешил произвести сбор денежных средств по всей Российской империи на постройку православного храма в Актюбинском укреплении. Но поскольку это потребовало значительной суммы, процедура сбора добровольных пожертвований затянулась².

Поэтому поначалу в Актюбинске был открыт временный храм во имя св. благоверного князя Александра Невского в 1877 г., когда местному гарнизону подарили походную церковь со всеми принадлежностями оренбургские казаки, возвращавшиеся на родину из Хивинского похода. Под молитвенное помещение была отведена свободная половина местной казармы. А 23 марта 1877 г. к этой походной церкви был переведён священник **Василий Фёдорович Бирюков**, который до этого на протяжении 15 лет служил пастырем в другом, Темирском военном укреплении (ныне город Темирского района Актюбинской области). 26 июня 1877 г. он совершил в Актюбинске первую литургию по

православному обряду³. В помощь ему были определены унтер-офицер Тит Константинович Карпов в качестве псаломщика для церковного пения и чтения, а также девица Анастасия Ивановна Зверева для выпечки просфор – богослужебного хлеба, употребляемого при таинстве евхаристии (причастия).

Между тем, к 1879 г. на возведение в Актюбинске постоянного, капитального храма было собрано уже 19 тыс. руб. Это позволило 8 сентября 1880 г. заложить, а 30 августа 1882 г. освятить в городе законченную постройкой каменную церковь с такой же колокольней во имя св. благоверного князя Александра Невского.

*Александро-Невская церковь
г. Актюбинска*

Положив много сил на начальную организацию православной общины Актюбинска, её первый священник Василий Бирюков скончался 17 июня 1884 г.⁴. Достойного преемника ему долго не могли подобрать. Поэтому в 1884–1887 гг. верующих обслуживали наездами командированные пастыри: сначала иеромонах Оренбургского Богодуховского монастыря **Феофан** (в миру **Фёдор Игнатьев**), а затем священник **Даниил Райский**⁵. Наконец, 14 сентября 1887 г. новым иереем к Александро-Невской церкви был рукоположен зять её первого

настоятеля, заведующий Актюбинским 2-классным русско-казахским училищем **Арсений Андреевич Мозохин**.

С продвижением Российской империи в Среднюю Азию и переносом её границы на реку Сыр-Дарью Актюбинск постепенно утратил своё военное значение и стал развиваться как городское поселение. Численность его жителей постепенно росла за счёт оседания ремесленников и торговцев, земледельческого освоения ближайшей округи переселенцами из центральных губерний страны, среди которых, кстати, преобладали украинцы. Если в 1880 г. православная община Актюбинска насчитывала всего 527 человек, то в 1890 г. – 2287, в 1900 г. – 2741, а в 1910 г. – уже 4404 прихожанина. Увеличение паствы потребовало расширения как самого городского храма, так и состоящего при нём штата священно- и церковнослужителей.

27 марта 1894 г. к Александро-Невской церкви был рукоположен в сан диакона её псаломщик **Тит Константинович Карпов**. В 1896 г. за счёт городского бюджета была учреждена вакансия 2-го священника, на которую 7 марта определён крещёный татарин **Александр Петрович Исаков**⁶. Но в 1899 г. он был переведён в г. Иргиз, а его место 25 июля занял **Лев Степанович Емельянов**⁷.

21 июля 1896 г. был заложен правый придел к Актюбинской церкви и 26 ноября 1897 г. освящён во имя Покрова Пресвятой Богородицы. 14 сентября

1901 г. начат и 9 декабря 1902 г. торжественно открыт левый придел во имя святителя Николая Чудотворца. Кроме того, церковь имела 2 приписанных к ней часовни: на Базарной площади Актюбинска и на ярмарке в 2 верстах от города.

В 1907 г. Святейший Синод ввёл при местном храме штатные единицы 3-го священника и 2-го псаломщика, а в 1908 г. – 4-го священника и 3-го псаломщика. Но замещены эти вакансии были не сразу. 18 ноября 1907 г. на пост 3-го священника в Актюбинск был переведён из Кустаная **Николай Иванович Мордвов**. 2 сентября 1908 г. на место 2-го псаломщика был принят **Григорий Яковлевич Власов**⁸. 1-го псаломщика 20 января 1911 г. сменил диакон **Дмитрий Фёдорович Бежецкий**, 2-го псаломщика 14 мая 1913 г. – диакон **Иоанн Андреевич Болдырев**, а 3-го священника в 1914 г. – иерей **Иоанн Михайлович Анциферов**⁹. Правда, уже 26 мая 1915 г. его преемником стал священник **Виктор Филиппович Сагайдак**. Наконец, последняя 4-я вакансия иерея была занята лишь 17 октября 1915 г. **Симеоном Георгиевичем Беляевым**¹⁰.

В начале XX в. один из местных священников отмечал, что «жители г. Актюбинска религиозны, усердно в праздники посещают храм Божий, ставят свечи, молятся о здравии живых и упокоении умерших»¹¹. Прихожане охотно жертвовали деньги на содержание своей церкви. Например, в 1882 г. вдова коллежского асессора Мария Евфимовна Журавицкая оставила по завещанию её причту 200 руб., вложенные в ценные бумаги под 6,5 % годовых. В 1907 г. актюбинский мещанин Пётр Ткачёв пожертвовал на иконостас 200 руб., а другие верующие собрали ещё 1200 руб. на украшение храма¹². Если в 1880 г. доходы Александро-Невской церкви г. Актюбинска составляли всего 675 руб. 99 коп., то в 1910 г. – уже 4078 руб. 28 коп., в том числе: от продажи свечей – 3565 руб. 10 коп., кружечных и кошелевых сборов – 166 руб. 98 коп., пожертвований – 71 руб. 40 коп., различных мелочных поступлений – 274 руб. 80 коп. Заботы по управлению финансово-хозяйственными делами прихода, сбору и расходованию средств на содержание и ремонт храма, его уборку, освещение, отопление, пополнение ризницы и богослужебной утвари, украшение лежали на церковном старосте, который избирался прихожанами из своей среды. Эту должность занимали: с 1877 г. – временно актюбинский купец 2-й гильдии Лазарь Яковлевич Саморуков, с 1893 г. – актюбинский мещанин Василий Иванович Степаненко, с 1905 г. – актюбинский мещанин Аким Кириллович Круцких и с 1912 г. – актюбинский мещанин Василий Иванович Подковыров. В помощь старосте 10 ноября 1891 г. было учреждено церковное попечительство во имя св. благоверного князя Александра Невского¹³.

Помимо духовного окормления верующих, Православная Церковь в г. Актюбинске с самого начала организации прихода активно занималась образовательной и культурно-просветительской деятельностью.

Так, уже в 1879 г. при местном Александро-Невском храме была открыта церковная библиотека. Если в 1880 г. её фонды включали всего 30 книг, то в 1890 г. – 150 изданий, а в 1910 г. – 673 тома.

27 января 1892 г. при храме начали работу мужская церковно-приходская школа, в 1897 г. – 1-я смешанная, а затем и 2-я. В них приходские священнослужители Александро-Невской церкви Актюбинска обучали детей Закону Божьему, чтению, письму и арифметике. К 1915 г. в 3 церковно-приходских школах города занимались уже 166 воспитанников (123 мальчика и 43 девочки)¹⁴.

Наконец, Православная Церковь в казахской степи также активно занималась и миссионерской деятельностью с целью обращения в христианство местных мусульман. Для этого в 1898 г. Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества учредил Актюбинский миссионерский стан¹⁵. Его сотрудники ежегодно разъезжали по окрестным аулам, где вели проповеди и беседы, устраивали диспуты с муллами, читали специально переведённые на казахский язык Евангелие, священную историю Ветхого и Нового заветов, Книгу премудрости Иисуса сына Сирахова, житие св. Евстафия Плакиды и другие произведения религиозно-нравственной тематики. Кроме того, 5 ноября 1898 г. при стане была открыта миссионерская школа, где казахские мальчики обучались совместно с русскими для приобщения к их языку, культуре и православной вере. Первоначально школа с интернатом располагалась в наёмном доме Никульшиной. Но осенью 1899 г. для неё была начата постройка в городе Актюбинске специального здания школы-церкви, в которой 26 ноября 1900 г. начались учебные занятия. Она включала большую светлую классную комнату на 75 учеников, столовую на 25 человек, кухню со всем инвентарём для приготовления пищи, общую спальню и квартиру учителя. На восточной стороне учебной аудитории располагался алтарь, отделённый от класса раздвижной перегородкой до самого потолка¹⁶. 14 февраля 1902 г. здесь была освящена вторая в городе Актюбинске каменная церковь с деревянной колокольной над ней во имя св. равноапостольного князя Владимира. Преподавание в школе-церкви велось по программе одноклассной церковно-приходской школы, но не 3, а 4 года, поскольку казахские мальчики при поступлении совсем не владели русским языком, и им требовалось время для адаптации к российской системе образования. Если к 1900 г. в Актюбинской миссионерской школе обучались 29 мальчиков (10 казахов и 19 русских), то в 1905 г. – уже 84 человека (14 казахов и 70 русских)¹⁷. Заведующими школой-церковью состояли священники: с 1898 г. – **Арсений Мазохин**, с 1905 г. – **Павел Донсков**, с 1911 г. – **Павел Матвеев** и с 1912 г. – **Симеон Егоров**. В 1914 г. к ней был впервые определён церковный староста, которым стал актюбинский мещанин, владелец мельницы Павел Пестов.

Владимирская школа-церковь г. Актюбинска.

Таким образом, ко времени революции 1917 г. Русская Православная Церковь построила в Актюбинске развитую инфраструктуру, играя важную роль в духовной и культурной жизни города. Она имела здесь 2 церкви и 2 часовни, библиотеку, миссионерский стан, 3 церковно-приходских и 1 миссионерскую школы.

Но после прихода к власти партии большевиков в соответствии с их материалистическими, атеистическими установками все религиозные институты в городе были постепенно ликвидированы. Последний настоятель Александро-Невского собора **Гавриил Хрисанфович Ольховик** 4 ноября 1937 г. был арестован и приговорён тройкой УНКВД по Актюбинской области к 10 годам лагерей. А саму церковь снесли. Под давлением репрессий религиозная жизнь православных актюбинцев перешла из публичной, общественной сферы в частную, семейную, где втайне продолжали исповедовать веру и придерживаться традиционных обрядов.

Примечания:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 10. Д. 8343.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8305/1.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 972. Л. 41.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1365. Л. 65 об. – 67 об.
5. ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 11055. Л. 20 об. – 22; Оп. 9. Д. 1194. Л. 1–4 об.
6. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1516. Л. 382 об. – 383 об.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1533. Л. 389 об. – 390.

8. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1636. Л. 869 об. – 872 об.
9. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1823. Л. 8 об. – 11 об.
10. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1876. Л. 7 об. – 9 об.
11. Емельянов Л., свящ. Город Актюбинск Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1902. – 15 февраля. – № 4. – С. 157
12. Сведения по епархии // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1907. – 17 мая. – № 19–20. – С. 144.
13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1533. Л. 388 об.
14. ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1876. Л. 1–12.
15. Отчёт о деятельности Оренбургского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1898 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 июля. – № 13. – С. 91–93.
16. Отчёт о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1900 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – 15 августа. – № 16. – С. 247.
17. Отчёт о деятельности Оренбургского епархиального Комитета Православного миссионерского общества за 1905 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 октября. – № 20. – С. 415.

Попова В. И.

СЛОВОЛЮБИЕ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ САМОБЫТНЫХ КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Современная ситуация развития российского общества характеризуется расширением экономических, политических и культурных контактов. В этих условиях проблема взаимодействия самобытных культур и национальных языков остается актуальной.

Логика и тенденции современного воспитания связаны с понятиями: свобода и ответственность в глобальной информационно-ресурсной цивилизации; познание мира и самопознание на нравственных началах; взаимовлияние и взаимообогащение языков и культур. Отсюда поле прогноза воспитания в многонациональном социуме состоит в решении следующих проблем: в чем смысл жизни; каковы пути формирования юной души; как достичь просветления ума, чувства и сердца в современных условиях глобализации и информатизации.

Нравственное становление молодого поколения означает приближение к истинному пониманию таких категорий, как «совесть», «честь», «добро и зло», «истина, правда и ложь», «надежда», «вера», которые являются показателем культуры растущего человека. В этой связи приоритетными смыслами деятельности педагога и родителей становятся единение и согласие, осознание исторического долга, преемственности поколений. Следует исходить из того, что определение личностных смыслов означает понимание человеком содержания и направленности жизни, своего места в мире и предназначения.

Возникает необходимость ответственного отношения к слову как ценности и средству взаимодействия педагога и ребенка, родителя и ребенка. При этом словолюбие – любовь к слову – необходимо воспитывать, так как первостепенной задачей воспитания становится одухотворенное осмысление речи говорящего и слушающего. Задача педагога и родителей состоит в том, чтобы способствовать пониманию Другого, пониманию себя, пониманию окружающего мира.

Ответственность за воспитание детей и молодежи должна рассматриваться как моральная (соотнесенная с общественными нормами поведения); нравственная (сопряженная с поведением на основе моральных норм); духовная (ориентированная на духовные традиции народов).

Поиск смысла вещей и явлений жизни становится центральной проблемой современности, при этом человек должен оцениваться с точки зрения его уникальности и неповторимости, направленности на восприятие и понимание речи участников общения и реакцией на нее. Так слово *род* – это ключ к историческим глубинам души человека, это средоточие любви, добра и красоты. *Народ* – это высочайшее проявление рода и слияния судеб, рожденных под одной крышей Отчизны; *родимый* – дорогой; *Родина* – родимый сердцу край; *родник* – ручей из недр матери-земли.

Так рождаются ситуации – совокупность условий и обстоятельств, специально задаваемых педагогом или возникающих спонтанно при осмыслении того или иного явления. Важно учитывать культуруносную (кумулятивную) функцию языка и осознание ценностей воспитания словом: Человек Цивилизации, Отечество, Мир, Традиции, Новации, значимый для меня Другой (школьник, учитель, родители и другие окружающие).

Отличительным признаком человеческого в человеке является духовность – способность стремиться к добру и красоте, в том числе красоте слова в условиях взаимодействия. Полезно учитывать собеседника (воспитанника), который может быть напористым, жестким, умеющим принимать решения и брать на себя ответственность (доминантный собеседник). С таким собеседником целесообразно держаться спокойно, не провоцировать на агрессию, но свою точку зрения высказывать твердо и решительно. Недоминантного собеседника (деликатного, уступчивого, теряющегося) следует поддерживать и заинтересованно выслушивать. Мобильного собеседника (подвижного, перескакивающего с одной темы на другую, экспрессивного) необходимо тактично останавливать, возвращать к теме разговора. С экстравертом (общительным, активным) общаться легко, с интровертом (неразговорчивым) надо быть терпеливым и вдумчивым слушателем.

В педагогической практике встречаются различные виды словесного воздействия: с положительной доминантой (просьба, совет, разъяснение, предложение), с отрицательной, доходящей до явной агрессии (оскорбление, публичное унижение, шантаж). Необходимо совершенствовать нравственную культуру педагогического общения особенно в условиях многонационального социума. Следует говорить о коммуникативной толерантности – отношении

личности к Другому, показывающем степень переносимости иного рода взглядов, нравов, привычек, поступков.

Рекомендуемыми позициями для педагога и родителей являются позиция информатора (целенаправленное предъявление инструктивной или директивной информации); позиция комментатора (сообщение дополнительных сведений по известной проблеме); позиция собеседника (учет интересов аудитории и возможность высказать свое мнение); позиция советчика (умение расставить акценты на главном); позиция эмоционального лидера (умение поддержать интерес аудитории). Не рекомендуемые позиции – это позиция категоричного наставника (нравоучителен, категоричен); позиция трибуна (преувеличенный пафос); позиция просителя («потерпите, я скоро закончу»).

Важно принимать во внимание духовно-нравственные аспекты воспитания в региональном образовательном пространстве средствами русского языка как родного языка русского народа и языка межнационального общения для народов, населяющих Оренбургский край.

Ключевая роль слова как средства взаимопонимания состоит в том, что благодаря слову «высвечивается» определенный фрагмент мира, обеспечивающий ему взаимопонимание при общении. Объем и характер лексикона носителя языка индивидуально обусловлен и определяется такими параметрами личности, как возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, место жительства. Будучи членом многонационального социума носитель языка востребует такие элементы языка, которые имеются в его языковом опыте. Очевидна необходимость расширения индивидуального лексикона, определяющего речевой портрет современника, и воспитание любви к слову как ценности.

Обращенность к слову как ценности позволяет сформировать у детей и молодежи целостную картину мира, основы гуманитарной культуры как возможности достижения высокого уровня ассоциативности сознания, способности к художественно-образному восприятию мира, к самостоятельной творческой деятельности.

Литература:

1. Гуманитарно-педагогические технологии современного образования: концептуальные подходы, разработка и апробация : монография / составит. и науч. ред. проф. В.И. Попова; Мин-во образования и науки РФ; Оренб. гос. пед. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2013. – 304 с.

2. Козырев В.А., Черняк В. Д. Образовательная среда. Языковая ситуация. Речевая культура: Монография. – СПб. Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 171 с.

3. Попова, В.И. Поликультурная составляющая преподавания русского языка в многонациональной школе (методические рекомендации) // Русский язык в полиэтнических классах: сб. материалов круглого стола. – М., 2010. – С.71-84.

4. Попова, В.И. Образовательно-развивающая модель взаимосвязанной учебной и внеучебной деятельности школьника. Реализация концепций «Регионоведение» и «Профориентология»: учебное пособие / В.И. Попова ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации; Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 136 с.

5. Попова, В. И. Поликультурная составляющая элективного курса «Регионоведение» для старшеклассников / В. И. Попова // Русский язык в национальной школе. – 2009. – № 2. – С. 25—29.

6. Попова, В.И. Регионоведение: учеб. – метод. пособие / В.И. Попова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 56 с.

[Допущено министерством образования Оренбургской области в качестве учебно-методического пособия]

7. Петрунина, М.А., Теория и практика формирования социальной активности школьника в эстетической деятельности / М.А. Петрунина; Мин-во образования и науки РФ, Федер. Агентство по образованию, Оренб. Гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – 160 с.

8. Слободчиков, В. И. Событийная образовательная общность – источник развития и субъект образования //Новые ценности образования «Событийность в образовательной и педагогической деятельности»/ Под ред. Н.Б. Крыловой и М.Ю. Жилиной. Вып . 1 (43). М., 2010. – С. 5-14.

Пирманова Н.И. (г. Оренбург, Россия)

ГОВОРЫ УРАЛЬСКИХ (ЯИЦКИХ) КАЗАКОВ В ЗЕРКАЛЕ ДВУХ КУЛЬТУР: ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предметом нашего исследования является лексика уральских (яицких) казаков, отраженная в словаре уральских говоров Нестора Михайловича Малечи. Н. М. Малечу часто называют наследником В. И. Даля. Это, без сомнения, справедливо [3, с.22].

Языковые особенности наречия уральских (яицких) казаков, содержащие информацию о культуре, их жизненном укладе, относясь к тем русским говорам, в которых выражается дух, душа, природная самобытность простого народа, недостаточно изучены.

До Н.М. Малечи говор уральских казаков совершенно не изучался. Имелись лишь небольшие заметки о наречии уральцев В.И. Даля, И.И. Железнова и А.Б. Карпова, относящиеся к 50-90 гг. 19 в.

Начало собиранию и изучению духовной и материальной культуры уральских казаков было положено еще в 18 веке в трудах П.И. Рычкова, П.С. Паласа, П.С. Рунича. В 19 в. казачьей культурой интересовались А.С. Пушкин, В.И. Даль, В.А. Жуковский, М.Л. Михайлов, В.Г. Короленко [3, с.8].

Уральские (яицкие) казаки, лексика которых представлена в этом Словаре, населяют правобережные районы Гурьевской и Уральской областей

нынешнего Казахстана и Первомайский, Илекский, Мустаевский и Ташлинский районы Оренбургской области России.

Общественная жизнь казаков-старообрядцев во многом определялась их религиозными представлениями. Религия, пронизывая все стороны жизни казачества, не могла не отложить свой отпечаток на отношение к окружающему миру и не повлиять на характер взаимоотношений с проживающими по соседству новообрядцами [7, с. 122].

Современные исследователи отмечают, что староверы не расходятся с господствующей православной церковью ни в одном догмате, ни в одном основании вероучения [2, с. 74]. Отличительные же особенности старообрядческой культуры кроются в их суевериях и предрассудках. Изучая диалектную лексику, можно выявить особенности жизненного уклада, питания, религиозных предпочтений, традиции и обычаи уральского казачества.

Словарь уральских говоров Нестора Михайловича Малечи раскрывает богатство народной речи уральских казаков с ее своеобразными выражениями, пословицами, поговорками, отражает характерные фонетические и морфологические особенности, включает в себе интересные исторические, культурные, нравственные, бытовые сведения.

Общеизвестно, что старообрядцы отдают предпочтение земным поклонам. При совершении земных поклонов человек должен пасть ниц и коснуться коленями и челом пола, точнее молитвенного коврика (подручника), поскольку во время молитвы руки должны оставаться чистыми. Речь уральских казаков отражает особенности религиозных обрядов. В словаре Н.М. Малечи имеются следующие иллюстрации.

Становиться на кресты – молиться Богу. *Каждый праздник на кресты становится (бабушка)* [4, с. 281].

«Начал». Уральские казаки в подавляющем большинстве раскольники, не приступали ни к какому серьезному делу без «начала», которое состоит из трех поясных поклонов с чтением кратких молитв и снова трех заключительных поклонов.

Потом призывают невесту, жениха....и оне уже начала молятся, три поклона называются начала [4, с. 535].

Класть начала, положить начало – совершить обряд «начала».

Родители хороши – начала клали.

Свечечку притеплили к иконам, начинали начал класть [там же].

В речи казаков особое значение имеет глагол «ложить» (в отличие от современного русского литературного языка). В словаре Н.М. Малечи отражены следующие дефиниции лексемы «ложить - ложить поклоны (фр.) – становиться на колени, склоняться головой до земли, крестясь. *Жених ложит 3 поклона* [4, с. 370].

Примечательно значение словоформы «в казаках» - т.е. в общине Уральского казачьего войска. См. в словаре Н.М. Малечи: «*У нас, в казаках, мы раньше молились настойках, это у мужиков на коленях молились*». Выражение «*настойках молиться*» в словаре дано с пометой «устойчивое выражение» [4, с. 147].

Необходимой принадлежностью любого старообрядца являются лестовка (от слова лестница). Лестовка – это тип четок, плетеная кожаная лента, сшитая в виде петли, которая употребляется для облегчения подсчета молитв и поклонов, но в то же время она имеет и символическое значение, обозначая лестницу духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы.

Лестовка – 1. кожаные четки старообрядцев для моления. Около икон подрушник и лестовка. В лестовке 150 бубенцов. 2. Единица счета поклонов. Молитесь по три лесточки (говорит дедушка жениху и невесте). Все по целой лестовке земляны (поклоны) кланялись [4, с. 356].

Говоря о наказании, лестовку тоже упоминали: «Питиньё (эпитимия) на него старик наложил: сорок земляных и пять лестовков. Наказание – 1. эпитимия, церковное, религиозное наказание. Старики (у раскольников) давали наказание: 10 лестовок земляных поклонов, а у лестовке 100 бубенчиков [4, с. 494].

В Азбуке христианства такое же определение значения лексемы: «Епитимия – церковное, религиозное наказание» [1, с. 83].

Как известно, вначале среди людей, заселявших Яик, существовала языковая пестрота, но затем, когда сложилась казацкая вольница с едиными традициями, экономикой и бытовым укладом, выработался единый словарь, единый диалект, на самобытность которого указывали многие исследователи. В процессе многолетней работы Нестор Малеча установил, что речь уральцев относится к числу средневеликорусских говоров с северно-великорусской основой. Словарь Н. М. Малечи по своей сути, как и словарь В. И. Даля, продолжает знакомить нас с живым русским языком.

В Словарь уральских говоров включены в основном слова, которые отсутствуют в литературном языке, а также слова, имеющие в диалекте дополнительное значение к литературному слову, т.е. лексические и семантические диалектизмы [3, с. 16].

В Словарь Н.М. Малечи включены в основном слова, которые отсутствуют в литературном языке, а также слова, имеющие в диалекте дополнительное значение к литературному слову, то есть лексические и семантические диалектизмы.

Таких слов, как *"аренчик"*, *"долобок"*, *"синчик"*, *"будара"*, *"обмах"*, *"кокурка"* нет в литературном словаре; слова же *"казаться"*, *"забавница"* имеются в литературных словарях, но с другими значениями. Например, в казачьей речи *"казаться"* - означает «нравиться». *"Нашёлся жених, говорю: если кажется, так просватывайся"*.

"Забавница" - любушка, симпатия, любовница. См. в словаре: *"Это жена с тобой шла аи забавница?"*.

В словаре Н. М. Малечи особое место занимает значительный пласт тюркизмов - слов, заимствованных из языка соседних тюркских народов: казахов, татар, башкир.

Тюркизмы обозначали повседневные предметы быта. Яицкие казаки, охотно заимствовали у соседей многие слова, которые стали среди здешнего

коренного русского населения обычными, повседневными: *казан* (котёл), *каймак* (топлёные сливки), *махор* (лоскут), *тузлук* (рассол), *сабан* (плуг), *айда* (пойдём), *балык* (рыба) и др.

Известно, что кисломолочные продукты составляли значительную часть рациона питания уральских казаков. Обилие кисломолочных блюд в рационе казаков - результат контактов с соседними народами. Среди традиционных тюркских блюд (каттык, айран, сэт эсте, сэмэ) есть немало тех, что хорошо известны уральцам (айран – то же, что айрян, арян, эремчэк - ремчук и т.п.) [5].

В каждом казахском доме на столе есть айран, который пришелся по вкусу уральским казакам. «Айран (тюрск.) – густое кислое коровье молоко, разведенное водой. *Пошел принеси мне айрану испить*» [3, с. 62].

В низовых станицах было меньше раскольников и больше контактов с кочевниками, меньше коров и больше верблюдов. Там казаки употребляли в пищу «шубат» (верблюжье молоко), «кумыс» (лошадиное молоко) и «кузю» (кумыс с крупой). Казаки верхних станиц, как правило, избегали этих напитков, называя их «басурманскими пойлами».

Основой для приготовления многих блюд было кислое молоко. Сушеный сыр («крут», как его называли) был распространен у многих войск.

Готовившаяся в домашних условиях лапша у казаков называлась «салма», как и в ряде тюркских языков.

Автору данной статьи, уроженке Первомайского района Оренбургской области, детали быта и обычаи уральских (яицких) казаков известны с раннего детства. Дети все вместе ели «кокурки» (изделия из пшеничной муки), иногда с запеченным в них яйцом.

Пастилу обычно делали из торна, который на территории войска рос в изобилии. Из него готовили напитки и варенье, а время начала его сбора называли «обволькой», которую часто нарушали: «До обвольки на торон еще слишком долго - недели две, но запасливые хозяйки уже торопятся пособирать торонку» [6].

Для обозначения супа (в том числе ухи) казаки использовали слово «щерб». В тюркских языках слово «сурпа», «шурпа», «чобра» означает «суп». Жидкую кашу из муки и молока называли «баламык» или «саламата». Приведем иллюстрации из словаря Н.М. Малечи: «Весь белый, как в баламык окунулся» [3, с. 94]. Излюбленным блюдом уральских казаков считался бешбармак.

Как считают исследователи, особенности кухни уральских казаков связаны и с тем фактом, что на Урале были распространены смешанные браки: среди жен уральских казаков встречались татарки, калмычки, казашки и даже персиянки.

Известный уральский ученый, филолог, литературовед, поэт, собиратель и исследователь уральского казачьего фольклора, истории и культуры уральского казачества Николай Михайлович Щербанов считал уникальный словарь Н.М. Малечи «наследием, в котором зафиксирована почти исчезнувшая, огромная культура...» [3, с. 16].

Исследование повседневной культуры уральского казачества позволяет открыть уникальный этнографический материал, познать искромётный, бойкий,

живой язык уральских (яицких) казаков, увидеть взаимопроникновение разных культур, взаимообогащение культур двух народов – русского и казахского.

Литература:

1. Азбука христианства. Словарь–справочник. Составитель А. Удовенко. МАИК «Наука», 1997. 288 с.
2. Кабанов Г. Мы – переселенцы. Оренбург: Печатный Дом «Димур», 1999. 244 с.
3. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. Оренбург. Оренбургское книжное издательство. 2002 – 2003. Т. 1. 496 с.
4. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. В 4-х тт. Оренбург. Оренбургское книжное издательство. 2002 – 2003. Т. 2. 592 с.
5. Уралец, 1901, №87
6. Уральские войсковые ведомости, 1868, №42
7. Ягудина О. В. Роль старообрядчества в общественно-религиозной жизни Оренбургского и Уральского казачества // Вестник ОГУ. 2012. № 5. С. 121-126.

Айталы А. А. (г. Актобе, Казахстан)

СМЕНА АЛФАВИТА НЕ ТОЛЬКО ФОНЕТИЧЕСКАЯ, НО И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

На наш взгляд, в Казахстане в скором времени возникнет проблема общегосударственного значения, хотя, казалось бы, всего лишь речь идет о смене алфавита.

Президент Н. А. Назарбаев неоднократно упоминал о необходимости перехода к латинице. В послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан 2050» была поставлена задача:

«Нам необходимо, начиная с 2050 года приступить к переводу нашего алфавита на латиницу, на латинский алфавит. Это принципиальный вопрос, который нация должна решить. Когда – то в истории мы такой шаг уже совершали. Ради будущего наших детей мы должны принять такое решение, и это создаст условия для нашей интеграции в мир, лучшего изучения нашими детьми языка и языка Интернета, и самое главное - это даст толчок модернизации казахского языка».

Языковая политика в Казахстане за последнее столетие изобилует зигзагами, неожиданными поворотами. На съезде миссионеров, который состоялся 13-23 июня 1910 года в городе Казани, было решено, что кириллица должна служить целям государственного объединения России. Все нерусские народы должны говорить и писать на русском языке, для чего необходимо внедрить кириллицу.

Латинизация алфавита в Казахстане в 1928 году хронологически совпала с латинизацией турецкого, малайского языков, но шла под лозунгом «Латинский алфавит – алфавит победившего пролетариата». К концу 30-х годов социально - политическая ситуация в СССР изменилась, тенденция к ассимиляции взяла верх над развитием национальной культуры, это отразилось на языковой политике. Начало было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». В связи с этим развернулась работа по переводу с латинской графики на русскую. Новый алфавит, в отличие от латинизированного, составлялся наспех и недостаточно квалифицированно, что привело к фонетическим искажениям.

Замысел русификации народов при советской власти осуществился широко, русский язык становился единственным языком во многих сферах и тем самым блокировал развитие национальных языков. Потому в ментальности казахов, узбеков и других тюркских народов, а также последователей ислама кириллица все же связана с принудительной советской национальной политикой, а латинский алфавит с этой точки зрения нейтрален и предпочтительно использовать его. Переход казахского языка с кириллицы на латиницу является одним из главных моментов деколонизации, освобождение от навязанного колонизаторами алфавита. Весьма симптоматично, что в России определенные политические силы сегодня с большим сожалением говорят о том, что переход на латиницу приведет к дистанцированию казахов от российского культурного пространства.

В принципе, алфавит сам по себе не является нейтральным по отношению к той или иной нации. Алфавит - орудие обоюдоострое, может способствовать расцвету культуры нации, может в то же время служить орудием вытеснения другого языка, письменности, культуры. В плане развития письменной культуры казахов кириллицу можно характеризовать и положительно, и отрицательно. С ней связана всеобщая грамотность, но в значительной степени на русском языке.

Смена алфавита порождает ряд проблем, связанных с судьбой казахского языка, единством казахов и казахстанцев. Учеными внимательно изучаются трудности, связанные с переходом к латинице в Турции, Азербайджане и Узбекистане. Они сводятся к следующим, весьма серьезным моментам.

1. Один из основных аргументов перехода к латинице состоит в том, что латиница более адекватно будет отражать фонетический строй казахского языка, и длительное навязывание кириллицы наносило ущерб языку, искажало его звуковую природу. Однако турки, хотя они перешли к латинице в 1928 году, узбеки и азербайджанцы, перешедшие после распада Союза, до сих пор полностью не определили звуковую систему, отражающую их языковой строй.

2. Не говоря об узбеках и азербайджанцах, турки до сих пор не могут полностью воспользоваться письменным духовным наследием прошлого, основанного на арабской графике.

3. Не хватает детской литературы. Это негативно отражается на воспитании современного молодого поколения.

4. Вся научная литература по техническим и естественным наукам, а также ценная художественная литература и мировая философская и другая литература долго не будет доступной молодежи, ученым.

5. Встает серьезнейшая проблема подготовки учебников, начиная от дошкольного уровня, заканчивая послевузовским, которая потребует непомерных финансовых средств.

6. Негосударственные учреждения, организации в Узбекистане и Азербайджане не спешат переходить на латиницу.

7. В русских школах Узбекистана дети учатся на алфавите, основанном на кириллице.

8. В связи с переходом к латинице, снизился и спрос на печатную продукцию на национальном языке, особенно среди лиц среднего и пожилого возрастов.

С этими проблемами неизбежно столкнемся, безусловно, и мы в Казахстане.

Но в Казахстане есть и другие проблемы, которых нет в названных выше странах.

В Турции, Узбекистане и Азербайджане все граждане коренной нации - турки, узбеки, азербайджанцы - владеют, т. е. говорят и пишут на родных языках и потребность в них высокая. В Узбекистане численность русских 4,78%. Межнациональным языком является узбекский язык. В Казахстане по итогам переписи 2009 года ситуация вроде благополучная. 98,3% казахов понимают устную речь, 95,4% свободно читают, 63,2% свободно пишут, но эта статистика не внушает доверия. Как говорил Марк Твен, есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Фактическая степень распространения и использования казахского языка гораздо ниже, чем об этом свидетельствует перепись 2009 года. Например, многие родители записывали детям родной язык, на котором они говорили плохо или вовсе не говорили. Но в любом случае специалисты знают, что казахов, говорящих, читающих и пишущих по-казахски, гораздо меньше, чем об этом гласит перепись. Немаловажную роль сыграл этнопсихологический фактор. Многие казахи, не владеющие родным языком, настаивали, чтобы их указали как знающих родной язык. На вопрос «почему?», отвечали «в анкете вы еще укажите, что я русский, а им быть я не хочу», или «чтобы не говорили, что казахов, не владеющих казахским языком, много». Чувство принадлежности к нации одно из устойчивых. Люди могут говорить на другом языке, причисляя себя к нации предков, что и происходит с частью казахов.

По сравнению с Узбекистаном и Азербайджаном колониальный синдром в Казахстане очевиден, приоритет русского языка не вызывает сомнения. Говоря другими словами, властных ресурсов и возможностей у русского языка еще много, а коренной язык все еще в маргинальном состоянии. Во-первых, русский язык доминирует в средствах массовой информации. Во-вторых, чтобы быть гражданином нашего государства, не обязательно знать государственный язык. В-третьих, хотя казахи составляют более 85% работников государственных органов, делопроизводство ведется в основном на

русском языке, в необходимых случаях переводится на казахский язык. Поэтому и официальная статистика не вызывает недоверия, она подводит и президента страны. В-четвертых, судебная система, правоохранительные органы в целом не работают на государственном языке и поэтому его и не защищают. К примеру, в Италии, представители немецкоязычного меньшинства, проживающие на севере страны, обеспечены необходимым корпусом немецкоязычных судей вплоть до Верховного суда, где обязательно есть один из судей, владеющих немецким языком. Вообще сфера государственных услуг, а также здравоохранение должны учитывать языковое разнообразие. Мы не можем сегодня с уверенностью утверждать, что языковые права казахов учитываются повсеместно. В обществе, где нет спроса на государственный язык, будет ли потребность в использовании латиницы? К 2025 году языковая ситуация вряд ли резко изменится. Не говоря о населении всей страны, для которого казахский язык является государственным, он не стал средством национальной консолидации казахов. Часть казахов перешла на русский язык, который давал больше возможностей для жизненного преуспевания.

Тем не менее сегодня наблюдается эйфорическая надежда на то, что с переходом на латиницу проблемы государственного языка будут решены и языковой нигилизм преодолен. Такое неоправданное радостное настроение наблюдалось среди казахов в конце 80-х годов XX века, после принятия закона, в котором государственным языком признан казахский. Потом стало ясно, что в нем нет четкой мотивации к овладению государственным языком. Ее нет и сегодня. Власть также верит в чудодейственную силу латиницы, что она способствует усвоению казахского языка и росту его престижа в коммуникативном пространстве. Между тем проблема упирается в ущербное языковое сознание части казахов, неверие большинства казахстанцев в потенциальную возможность казахского языка стать консолидирующим фактором. Это относится прежде всего к правящей номенклатуре, которая в основном состоит из казахов. Мы напоминаем порою некоторые африканские страны, где господствующие классы и слои в основном говорят на языке бывшей метрополии. Возникает вопрос: легитимна ли государственная власть, которая не говорит на государственном языке? В принципе, в этом плане она продолжает советскую колониальную власть.

На сколько-нибудь важных собраниях, заседаниях, которых, к сожалению, немало, речи звучат в основном на русском языке, если не считать двух-трех минутных вступлений и заключений. Своим неуважением к языку государства наша власть внушила большинству казахстанцев мысль о том, что возможности языка казахов для выражения важных для государства идей ограничены, потому она вынуждена прибегнуть к помощи русского языка. А патриотизм, о котором мы часто говорим, начинается с уважения к родной истории и родному языку. Пока Казахстан напоминает огромный детский дом, где дети – сироты не помнят родителей и не говорят на родном языке.

Современная языковая политика в Казахстане в значительной мере тормозит развитие казахского языка. С самого начала не предусмотрены

особые компенсационные меры по восстановлению языковых потерь: поддержка детской литературы, материальная поддержка писателей, деятелей культуры, распространение казахской книги, печати, помогающих развитию казахского языка. Во многих постколониальных странах подобные меры стали обычными.

Серьезной проблемой для Казахстана остается взаимодействие языков, в частности, двуязычное, а теперь трехязычное образование. Чтобы лучше понять эту проблему, обратимся к эксперименту канадских ученых М. Сигуна и У. Ф. Макки в канадской школе в Сен-Ламбере. Речь идет об обучении англоязычных и франкоязычных детей. Обучение англоязычных детей французскому языку может быть безопасным тогда, когда дети изначально говорят на английском языке, имеющем большой социальный престиж и выполняющем высшие социальные функции (язык администрации, культуры, суда, информации и т. д.) Для такого учащегося французский язык не является угрозой. Точно так же и английский не является опасным для привилегированного французского языка. Если же родной язык учащегося более слаб, чем второй язык обучения, то это может стать угрозой для родного языка. К сожалению, такого тщательного дифференцированного подхода к изучению языков в школах Казахстана мы не наблюдаем. Международная практика двуязычного образования показывает, что необходимо внимательно изучать с психологической точки зрения индивидуальные особенности, языковую компетенцию, результаты языкового тестирования детей.

Наконец, нужно учесть влияние языковой глобализации, возрастающее господство английского языка. Исследование общественного мнения в Германии показало, что 25% немцев обеспокоены влиянием английского языка на немецкий. Во Франции в 1994 году был принят закон, ограничивающий употребление американизмов во французском языке, в Польше предприниматели платят дополнительный налог в случае использования иностранных слов в названии фирмы.

Активизация и влияние английского языка на другие языки наблюдаются в языке масс-медиа, в разговорной речи, в обывденной жизни и т.д. Реальность свидетельствует о том, что во взаимодействии языков в современных условиях имеет место одностороннее воздействие сильных языков на слабые языки. Сегодня важно объединение усилий государства, образовательных и культурных учреждений, общественных организаций, всего населения, направленных на реализацию новых возможностей по сохранению и развитию казахского языка.

Трехязычное образование само по себе привлекательно, но оно еще более усиливает языковое соперничество, ослабляет казахский язык. Трехязычие в мировой практике встречается нечасто. У нас оно не проработано с научно-педагогической и психологической точек зрения. Казахская общественность опасается отторжения детей от родного языка, потому что наблюдается массовое увлечение детей уже в детском саду английским языком.

В государственной программе развития языков заложены противоречивые положения. С одной стороны, утверждается тезис о расширении социально – коммуникативной функции казахского языка как государственного, с другой стороны, ставится задача сохранения культурной функции русского языка. Дело в том, что языковая ситуация в Казахстане являет такую форму двуязычия, при которой существует оппозиция языков по престижности. Русский язык в Казахстане более престижный, чем казахский, особенно в городах. Иначе чем объяснить довольно сильное нежелание части казахов изучать свой родной язык. Даже ребенок, говорящий на казахском языке, осознает его низкий социальный престиж. Стремление во что бы то ни стало сохранить функцию русского языка ведет к искусственному сохранению его статуса и престижа. Конечно, речь не должна идти об искусственном снижении его функций. Нет, речь идет об учете демографической ситуации. С 1989 по 1999 годы, с 1999 по 2009 годы за каждые десять лет численность русских в стране сократилась примерно на 10%. Сокращается также численность украинцев, немцев, белорусов. Одновременно растет численность казахов и других тюркоязычных народов. Следовательно, русское коммуникативное пространство искусственно нельзя ни сохранять, ни суживать, политика должна быть основана на удовлетворении запросов людей в русском языке в сфере образования, культуры и т. д. Но и при этом русский язык будет доминировать еще долго. Сегодня в школах учатся 2 млн. 461 тысяча детей, 800000 из которых получают образование на русском языке, одна треть из которых казахи. К 2025 году ситуация кардинально изменится. Русские школы будут обучать на алфавите, основанном на кириллице. Выпускники этих школ будут продолжать образование на русском языке и в вузах, потому что выбор языка обучения - конституционное право гражданина. Если учесть, что русский язык имеет доминирующее положение и в СМИ, то понятно, что большинство казахов еще долго будут продолжать пользоваться русским языком и кириллицей.

В этих условиях выбор родителей в отношении учебы собственных детей может измениться в пользу русских школ, располагающих стабильными учебниками и другой учебно-методической литературой, чем казахские школы, перешедшие к латинице. Переход на латиницу таким образом будет означать культурный раскол среди самих казахов, которые без того расколоты на роды и племена, на бедных и богатых, на религиозные группы и землячества, на местных и оралманов.

Следующий вопрос, – в какой мере латинизация отвечает интересам консолидации всего казахстанского общества. Ссылки на «мнения» или «волю народа» в данном случае не совсем убедительны. Ясно, что часть казахов, неказахское население будет продолжать пользоваться кириллицей. Дети диаспор, обучающиеся в казахских школах, не составляют даже одного процента от числа всех учащихся, хотя меньшинства составляют более 30% населения страны. Дети и внуки членов Ассамблеи народа Казахстана, не перестающие говорить о любви к казахам и Казахстану, живут либо на исторической родине, а живущие в Казахстане в своем большинстве не спешат

изучать язык государства, в котором живут, потому что тоже не верят в будущее этого языка. А власть наша, как ни странно, дает себя обмануть, принимая и признавая эти заверения. Она создает и поддерживает национальный актив, надеясь, что будет поддерживать ее. Социолог-москвич Ю.В. Арутюнян, исследующий много лет армянскую диаспору Москвы, отмечает, что зачастую часть диаспоры свои заверения о лояльности к власти используют для завоевания определенных позиций в управленческом аппарате власти. «Социально-этническая спекуляция в конечном счете всегда подводит и оборачивается неблагоприятной стороной и для слепых руководителей, и для политиканствующих деятелей»- заключает он. Подобных деятелей, рассчитывающих стать сенаторами, депутатами мажилиса, чиновниками, немало и в Казахстане.

Ситуация вокруг языковой политики такова, что государственный язык понимают многие, но учат немногие. «Как говорят англичане, «лошадь можно подвести к водопою, но заставить ее пить нельзя». Когда государством не сформирована потребность в языке, его изучать не будут. В этих условиях переход на латиницу может означать не только культурный раскол внутри казахов, но и между казахами, предпочитающими латиницу, и остальной частью общества. Потому мы не можем очертя голову бежать в сторону латиницы. В Казахстане мы имеем дело с другим человеческим материалом, и это требует думать о последствиях. Уже сегодня оценка людей перехода к латинице заметно разнится в зависимости от этнопринадлежности. Поспешные, непродуманные решения могут стать причиной возникновения напряженности.

Судьба огромного по значимости культурного наследия и ценностей, созданных в советский период, когда действовал кириллический алфавит - это особый вопрос. По своему объему и значимости последние более чем 70 лет в области письменной культуры превосходят все другие эпохи в истории казахского народа. С этим периодом связаны всеобщая грамотность, созданы художественная, научная литература, учебники. Наконец, на кириллице переизданы многие произведения казахской литературы, исторические и другие труды, созданные на арабской графике. Если переход от арабской графики к латинице, от латинице к кириллице затрагивали малую часть населения в силу его малограмотности, да и культурно-информационный пласт был сравнительно невелик, то сейчас речь идет о судьбе куда более богатого культурного фонда. Конечно, речь не идет о конъюнктурной литературе, приспособленной к текущей политике КПСС.

Не совсем убедительны аргументы о бурно развивающемся только на латинице Интернете. Интернет сегодня развивается и на китайском, и арабском, и других алфавитах, а также и на кириллице.

Теоретически латинизация мыслится реформой, направленной на повышение социального статуса и расширения общественных функций казахского языка, но при этом не учитываются до конца все сопутствующие обстоятельства, культурные и социально-этнические проблемы. Достаточно напомнить, что значительная часть населения восприняла перевод на латиницу без всякого энтузиазма. Не обеспечив предварительные условия, к примеру,

овладение хотя бы всеми казахами не на бумаге, а фактически казахским языком, говорить о замене алфавита преждевременно. Особняком стоит проблема адаптации к казахскому языку и к латинице культурной, образовательной интеллигенции диаспор Казахстана, значительная часть которой полагает, что Казахстан и сегодня такая республика, как при Союзе с господствующим русским языком. На психологическом уровне таково настроение у представителей старшего поколения. Для подобного настроения, как отмечалось, есть и немалые основания.

На фоне политических и этнических проблем фонетические аргументы в пользу латиницы менее значимы. Как говорят американцы, «никогда не говори никогда», и потому утверждать категорически, что переход к латинице вообще невозможен, нельзя. Надо учитывать и менталитет казахов. В 1996 году

Н. А. Назарбаев говорил, что «нам следует избавляться от такого положения, когда казахская письменность воспринимается как периферическая версия кириллицы, что, естественно, не позволяет к ней относиться с должным уважением».

Проблемы перехода к латинице, быть может, будут серьезным поводом к пересмотру языковой политики, помогут относиться к ней не с позиции инстинкта самосохранения, вроде того, что «лишь бы не было войны», а как к стратегической задаче, исходя из сложившихся исторических особенностей казахской нации и Казахстана в целом.

Абдигази С. Х. (г. Актобе, Казахстан)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА МНОГОЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В современном Казахстане развитие и функционирование языков отличается определенными специфическими чертами, а именно существованием большого количества генеалогически и типологически разнообразных языков, наличием двух доминирующих языков – казахского и русского. Языковая политика Республики Казахстан отвечает потребностям полиэтнического населения страны, учитывает особенности языковой, демографической и политической ситуации, способствует политической стабильности общества.

Политико-правовой статус языков Республики Казахстан закреплен в Конституции Республики Казахстан от 30 августа 1995 года и Законе «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151.

В Законе "О языках в Республике Казахстан" казахский язык определен в качестве государственного языка Республики Казахстан. В тоже время в сфере государственного управления русский язык наряду с казахским языком используется в качестве официального [1, 4].

В Республике Казахстан выработка концепции языковой политики, юридическая регламентация функционирования языков, административное регулирование языков закреплены в следующих законодательных актах: Конституции Республики Казахстан (1995 г.), Концепции языковой политики Республики Казахстан (1996 г.), Законе Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» (1997 г.), в Государственных программах развития и функционирования языков в Республике Казахстан (1998 г., 2001 г., 2011 г.), Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007-2010 годы, Доктрине национального единства Казахстана (2010 г.) и других документах, регулирующих государственно-правовые аспекты языковых отношений.

В полиэтническом социуме неизбежно происходят языковые контакты. Соприкосновение, непосредственное контактирование двух или более языков приводит к возникновению такого явления как полилингвизм (многоязычие).

В условиях нашей действительности высшая цель развития многоязычия и двуязычия (прежде всего основного типа двуязычия в РК — национально-русского) — всемерно способствовать тесному сближению народов, взаимообогащению их культур, овладению всеми народами высшими достижениями культуры, науки и техники. Этому способствует овладение русским языком — одним из наиболее развитых языков международного и межнационального общения.

Двуязычие (многоязычие), как бы ни не хотелось этого тем, кто поддерживает идеи этноцентризма, сепаратизма, изоляционизма, все больше распространяется по всему земному шару, обусловленное возрастающим взаимодействием экономических, научных, культурных и политических интересов.

Языковая политика в Казахстане характеризуется как централизованная (система общеобязательных мероприятий проводится государством), перспективная (учитываются интересы широких масс), интернациональная (развитие казахского языка, русского языка и языков других этнических групп признано основным стратегическим направлением), конструктивная (направлена на расширение функций, сфер применения, социально-коммуникативной роли и развитие казахского литературного языка).

Одной из составляющих языковой ситуации в Республике Казахстан, в настоящее время является многоязычие, в частности, двуязычие. Согласно данным переписи населения 2009 года, в Республике Казахстан 63,1 % от всего населения составляют казахи, при этом 94% населения понимают русский язык, 85 % свободно пишут на русском языке; 74 % всего населения страны понимают казахский язык, 62% всего населения свободно пишут на казахском языке.

Продуманная сбалансированная политика многоязычия, учитывающая интересы населяющих страну этнических групп, не допускающая привилегированного положения одних и ущемления прав других выступает главным фактором успешности казахстанской модели межэтнического согласия.

Национальный состав жителей Казахстана формировался на протяжении нескольких столетий.

В западных областях Казахстана крупные миграционные и иные процессы привели к значительным изменениям в демографической пропорции народов, населяющих данный регион. В Актюбинской области численность казахов составила 514875 человек, русских – 94404, украинцев – 37211, узбеков – 598, немцев – 6872, татар – 10037, уйгур – 99, корейцев – 1346, белорусов – 2048, азербайджанцев – 989, турков – 46, других национальностей – 10082. Баланс численности населения Актюбинской области был сохранен за счет увеличения титульной нации на фоне снижения большинства других этносов, в основном русскоязычных. Национальный состав населения Атырауской области представлен казахами – 419772 человека, русскими – 33488, украинцами – 1256, узбеками – 261, немцами – 548, татарами – 2502, уйгурами – 44, корейцами – 2631, белорусами – 290, азербайджанцами – 276, турками – 36, другими национальностями – 2368. Таким образом, в Атырауской области значительно сократилось процентное соотношение русскоязычных этносов, число представителей титульной нации значительно увеличилось. Этнический состав Мангистауской области представляют казахи – 302075 человек, русские – 39674, украинцы – 3550, узбеки – 339, немцы – 430, татары – 2193, уйгуры – 83, корейцы – 697, белорусы – 475, азербайджанцы – 3876, турки – 20, другие национальности – 8342. Численность представителей титульной нации в Мангистауской области увеличилась, сократилось число русских, украинцев, узбеков, немцев, татар, корейцев и белорусов. Население Западно-Казахстанской области представлено казахами – 416243 человека, русскими – 150037, украинцами – 16564, узбеками – 200, немцами – 1612, татарами – 9265, уйгурами – 64, корейцами – 737, белорусами – 2973, азербайджанцами – 1061, турками – 31, другими национальностями – 7747. Сокращение численности населения Западно-Казахстанской области произошло за счет уменьшения количества представителей славянских национальностей, татар, немцев [2, 206].

Четкое представление о своеобразии языковой ситуации в республике, в частности в Западном Казахстане, и ее динамики под влиянием новой языковой политики позволят внести практические предложения по созданию такой формулы толерантного межэтнического взаимодействия, которая позволит народам, проживающим в полиэтническом Казахстане, сохранить языковые права и культурные ориентации.

Исследование и анализ проблем функционирования дву- и полиязычия в Казахстане необходимо в зависимости от крайне изменившихся в конце XX-XXI вв. новых политических, социальных, этнических, демографических, территориальных и других факторов, влияющих на динамическую, постоянно меняющуюся языковую жизнь современного мира. Особенно это актуально в связи с произошедшей идеологической переориентацией ряда регионов мира, которая повлекла за собой изменение языковых пространств некоторых языков международного общения, в частности, русского языка на постсоветском пространстве, в том числе в Республике Казахстан.

Эффективность и результативность языковой политики зависит от регулирования языкового поведения субъектов и объектов языковой политики. Субъектом языковой политики обычно бывает само государство, иные официальные государственные органы. В качестве объекта языковой политики выступают носители языка, представители языковых групп.

Так, в качестве субъектов языковой политики выступают Президент Республики Казахстан, Правительство Казахстана, официальные государственные органы. В то же время сложность проведения целенаправленной и последовательной языковой политики вызвана необходимостью охарактеризования объектов языковой политики. В данной роли в республике выступают несколько групп населения, определяемые как "носители языковой политики". В первую языковую группу, на наш взгляд, входят казахстанцы, родившиеся до 1995 года. Ко второй языковой группе можно отнести остальную часть казахстанцев, родившихся после 1995 года. Первую группу составляют носители языковой политики, проводившейся в СССР. Данную языковую группу характеризует неготовность адаптироваться к новой языковой среде, представители данной группы смену языковой среды воспринимают болезненно и остро. Вторая языковая группа представлена молодым подрастающим поколением казахстанцев, готовых адаптироваться к новосоздающейся языковой среде, одновременно при этом участвующими в создании этой языковой среды.

Культурный плюрализм в русле радикально-этатистской политики подразумевает поддержку языков всех языковых групп. Культурный плюрализм может быть умеренным или либеральным, при этом официальные власти проявляют толерантность по отношению к языковым меньшинствам. В Казахстане, на наш взгляд, придается особое внимание решению языковых проблем, в качестве положительных примеров политики государства в названной сфере можно назвать Концепцию о языковой политике, Закон о языках в Республике Казахстан.

Официальными государственными структурами за последние годы была разработана Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. В ней первостепенное значение имеет "расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение при этом общекультурных функций русского языка и дальнейшее развитие языков этнических групп".

В данном направлении развития языковой политики предусмотрен ряд задач. В их числе "обеспечение функционирования государственного языка в качестве языка государственного управления; совершенствование нормативно-правовой базы; обеспечение функционирования государственного языка в качестве основного языка делопроизводства во всех государственных органах, организациях и органах местного самоуправления с определением графика перехода делопроизводства на государственный язык (с указанием конкретных сроков и мероприятий); в целях реализации статей 7 и 93 Конституции Республики Казахстан организация в масштабах Республики единой системы курсов по бесплатному обучению граждан государственному языку за счет

средств республиканского и местных бюджетов, организаций, а также других источников финансирования; обеспечение функционирования русского языка в качестве языка, официально употребляющегося в государственных организациях и органах местного самоуправления; научно-лингвистическое обеспечение функционирования русского языка; оказание государственной поддержки в обучении представителей этнических общностей (диаспор) родным языкам" [3, 12].

Проведение языковой политики должно способствовать сохранению гражданского согласия в Казахстане, укреплению дружбы между представителями различных этносов и народов, проживающих в Казахстане, сохранению стабильности и мира.

«Время показало, что в Казахстане мы очень точно нашли место двум самым распространённым языкам - казахскому и русскому. Важной особенностью нашей государственной национальной политики, является сознательная политика двуязычия. В результате у нас не возникло политической напряжённости между носителями именно потому, что мы осознали реальное значение этих языков в жизни наших народов, что способствует политической стабильности в обществе», - сказал президент РК Н.А. Назарбаев в одном из своих выступлений на Ассамблее народов Казахстана.

Анализ языковой ситуации в Республике Казахстан без изучения национально – русского и, в частности, казахско-русского двуязычия был бы неполным, поскольку понять и оценить роль двуязычия в обществе можно только в случае, если рассматривать его как составную часть языковой ситуации. Необходимо подчеркнуть, что сбалансированная, научно-обоснованная языковая политика в полиэтническом Казахстане, который выбрал курс на трехъязычие в республике, является важным фактором политической стабильности, что, в конечном счете, содействует межэтническому согласию и консолидации казахстанского общества.

Прошло двадцать лет независимого развития Казахстана, и можно подвести некоторые итоги, оценить достигнутое. Один из безусловных успехов страны – выработанная уникальная модель мирного сосуществования множества различных этносов и культур. Не последнюю роль в этом сыграл русский язык – язык коммуникации различных социальных групп. При этом казахский язык продолжает оставаться государственным и дает титульной нации возможность самоидентификации.

Язык – это ключевое явление культуры, вероятно, главный механизм национального единения, инструмент возникновения и воспроизводства нации как социальной структуры. В конечном счете, язык – это стержень национального государства. И поэтому вопрос о языке оказывается не только культурным, но и политическим.

И в начале XXI века вопрос этот стоит острее, чем когда бы то ни было прежде. Структура современных – национальных – государств пришла из века XIX. Но сегодня практически не осталось стран, в которых проживала бы лишь одна нация. Потому зачастую возникает противоречие между государственной

структурой и национальным составом общества. Важнейшим выражением этого противоречия является вопрос о языке.

В странах, возникших на территории бывшего СССР, вопрос о языке стоит очень остро. Дело в том, что это молодые государства. И для них актуальна проблема не сохранения, а формирования государственной идентичности. Языковой вопрос – в значительной степени вопрос выживания национального государства здесь и сейчас.

С другой стороны, все эти страны объективно не могут обойтись без русского языка – реального инструмента как общения этносов и национальных групп внутри страны, так и «выхода в мир», на международную арену, общения с соседями (и не только с Россией).

В республике реально удалось совместить казалось бы несовместимое: энергичные меры по укреплению роли казахского языка и равноправное положение языка русского. И разгадка этой загадки проста: меры по усилению роли казахского языка не носят принудительного характера.

Конституция Казахстана объявляет государственным языком казахский. Но непосредственно в Конституции предусматривается использования русского языка наравне с казахским. Недавно принятые поправки в закон о языке говорят не о наказании за незнание казахского языка, а лишь о поощрении за его знание, а также предусматривают создание структуры учебных центров по изучению казахского. Единственным ограничением, вводимым новым законом, является требование к государственным служащим и работникам сферы обслуживания знать казахский язык настолько, чтобы в рамках своей компетенции объясняться с гражданином, не знающим русского. Требование справедливое до тех пор, пока любые документы: обращения в органы власти, правовые договоры и т.д. – могут быть написаны как на государственном, так и на русском языке. В результате можно укрепить государственный язык, не создав межнационального конфликта.

Будем надеяться, что и впредь удастся сохранить баланс двух языков и укреплять один не в ущерб другому. Причем в Казахстане для этого созданы не только правовые основы, но и институциональные. В стране множество русскоязычных вузов, в том числе и филиалов российских, например МГУ им. М.В. Ломоносова. Что касается школ – 50% являются казахскими, 47% русскими или смешанными и 3% – школы с преподаванием на других языках. Таким образом, появляется не только право знать и использовать русский язык, но и возможность это право реализовать.

Причем, Казахстан идет дальше: от двуязычия к трехязычию (казахский, русский, английский). И это также вполне естественно. И русский, и английский язык являются не только средствами общения, но оптимальными каналами получения мировых знаний. Но в трехязычии, как и в двуязычии, главное – давать возможности учиться, ни к чему не принуждая, и это основа решения языковой проблемы в Казахстане.

Везде на постсоветском пространстве приходится искать баланс между двумя необходимыми для страны процессами: развитием государственного языка и сохранением многоязычия. Гарант сохранения баланса – мудрость

высшей власти. Принцип добровольности – отказ от принуждения – должен быть сохранен. Тогда наличие многих языков будет вести не к конфликтам, а к развитию страны.

На сегодняшний день в Казахстанском обществе проводится политика трехязычия, направленная на освоение казахстанцами казахского, русского и английского языков. Политика трехязычия не требует забывать родной язык, наоборот она возводит казахский язык на первое место. Один из безусловных успехов страны - выработанная уникальная модель мирного сосуществования множество различных этносов и культур. В Казахстане выработан уникальный опыт взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. Создан уникальный институт культурного и религиозного взаимодействий – Ассамблея народов Казахстана, получившая, как известно, возможность непосредственно участвовать в законотворческой деятельности Парламента РК. Регулярно проводятся съезды мировых и традиционных религий. Деятельность казахстанского правительства и лично Президента Назарбаева Н.А. в направлении укрепления межнационального и межконфессионального единства народа получила высочайшую оценку мирового сообщества.

В Республике Казахстан всегда с особой заботой и вниманием относились к развитию языкового богатства народов государства, понималась его роль в развитии современного общества.

Это можно понять, изучив один из первых принятых в суверенном Казахстане Закон «О языках в Республике Казахстан» (от 11.07.1997 г.), который объявляет все языки народов Казахстана национальным достоянием, историко-культурным наследием страны. Вопросы развития языков в Казахстане постоянно находились под контролем и опекой Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева, который в ежегодных посланиях народу Казахстана всегда старался акцентировать внимание на развитие образования, культуры, знание языков. В Послании Президента прямо указывается: «Народ будет мудр в воспитании потомства, заботясь о его здоровье, образовании и мировоззрении... Будет одинаково хорошо владеть казахским, русским и английским языками... Он будет патриотом своей страны, известным и уважаемым во всем мире».

Указом Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года №110 утверждена Государственная Программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020гг., в которой намечены основные цели, задачи и направления языковой политики государства.

Казахстан стремится от двуязычия перейти к трехязычию. И это вполне естественно. И русский и английский языки являются не только средствами общения, но оптимальными каналами получения мировых знаний. Изучение нескольких языков будет способствовать более активной интеграции Казахстана в экономическую и культурную сферы мирового сообщества.

Цель введения трехязычия на современных уроках в школах — развитие и формирование социально и профессионально ориентированной культурной личности, владеющей несколькими языками [4, 7].

С приобретением Республикой Казахстан суверенитета придание языку титульной нации статуса государственного языка, русскому языку – статуса официального языка обусловило необходимость изучения их представителями всех народов республики, что способствовало формированию различных типов многоязычия.

В Казахстане происходит непрерывное взаимовлияние и взаимообогащение языков, влияние русского языка на другие языки и, наоборот, других – на русский, но взаимовлияние не приводит к их поэтапному слиянию, каждый язык осваивает другие по своим внутренним законам.

По данным Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в мире насчитывается около 180 млн. человек, изучающих русский как второй язык. Во второй половине XX в. русским языком как родным, вторым и иностранным владело более 300 млн. человек. К концу XX в. русский язык по числу владеющих им как родным и неродным занимал пятое место (после китайского, хинди и урду, английского и испанского языков).

Статус русского языка в Казахстане как официального определен Конституцией Республики Казахстан (1995, ст.7), Законом о языках Республики Казахстан (1997, ст.5).

Русский язык в Казахстане, наряду с государственным казахским языком, используется как средство кумуляции и приобретения разнообразной информации, средство и объект образования, мощное коммуникативное средство. Ведение документации осуществляется на государственном казахском и русском языках; не допускается ущемление прав граждан по языковому признаку; в учебных заведениях русский язык является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании.

Русский язык в Казахстане представлен в полном объеме своих форм существования: кодифицированный литературный язык, разговорный язык, просторечие, социальные диалекты [5, 67].

На данном этапе языкового строительства в Республике Казахстан созданы все условия для полноценного функционирования языков народов, проживающих в Западном Казахстане.

Наблюдается тенденция к расширению функционирования различных типов многоязычия в Западном Казахстане, что способствует установлению межэтнического согласия и консолидации народов.

Основным для решения языковых проблем в республике, в частности, в Западном Казахстане, мы считаем учет региональной специфики. Языковое планирование обязательно должно базироваться на результатах социолингвистических исследований в регионах страны, на материалах переписи населения, статистических данных. В качестве перспективных направлений управления языковой ситуацией следует признать создание научных центров социолингвистических исследований. Проблемы функционирования, развития, генетической и типологической классификации языков в регионе должны стать основными объектами региональной языковой политики.

Примечания

1. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151 «О языках в Республике Казахстан» // Ведомости Парламента Республики Казахстан – 1997. – № 14. – С.4.
2. Алтынбекова, О.Б. Этноязыковые процессы в Казахстане: Монография. – Алматы: Экономика, 2006. – С. 29.
3. Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. – С.12.
4. Концепция расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007-2010 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2007 года № 1122. – С.7.
5. Сулейменова, Э.Д. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Д.Х. Аканова. – Астана: Издательство «Арман-ПВ», 2007. – С. 67.

Суюнбаева А. Ж. (г. Актобе, Казахстан)

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ АВИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН)

На всех этапах своего возникновения, функционирования и развития язык выступает как общественно-социальное явление. В языке все социально не только по своей природе, но и в том смысле, что он не мог ни возникнуть, ни функционировать, ни развиваться вне общества. В природе языка доминирующую роль играет его социальная сущность, вместе с тем он представляет собой сложнейшее явление, нуждающееся в исследовании его связей с развитием человеческого мышления и общественного сознания. Поэтому необходимо изучать язык как многоаспектный феномен [Бондалетов, 1987: 16].

В самом общем виде в функционировании языка можно выделить две основные сферы – сферу бытового, повседневного общения людей («ближний мир») и сферу профессионального общения («дальний мир»). Между этими сферами имеются принципиальные отличия. Общение в быту, в повседневной жизни не носит вполне осознаваемого целенаправленного характера (несмотря на то, что здесь решаются задачи, ориентированные на «рост личности»: воспитательные, образовательные и т.д.), это общение преимущественно включено в комплекс бытовых, повседневных отношений, направленных на поддержание и удовлетворение прежде всего социобиологических потребностей человека; данному общению человек учиться постепенно, воспринимает его естественным образом. Это коммуникативный микромир человека, имеющий индивидуально-центрический характер. Общение в профессиональном коллективе институционально включено в

соответствующую деятельность, а значит, характеризуется целенаправленностью и в связи с этим имеет ряд ограничений в использовании языковых средств. Это социально-обусловленное и социально-ориентированное коммуникативное пространство. Профессиональная сфера общения в целом отличается строгой регламентацией и носит институтированный характер [Голованова, 2008: 58-59].

Язык – это ключевое явление культуры, вероятно, главный механизм национального единения, инструмент возникновения и воспроизводства нации как социальной структуры. В конечном счете, язык – это стержень национального государства. В странах, возникших на территории бывшего СССР, вопрос о языке стоит очень остро. Языковой вопрос – в значительной степени вопрос выживания национального государства здесь и сейчас. С другой стороны, все эти страны объективно не могут обойтись без русского языка – реального инструмента как общения этносов и национальных групп внутри страны, так и «выхода в мир», на международную арену, общения с соседями (и не только с Россией).

Современные тенденции развития авиационной организации государства, усложнение систем авиационной техники обуславливают усиление внимания к проблеме эффективного функционирования языка в сфере авиационной деятельности. Авиация – одна из самых технологически быстро развивающихся отраслей, эффективность которой зависит от профессионализма и квалификации авиационного персонала. Развитие широких международных контактов в наше время вызвало необходимость проведения новой языковой политики, необходимой для успешной реализации различных нововведений в сферах производства, науки и техники, при создании новых технологий в контакте с зарубежными коллегами.

Роль русского языка в сфере науки и техники в настоящее время чрезвычайно велика. На нем издаются научные и технические журналы, научные публикации на русском языке пользуются международным признанием. Большой интерес за рубежом вызывают работы на русском языке в таких технических областях, как разработка авиационной техники, аппаратов и приборов, оборудовании, радио-электротехники.

Язык авиации имеет многоаспектную специфическую направленность, деятельность авиации осуществляется по определенным направлениям. Нормативные документы (внутригосударственные и международные) определяют основные виды обеспечения полетов, в рамках которых и разрабатываются соответствующие технологические документы (руководства или наставления): *аэронавигационное, метеорологическое, инженерно-авиационное, аэродромное, электросветотехническое, радиотехническое, орнитологическое, организация перевозок, режимно-охранное, медицинское, оперативное управление производством.*

Конституция Казахстана объявляет государственным языком казахский язык. Однако в Конституции предусматривается также использование русского языка наряду с казахским (Конституция Республики Казахстан). В связи с конкретно-историческим развитием страны этническая общность

русскоязычных групп населения долгое время доминировала в экономическом и социально-политическом отношениях. Поэтому несмотря на то, что русские по сравнению с казахами составляют меньшинство (38% и 52%, остальные 10% представляют татары и другие национальные меньшинства), русский язык фактически стал доминирующим официальным языком. О его ведущей роли свидетельствует тот факт, что двуязычие в Казахстане развивается главным образом за счет усвоения русского языка казахами, 1/3 которых знает и использует этот язык.

В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (Закон Республики Казахстан «О языке», ст. 5 гл. 1). Каждый гражданин Республики Казахстан имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народов Казахстана. В местах компактного проживания национальных групп при проведении мероприятий могут быть использованы их языки (ст. 6 гл. 1). Данный законопроект о языках Казахстана является продуманным, научно обоснованным и соответствует мировому опыту многоязычных стран.

Практика и действительность показывают, что русский язык выступает надежным мостом, связывающим мышление человека любой национальности с объективным смыслом самой сложной науки и законами разума. В различных научных технологиях, к примеру, в авиационной отрасли, в военных и аэрокосмических технологиях, на 10 слов казахского текста приходится только 5 исконно казахских слов, остальные – заимствованные из русского языка термины. Это означает, что казахский язык способен обслужить каждую науку лишь на 50% не только из-за недостаточного объема лексики, но и в связи с отсутствием определенных морфологических и синтаксических возможностей.

Вполне можно согласиться с мнением М.П. Алексеева о том, что при рассмотрении соотношения государственного и официального языков «не всегда является благом гомогенность языков, так как близость отдельных языков друг другу, наоборот, нередко служила причиной их вражды <...>, особо действенное значение имеют здесь факторы принуждения или добровольности, которые нельзя понимать в абстрактном социально-этническом смысле, так как они обусловлены прежде всего исторически» [Алексеев, 1984: 6].

В таком сложном вопросе, как огосударствление языков в новых, постсоветских условиях, когда закон вторгается в деликатную сферу национально-языковых отношений, важно «возвысить степь, не унижая горы», – как говорил известный поэт, филолог и общественный деятель Олжас Сулейменов. В противном случае негативные процессы в национально-языковой жизни неизбежны [Аюпова, 1994: 34].

Русский язык не является языком одной национальности – это язык межнационального общения представителей более 100 национальностей. В строгом смысле русский язык – это универсальные законы и правила, составляющие его конструкцию и основу, которые подчиняют и

упорядочивают любой объем словесного материала, попавшего в царство русского языка. Лучшие представители казахского народа, начиная от Алибека Днишева и до Тохтара Аубакирова, получили образование в России на русском языке. Следует вспомнить великих просветителей казахского народа, таких как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев, которые в XIX веке учились в русских школах и призывали казахский народ учить русский язык.

Общение на профессиональном уровне в отрасли авиации предполагает точное употребление терминов и знание стоящих за ними понятий. В данное время будущие авиационные специалисты – военные летчики, инженеры по основным предметам получает знание на русском языке. Именно в авиационной сфере государственный (казахский) язык не использовался, на наш взгляд, по следующим причинам: отсутствие в казахском языке научно-технической словарной базы в период 1930-1980-х годов в области авиации; сильное влияние русской технической составляющей языка, что сдерживало развитие соответствующего раздела казахского языка. В итоге потребности науки и технического описания изобретений инженерной мысли привели к формированию в русском языке функционально развитого научного стиля, позволяющего четко и определенно описать по-русски любые научные открытия и технические достижения [Гойхман, Надеина 2003]. В данное время в Военном институте Сил воздушной обороны РК в программу ГОСО (Государственный общеобязательный стандарт образования) ввели изучение профессионального русского языка в неязыковых вузах.

В последние годы в наш вуз (ВИСВО) поступают выпускники национальных школ (с казахским языком обучения), их количество составляет почти 70%, а также абитуриенты из соседних республик – из Киргизстана, Таджикистана (10%). В связи с этим, чтобы получить необходимые знания по профессии, они должны овладеть русским языком на профессиональном уровне. Для достижения успеха в профессиональной деятельности современному специалисту необходимо в совершенстве владеть навыками культуры речи, обладать лингвистической, коммуникативной и деятельностной компетенциями в профессиональном общении и иметь следующие качества:

- владение профессиональной терминологией и стилем профессиональной речи;
- умение следить за точностью, логичностью и выразительностью речи;
- умение определять цель и понимать ситуацию общения;
- умение направлять диалог в соответствии с целями профессиональной деятельности.

Таким образом, знание русского языка, владение лингвистической, коммуникативной компетенциями является необходимым инструментом, ключом к достижению профессионального успеха. Вед выбор будущей профессии, особенно авиационного специалиста (военного летчика) – серьезный и ответственный шаг в жизни человека, требующий от него основательной подготовки и глубоких знаний.

Исходя из того, что Республика Казахстан представляет собой многонациональное государство, в качестве одной из задач этнокультурного

образования выдвигается задача формирования многоязычного индивида, то есть подготовка граждан, способных эффективно общаться на родном, государственном и русском языках. Тем самым реализуются модели «двух лояльностей»: по отношению к собственной этнонациональной группе и по отношению к государству.

Литература:

1. Аюпова Л.Л. Государственный язык: дефиниции, статус и функционирование // Вопросы филологии. – 2000. – № 2 (5).
2. Алексеев М.П. Русский язык в мировом культурном обиходе // Вопр. языкознания. – 1984. – № 2.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987.
4. Баркер А. Как улучшить навыки общения. – СПб.: Нева, 2003
5. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус о языке. – М: Элпис, 2008.
6. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация: учебник. – М., 2003.
7. Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. – СПб.: Знание, 2004.

Правовые источники

1. Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года № 151 // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1997 (редакция от 10.07.2012).
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4, ст. 217.
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 декабря 2008 года № 1246 «О Плане мероприятий на 2009-2010 годы по реализации Государственной программы функционирования и развития языков на 2001-2010 годы».
4. Распоряжение Президента Республики Казахстан «О Концепции языковой политики Республики Казахстан» от 4 ноября 1996 г. № 3186.
5. Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001-2010 годы» от 7 февраля 2001 года № 550.

ЭТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Язык – это средство первичного познания мира и его концептуализации. Являясь хранителем общечеловеческого исторического опыта и уникальной национальной культуры, он репрезентирует традиционные ментальные представления, основой которых являются духовно-нравственные, этические ценности.

Большинство слов русского языка, по нашему мнению, изначально содержат этическую информацию, ценностные ориентиры во внутренней структуре семантики слова, что иначе можно назвать языковой этичностью.

Понятие языковой этичности значительно глубже понятия профессиональной этики, оно составляет глубинную основу личной и общественной этики, являясь внутренним их содержанием, тогда как сами этики, в том числе и профессиональные, относятся к внешней форме выражения нравственных законов и понятий.

Необходимо отметить, что этические нормы, в отличие от этикетных, проявляются чаще всего бессознательно, и их определение возможно только при глубоком детальном анализе единиц коммуникации и знании духовно-исторических традиций данного языкового коллектива.

Языковая этичность выражается в трехчастном вертикальном делении «языкового древа»: основную его часть составляет лексика нейтральная, общеупотребительная, конкретная (*стол, гроза, ворота, окно*); приоритетной частью является высокая лексика, обладающая наибольшей степенью этической нагрузки (*благодать, милосердие, благородство, честь*); к третьей же, низовой, части относятся табуированные, грубые, низкие слова.

Такое деление лексики по степени этической нагрузки слов на три группы представляет собой своеобразную этическую шкалу. Компоненты группы, находящейся вверху шкалы, можно разделить на три части: 1) слова, с ярко выраженным религиозно-духовным значением, активно употребляемые в церковнославянском языке (*эклесиологическая лексика*); 2) слова высокой лексики, употребляемые в современном русском языке чаще всего безотносительно к церковной жизни (*высокая лексика*); 3) слова, относящиеся к морально-нравственной области, включаемые, как правило, в словарь этических терминов (*этическая лексика*). Причем к группе слов с высокой этической нагрузкой относятся и слова, обозначающие негативные понятия, как антиномии положительным нравственным ценностям: *грех, порок, гнев, гордость, лень* и др. Следует отметить, что этическая нагрузка не равна положительной эмоциональной окраске слов, она первична по отношению к коннотациям.

Наибольшей этической нагрузкой в русском языке обладают церковнославянизмы, составляющие основу первой группы. Церковнославянский язык – это язык не только Библии и богослужебных книг,

но язык особой сферы духовной жизни с высокими понятиями, умственными образами, которых нет в светской обыденности. Это язык сакральный, изначально не допускающий грубость и непристойность, иначе говоря, “экологически чистый”. По мнению большинства ученых, русский литературный язык унаследовал значительную часть церковнославянских элементов. По подсчётам академиков А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, более 55% всех элементов русского литературного языка прямо или косвенно восходят к церковнославянскому: буквы, графика и принципы орфографии, слова и принципы словообразования, словосочетания и синтаксис, морфология и целые грамматические категории.

Особую значимость для русского литературного языка представляет лексика церковнославянского происхождения. Именно этот пласт слов в сознании людей формирует духовные ценности. Тексты церковнославянского языка (тексты Библии и богослужебных книг) - это священный язык, обозначающий священные понятия. Знание, понимание слов церковнославянского языка не только открывает Библию, оно действует на глубинном подсознательном уровне, формируя языковую этичность и мировоззрение.

Каждое слово языка скрывает за собой образ, способствующий духовному развитию человека. В христианской традиции Логос (Слово) – это одно из имен Иисуса Христа. Слово может облекаться плотью. Слово действительно: оно может целить. Слово – дар Божий, данный человечеству для прославления Бога-творца. Если же оно покрывается скверной, то теряет божественную силу, становится орудием зла, теряет возможность созидать, воспитывать, направлять, двигать, а лишь разрушает, переворачивает внутренний мир и всё, что вне его наизнанку. И раз Божье слово – плоть, реально, живо, то осквернённое, оно умирает, становится гнилым. Так происходит, когда в языке стираются границы между языковыми стратами. Табуированные слова начинают широко употребляться, называя то, о чём обычно умалчивают. Отметим, что в языке нет слов, прямо обозначающих определённые части человеческого тела и половые отношения, кроме грубых, в большинстве своём табуированных названий. Человек, чаще всего, боится называть то, что в жизни сокрыто. Употребляются либо медицинские термины, которые обозначают, как бы уже не самого человека, наделённого душой, характером, индивидуальными чертами, а человека в анатомическом разрезе, тело и части его, как части какого-то механизма. Либо эта сторона человеческого существования обозначается иносказательно.

Делается это ради сохранения целомудрия. Такое деление мира на высокий (горний) и земной (дольний) необходимо. Это основа человеческой картины мира. Прямое же название человеческой плоти и её низменной жизни разрушает эту полярность. В этом случае, земной мир через слова, его обозначающие, опускается, низвергается, обнажая самое грязное и мерзкое, как бы выворачивается наизнанку. Соответственно и горний мир в сознании человека теряет свою чистоту, высоту и низводится до земного, «опошляется», перестаёт быть сакральным, ценным, и, соответственно,

ценности перестают быть таковыми, либо сакральная лексика перестаёт пониматься, и вместе с ней исчезают ценности, которые она обозначает. Картина мира с его обязательным делением на чёрное и белое, добро и зло меняется, становится грязно-серой. На этом фоне зло уже не может выделяться так ярко, как на чёрно-белом и становится как бы незаметным, привычным.

Лексика церковнославянского языка, благодаря своей сакральности, каноничности текстов сохранила живой, одухотворённый образ. В языке молитв нет слов, которые сознательно или подсознательно толкают на зло, все они учат покаянию, прощению, любви, страху Божьему. Последнее особенно важно, так как без страха перед грехом невозможно одолеть притягательность зла.

Всё вышесказанное приводит к мысли об особой важности качества словарного запаса отдельного человека и языка в целом, то есть того, в каких словах человек видит этот мир. По В.Ф. Гумбольдту, язык – не средство общения, а среда обитания. Каждое слово – уже есть поступок. Отсюда особая актуальность современного представления об экологии слова, которая понимается, прежде всего, как необходимость сохранения родного языка, его словесного богатства, чистоты, здоровья. Это наука о целостности языка, о его связи с культурой своего народа. Причём, с введением и изучением таких понятий, как биосфера, ноосфера, семиосфера (по Ю.М. Лотману семиосфера – это реальное пространство слов и других смысловых знаков, охватывающее земной шар) сегодня речь должна идти уже не просто о чистоте литературного языка, но о чистоте реальной окружающей нас энергии слов, которая действует на нас и которой мы действуем на мир.

Русская ценностная картина мира представлена рядом концептов, доминирующим среди которых можно назвать концепт *религиозность* и вытекающие из него: *духовность, соборность, целомудрие, мольба, молитва, благодать, смирение* и др., восходящие к церковнославянскому языку. Однако современное понимание этической нагрузки слов отличается от исторического.

Проанализировав лексику словарей: Энциклопедического словаря «Этика» (2001); Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова (2003); Полного церковнославянского словаря Г. Дьяченко (2001); Толкового словаря русского языка В.И. Даля (2000); Словаря русского языка XI – XVII вв. (1981); Словаря русского языка XVIII века (1988 – 1992), мы смогли заключить, что слова духовно-нравственной сферы неодинаковы по степени этической нагрузки. Наиболее высокое место на этической шкале занимает лексика религиозного характера, обладающая богатым ассоциативным рядом вследствие того, что все первоначальные нравственные представления складываются на основе мифологических и религиозных воззрений. Большая часть такой лексики относится к церковнославянизмам.

Мы отметили, что этический смысл некоторых слов в современном языке воспринимается искаженно. Например, смысл слов в современном их понимании может подменяться в сравнении с первоначальным. Так, изначально *вера* понималась как *истина, правда*, а *верование* – как *поклонение, идолам божествам*; в современном языке *вера* обозначает *уверенность в чем-либо*,

надежду на осуществление, а *верование* трактуется как религиозное понятие. Некоторые слова сохраняют черты лексики пассивного запаса (*обитель* – место обитания чего-либо святого, священного, освященного: *у Бога обителей много*). Многие лексемы имеют в современном употреблении иное значение, однако этическую значимость они приобретают при использовании в первоначальном смысле либо очень близком к нему (*спасение* в современном понимании – *избавление от опасности*, этически – *обретение вечной жизни*). Чаще всего в словах явно религиозного характера наблюдается сужение значения. Так, в словаре церковнославянского языка *благодать* трактуется как *милость, благоволение, благодарность, обилие даров Святого Духа*. В словарях русского языка XI – XVIII веков уже не встречается последнего значения, обладающего наибольшей этической нагрузкой в связи с сакральностью, но появляется *обилие, достаток*. В современном языке слово *благодать* как *ниспосланная свыше сила* считается устаревшим и употребляется в значении *изобилие земных благ*. *Милосердие* изначально *доброе, человеколюбивое отношение* в настоящее время понимается как *благодетель, благосклонность*. Ярким примером может служить изменение этической нагрузки у слова *наказание* от *побуждение к обращению от злых дел, сохранение божественной справедливости* до современного *защита общественной безопасности, воздаяние за преступление*. Слово *покаяние* первоначально обозначало *отказ от греха и примирение с Богом, заключающееся в делании добра*, теперь употребляется в значении *добровольное признание в совершенном поступке*. Существенное сужение этического смысла также наблюдается в словах *свобода* (*право ответственного выбора между добром и злом* в церковнославянском и русском языках XI – XVIII вв. и *возможность поступать, как самому хочется* в современном русском языке) и *смирение* (исторически – *внутреннее состояние упования на Бога (признание его абсолютности)*, сегодня – *право ответственного выбора между добром и злом*) и др.

Можно отметить такую особенность: все слова с высокой этической нагрузкой взаимосвязаны и этически определяются одно через другое (*благодать* определяется через *благо, покаяние, веру*, связана со *спасением*, так как понимается как синергия *божественной благодати* и *человеческой воли; благодарность* – показатель *нравственности, основа доверия, сострадательности, доброжелательности*). Следовательно, изменение значения хотя бы одного слова из цепочки понятий вызывает искажение смысла остальных.

На наш взгляд, состояние современного русского языка, духовное состояние современного человека требует возрождения трепетного отношения к слову, которое невозможно без изучения, понимания, использования высокой лексики. В школах необходимо изучение церковнославянского языка как основы для формирования деления лексики на страты и, соответственно, шкалы духовно-нравственных ценностей. Как писал В.К. Журавлев: «Церковнославянский язык постоянно «подпитывал» русский литературный язык, одухотворял русскую художественную литературу, формировал ее морально-этический и художественно-эстетический облик». Чтобы сохранить духовное здоровье нации необходимо сохранить ее язык.

Литература:

1. Гумбольдт В. Избранные сочинения. – М.: Наука, 2004.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1999.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М., Отчий дом, 2001. – 720 с.
4. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. – М., 1990.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., ОНИКС 21 век, 2003. – 976 с.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1981.
7. Словарь русского языка XVIII вв. – Л., 1988 – 1992.
8. Этика: Энциклопедический словарь / Инст-т философии Рос. АН; под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 668с.

Унгарбаева Г.И. (г. Актобе, Казахстан)

СЛАВЯНИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНСКИХ ГАЗЕТ

В современном русском языке есть множество слов и выражений, генетически восходящих к старославянскому языку, так называемых славянизмов. Славянизмы составили значительный пласт лексики русского литературного языка, состоящий в большинстве своём из слов отвлечённой семантики, относящихся к области религии, церковного быта, морали, философии, культуры. Роль славянизмов в истории русского языка и шире – в развитии духовной жизни русского народа велика: посредством этих слов шло восприятие русским народом христианской религии и греческого культурного наследия, что нашло отражение в русском литературном языке.

Без сомнения, старославянская лексика осознается журналистами как одно из средств стилистической выразительности. Это положение подтверждается весьма частотным употреблением в СМИ рассматриваемых лексем.

Обратимся, во-первых, к славянизмам фонетическим. Ведущее место занимают здесь неполногласные слов, являющиеся представителями генетических славянизмов. В русском языке отнюдь не все неполногласия могут служить стилеобразующими средствами. Ими могут быть лишь те, которые вышли из активного словоупотребления, поскольку имеются активно функционирующие и полногласные эквиваленты. Полногласием мы называем явление, когда в русском языке в соответствие с церковнославянским сочетанием -ра- между согласными имеются сочетание –оро-, в соответствии с церковнославянским –ла-, -ле-, между согласными –оло- (но после шипящих-ело).

С функциональной точки зрения, самым ярким и показательным является, на наш взгляд, употребление славянизмов с фонетическим оформлением для придания речи высокой экспрессии. Обратимся к конкретным примерам:

I. Слова с корнем –глав-

1. По просьбе «Казахстанской правды» глава Национального банка прокомментировал ситуацию с пенсионными накоплениями и их инвестированием. (Казахстанская правда. Создать баланс системообразующих и средних банков. 24.10.2014).

2. Главным же событием стало торжественное открытие флагштока, установленного на фоне монументального панно, на котором отражена история Степногорска и Казахстана. (Казахстанская правда. Вечно юный Степногорск. 24.10.2014).

3. В день трагедии глава Европейской комисит Жозе Мануэль Баррозу подал новый пример одержимости пограничным контролем. (Казахстанская правда. Лампедуза: хроника трагедии. 21.01.2015).

4. Депутат от лейбористской партии Франк Филд обратился на прошлой неделе к главе МВД Терезе Мей с просьбой проводить комплексные проверки в странах, откуда прибывают беженцы. (Казахстанская правда. Британская оппозиция требует от правительства проверять беженцев на предмет криминального прошлого. 21.01.2015).

В толковом словаре Ожегова читаем:

Глава-1. То же, что голова (в 1 знач.) (устар. и высок). *Склонить главу.*

2. Руководитель, начальник, старший по положению. *Глава государства. Глава учреждения. Глава делегаций. Глава семьи .*

3. Купол церкви. *Глав собора*

Главный-1. Самый важный, основной. *Главная мысль доклада. Главная улица.*

2. Старший по положению, а также вообще возглавляющий что-нибудь. Главврач больницы.

3. Главное, в одн.сл. Подчеркивает то, что важно, особенно существенно. Он, главное, сначала согласился [1,131].

Мы видим, что в газетных публикациях, наибольшее предпочтение журналисты отдают славянизму глава в значений «руководитель» (1,3,4), главный в значении «основной» (2). Слова старославянского происхождения, часто имеющие русские параллели, но отличные от них значение, именно обозначающие книжные, отвлеченные понятия; они являются принадлежностью литературного языка и его книжных стилей в отличие от народных говоров. Ср: глава-голова.

II. Предлог пред:

В современной периодике мы находим немалое количество неполногласных вариантов предлога перед-пред. Архаическая форма совмещает версификационную и стилистическую функции. Последняя заключается в том, что неполногласный вариант, являясь атрибутом высокого слога, служит также для придания речи большей выразительности.

1. В то же время, выступая *пред* студентами области, аким региона отметил, что в павлодарском Прииртышье в неудовлетворительном состоянии находится порядка 1200 км дорог. (Казахстанская правда. Отвечая на вызовы современности. 24.10.2014).

Пред-кем-чем, предлог (высок.). То же, что перед. Пред входом в святилище. Пред новой эрой.

III. Слова с корнем –млад-

1. Но есть на заставе «Геопартия» три настоящие семьи – старшины заставы Азата Еркинбаева, старшего техника заставы *младшего* сержанта Сабита Чегирова и водителя *младшего* сержанта Дараева. (Казахстанская правда, Родная застава, 24.10.2014).

2. 258 тыс. человек, половина из которых – дети *младше* 5 лет, стали жертвами голода в Сомали. (Казахстанская правда. Жертвы Сомали. 20.01.2015).

3. Одно- родителей купили сами, а на одно – для *младшей* правнучки – я добавила из своей пенсии. (Казахстанская правда. На благо Отчизны. 5.02.2015).

Младой (млад, млада, младо-)-То же, что молодой. *Младая дева. Стар и млад. Младые мечты* [1;359].

Примеры вошли в основную группу общеупотребительных, стилистически нейтральных русских слов.

IV. Слова с корнем –древ-

Лексемы с этим корнем, по наблюдениям исследователей, широко применяются в средствах массовой информации с той или иной целью. Казахские СМИ не являются в этом смысле исключением. Рассмотрим следующие примеры:

1. Один из наиболее *древних* и особенно значимых памятников казахских родов и племен начался глубокой *древности*. (Казахстанская правда. Символ нашего единения. 24.10.2014).

2. В музее, не имеющем аналогов в Центральной Азии, на площади в 74 тыс. кв. м собраны археологические, историко-культурные памятники Казахстана – начиная с *древнейших* времен, что дает полное право называть его научным и духовным центром страны. (Казахстанская правда. О чем говорят экспонаты, 21.01.2015).

Древний-1. Существовавший или возникший в отдаленном прошлом, очень давний. *Древние придания. Древние языки. Древняя история.* 2. Очень старый. *Древний старик.*

3. Байтерек- это *древо* жизни, а реке жизни течет в людях, которые Адама дар(адамдар). (Казахстанская правда. Евразия в лик слова. 30.01.2015)

Древо-(устар.). То же, что дерево (1 знач.). Древо жизни (высок.)-сама жизнь, само существование. Древо познания(высок.)-само познание. Растекаться мыслию по древу (книжн.ирон.)-беспорядочно переходить от одного к другому в мыслях, в словах[1,179].

4. На координационном совете для включения в Карту индустриализации СКО одобрена заявка ТОО «Углежог» на строительство мини-завода по глубокой переработке *древесины*. (Казахстанская правда. Друзья и недруги МСБ. 30.01.2015).

Древесина-1. Покрытая корой твёрдая часть дерева или кустарника, а также плотная часть растения, проводящая воду и питательные вещества от

корней ко всем другим органам. *Ежегодное нарастание древесины. Ядро древесины. Волокна древесины.* 2. Брёвна и другие лесоматериалы. *Заготовка древесины.* [1,179].

В примерах (1, 2) употребление слова с неполногласием служит для создания атмосферы значительности. На примере (3) мы не можем отнести к словам высокого стиля, оно входит в состав стилистически нейтральных русских слов.

V. Слова с корнем –здрав-

1. Есть надежда, что *здравый* смысл и культурные традиции возьмут вверх, и образцом в этом смысле выступают состояние и тенденций развития института семьи в нашей стране. (Казахстанская правда. Вера в победу здравого смысла, 24.10.2014).

2. Риск снижения уровня защиты прав представительниц слабого пола, и прежде всего социальных прав, присутствует и в других странах, например, в Греции в отношении доступа женщин к *здравоохранению*, а также в Ирландии в отношении пособий на детей. (Казахстанская правда. Под ударом – семейное ценности. 21.01.2015).

3. Будем надеяться, что события у Лампедузы привнесут хоть немного *здравомыслие* и, не побоимся этого слова, человечности в обсуждение иммиграционных вопросов. (Казахстанская правда. Лампедуза: хроники трагедии. 21.01.2015).

4. Оно стало результатом политики пограничного контроля на рубежах ЕС, авторы которой отказываются *здраво* оценить возможные последствия. (Казахстанская правда. Лампедуза: хроники трагедии. 21.01.2015).

Здравый-1) Толковый, рассудительный, трезвый. Здравый ум. Здравая мысль. Здраый смысл (рассудок). Здраво (нареч.) судить о чем-нибудь.

2) В некоторых выражениях: то же, что здоровый. Здравом уме и твердой памяти кто-нибудь (хорошо соображает, все помнит) [1;227-228].

Неполногласное слово в (примерах 2,3) мы будем считать стилистически нейтральным. Стоит отметить, что неполногласный корень – здрав - очень часто встречается в составе сложных слов: здравомыслие, здравоохранение и т.д. В примерах (1,4) употребляется в значениях толковый, рассудительный, трезвый.

VI. Слова с корнем –сред-

Данные лексемы несут стилистическую нагрузку, что видно из контекста: эти неполногласные слова всегда определяют сердцевину чего-то.

1. В Волгограде и Дзержинске стартовал XXIII открытый чемпионат России по водному поло *среди* женских команд. (Казахстанская правда. Этот опыт пригодится. 25.10.2014).

Среди-1. В среде кого-нибудь, в составе кого-нибудь множества. *Воспитательная работа среди молодежи. Герои среди нас.*

2. Употребляется при обозначении субъекта кого-нибудь, в кругу кого-нибудь. *Среди специалистов возникли сомнения.* [1; 761]

2. В *среднем* количестве зарегистрированных кандидатов на каждых выборах депутатов маслихатов вместо выбывших оставляет около 140

человек, что соответствует данным текущей избирательной компаний. (Казахстанская правда. Выборы обещает быть скучными. 24.10.2014).

Средний-1. Находящийся в середине, между какими-нибудь крайними точками, величинами, промежуточный. 2. Представляющий собой величину, полученную, делением суммы нескольких величин на их количество. 3. То же, что посредственный.

В примерах (2) употребляется в значениях между концом и началом какого-нибудь, периода времени середине.

VII. Слова с корнем –град-

1. А весной 1942 года вели активные действия в обороне, чтобы оттянуть противника от *Сталинграда*.

2. Они стали единым тылом *Сталинградских* сражений. (Казахстанская правда. Общая память, единая цель. 4.02.2015).

Град - То же, что город.

Во всех (1,2,3,4) примере мы видим употребление данного славянизма в составе названии городов, что еще раз говорит нам о том, что слова град и город синонимичны, отличающиеся только сферой употребления.

VIII. Сочетания –ра-, -ла- в начале слова.

1. В грязевом потоке твердая масса примерно *равна* количеству воды, поэтому его общий объем может удвоиться. (Казахстанская правда. Акыртас: еще одна версия. 21.01.2015).

2. Подвиг Советской армии не имеет себе *равных*. (Казахстанская правда. Самый «круглый» юбилей).

Равный - Одинаковый, совершенный сходный, такой же (по величине, значению, качеству, правам) [1,639].

3. А в последнее время повышенный интерес к катанию на льду вызвали еще *разнообразные* телевизионное шоу. (Казахстанская правда. На паре серебряных коней. 21.01.2015).

4. Здесь производятся двери *разных* видов, деревянные заборы, клееный профилированный брус и весь спектр погонажных изделий. (Казахстанская правда. Набирает завод обороты. 21.01.2015).

Разный - Неодинаковый, несходный в чем-нибудь [1,652].

В примерах (3,4) употребляется в значениях неодинаковый.

IX. Начальное Е вместо О.

В следующих примерах фонетическим признаком славянизма является начальное Е вместо О. Необходимо отметить различия между славянским и русским вариантом. Русским вариант (с началом О) имеет более конкретную семантику и является стилистически нейтральным. Славянизм же, напротив, служит для создания высокого, торжественного пафоса.

1. Ему вторит русский мыслитель Владимир Соловьев, утверждая, что целостной, универсальной личностью может быть только *единство* мужчины и женщины. (Казахстанская правда. Вера в победу здравого смысла. 25.10.2014).

Единство-1) Общность, полное сходство.

2) Цельность, сплоченность .

3) Неразрывность взаимная связь [1,186].

2. «Танбалы тас»-своеобразный документ *единения* всех кочевых родов в степи в одно целое, документ их дружбы и взаимопонимание. (Казахстанская правда. Символ нашего единения. 25.10.2014).

Единение-Тесная связь,приводящая к единству, сплоченности.

3. Теперь Нацбанк как управляющий *Единым* НПФ использует два инструмента в работе с банками.: 10-летние депозиты под 9 % годовых и валютно-процентные свопы на год-три-пять лет. (Казахстанская правда. Создать баланс системообразующих средних банков. 25.10.2014).

В примерах (3,4) славянизмы сходятся в одном соответствующий им русский вариант-слово «один». В примере употребляется в значениях неразрывность, общность взаимная связь.

Х. Чередование *д-жд* вместо русского *т-ч*, начальное *ю* (при русском *у*), начальное *а* (при русском *я*):

1. Начинаящий модельеры создали *одежду* вручную, используя только натуральные и разные по факторе ткани (Геометричный крой, национальные узоры, Казахстанская правда 24.10.2014).

Одежда-совокупность предметов, которыми покрывают, облекает тело.

2. По его словам, данная структура могла бы способствовать решению вопроса обеспечения продбезопасности Египта, а также реализовать программы помощи *нуждающимся* странам. (Казахстанская правда. В конструктивном ключе. 25.10.2014).

Нужда-1. Недостаток в необходимом, бедность.

2. То же, что потребность [1,423].

3. В этот день на лед высокогорного катка «Медео» вышло около тысячи *юношей* и девушек национальных костюмах, представляющих 36 этнокультурных объединений. (Казахстанская правда. Флэшмоб на высокогорье. 4.02.2015).

Юноша - мужчина в возрасте, переходном от отрочества к зрелости [1,917].

4. В Никольской церкви сначала освятили придел святой великомученицы Варвары, а 15 декабря 1946 года был *освящен* и центральный придел Святителя и чудотворца Николая. (Казахстанская правда. Подвиг веры. 21.01.2015).

Освещение-Свет от какого-нибудь источника [1,461].

5. Давно ходили легенды, что его золотые запасы спрятаны в Айыртауских горах, *в пещере*, где белогвардейцы укрывались от красных.

Пещера-углубление, полое пространство под землей или в горном массиве, имеющие выход наружу [1,517].

В примерах (1) употребляется славянизм одежда, по-русски одежда. В примере (2) употребляется славянизм *нужа*, по – русски *нужда*. В примере (3) употребляется славянизм *юноша*. В примере (4) употребляется славянизм *освещение*, в примере (5) употребляется славянизм *пещера*.

Нельзя не заметить, что некоторые из вышеуказанных славянизмов, пришли к нам из сферы религиозной. Естественно будет отметить их функцию создания высокой экспрессии речи. Уже после XIV-XV вв. в русской письменности, а затем и в устной закрепились такие слова, как *вождь*, *одежда*,

нужда, жажда, юноша, юдоль, другие, вытеснив из литературного языка русские вожь, одежда, нужда, жажа, уноша, удоль.

В нашем понимании термина «славянизм» стилистическое и генетическое объединено. Несомненно, что основная масса церковнославянских по происхождению слов относится к книжной лексике. Употребление славянизмов в проанализированных текстах рассматривается нами как показатель книжного характера их словарного состава. Будучи словами книжной речи, рассматриваемые славянизмы не могут считаться вполне нейтральными стилистически. Однако следует отметить, что их стилистическая окраска не вызывает (большинстве случаев) представления ни о патетике, ни о высоте, и особых стилистических заданиях - придании высокого торжественного звучания речи, передаче высоких эмоций и т.п., - которых они выполняют. Некоторую часть проанализированных славянизмов можно назвать просто «русской книжной лексикой», по определению Л.Л.Кутиной.

Примечания

1. Ожегов С.И и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2009.

Куздыбаева А. А. (г. Актобе, Казахстан)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Зоофразеологизмы в русском языке являются прямым отображением этнокультурных условий, в которых формировался лексический фонд этого языка. Зооморфизмы, как и другие образно-выразительные фразеологические единицы, придают речи особую яркость, красочность. Это достигается тем, что в их построении удачно использованы самые разнообразные средства образной выразительности: переносное, метафорическое значение, сравнение, гипербола, аллитерация и т. д.

Зооморфизмы выражают оценку состояния лица, оценку действий и манеры поведения лица, некоторые черты внешнего облика человека получают свою эмоциональную оценку в системе анималистической метафорики: мокрая курица – «человек нелепого и жалкого внешнего вида», драная кошка – «женщина исключительной худобы, крайне измождённая», слон в посудной лавке – «человек исключительно неповоротливый, неуклюжий», змея в корсете – «человек исключительно тоненький, худенький». Образы всех перечисленных выше зооморфизмов не только собственно метафорические, но в значительной степени и гиперболические (реально даже самое невесомое и тоненькое создание всё-таки полнее змеи в корсете) [1].

Лексико-семантическое образование существительных со значением лица на основе метафоризации тесно связано с развитием полисемии слова.

Н.М. Шанский определяет это языковое явление как «процесс превращений разных значений одного и того же слова в разные слова, осознающиеся как этимологически самостоятельные и независимые, или как процесс закрепления за словом нового значения, не связанного со свойственным ему ранее значением отношением производности» [2]. Лексико-семантические дериваты со значением лица - это полноправные лексические единицы современного русского языка. В них отражена социальная оценка лиц, их занятий, оценка предметов обихода и т. п., закрепившаяся в семантической структуре слова. Возникают лексико-семантические дериваты в живой разговорной речи и быстро проникают в литературный язык, обогащая его словарный состав. Лексико-семантическое образование существительных со значением лица затронуло прежде всего конкретные существительные, обозначающие неодушевленные предметы, явления действительности, животных, птиц, человека. Как утверждает С.Л. Аконова, «лексико-семантическая деривация существительных со значением лица на базе метафорического переноса осуществляется по определенным моделям, основывающимся на принадлежности слов к той или иной тематической группе и тяготению к метафорической трансформации значений» [3]. Она выделяет пять групп лексико-семантических дериватов в соответствии с мотивационной основой образований:

I. От названий сфер жизни и деятельности человека: барин, матрона, холуй, обыватель.

II. От названий предметов обихода: чурка, столб, квашня, пешка.

III. От названий животных: свинья, слон, корова.

IV. От названий растений: баклажан, пальма.

V. От названий явлений природы: гроза, ветер.

Из них непосредственный интерес представляет группа лексико-семантических дериватов от названий животных, то есть зооморфизмы.

В изучении данного явления языка необходимо определить его истоки, которые оказываются довольно-таки глубокими. По мнению Е.Н. Ивановой, «перенос наименования с животного на человека представляет собой экспликацию древнейших представлений о взаимосвязи мира животных и мира человека: истоки образа лежат в мифе о животном и в бытовых, прагматических представлениях народа» [4]. Существует также комплекс компаративов с константным компонентом «нужен»: нужен как собаке пятая нога, нужен как рыбе зонтик, нужен как слону перчатки, нужен как мартышке книжки (предмет в сочетании с реально несовместимым с ним предметом [5]).

Устойчивые сравнения как средства изобразительности разделяются на два основных типа: 1) сравнения позитивной оценки и 2) сравнения негативной оценки. Рассмотрим их последовательно. Сравнения позитивной оценки делятся на два разряда: 1) поэтические сравнения и 2) живописующие компаративы.

1. Поэтические сравнения (наглядно-образная основа даёт поэтический рисунок, с наибольшей полнотой и отчётливостью выражающий ту

особенность, которая заинтересовала нас в объекте мысли): плывёт как лебедь белая.

2. Живописующие сравнения (наглядно-образная основа даёт яркий, живописный образ, наглядный и впечатляющий, вызывающий логически чёткое представление о какой-то особенности сравниваемого объекта): вост как волк на морозе, крутится как белка в колесе, плавает как рыба в воде.

Второй крупный функционально-изобразительный тип составляет устойчивые сравнения с экспрессией отрицательного отношения к чему-либо или кому-либо. К ним относятся зооморфизмы с различной оценочно-характеристической окрашенностью: неодобрительно-обличительные, иронические, сатирические. В них наглядно-образная основа помогает создать отрицательное, неодобрительное или резко осуждающее отношение к объекту сравнения: грязен как свинья, любит как собака палку, труслив как заяц, зверем смотреть, надулся как мышь на крупу. Наглядно-образная основа может давать экспрессивный образ, используемый в сатирических целях: устойчив как корова на льду, говорит, как лошадь хомут тащит, разговорчив как устрица.

Зооморфизмам русского языка присуще оценочное значение, т. е. положительная или отрицательная характеристика лица или предмета со стороны его устойчивых, постоянных свойств, а не случайных и временных.

Таким образом, сопоставление с животными даёт большой ряд изобразительных эффектов, создаёт целую серию образно-выразительных средств, которые в отличие от индивидуально-авторских сравнений не только характеризуются общеупотребительностью, определённой частотностью использования, воспроизводимостью, но и не уступают им в чёткости, выразительности образа, в эмоционально-экспрессивных достоинствах.

Зоометафоры демонстрируют, что к положительно оцениваемым личностным качествам мужчины русская культура относит силу, храбрость, смекалку, молодость: бык, орёл, сокол; брови соболиные, очи соколиные, сам орёл, а к отрицательным, кроме отсутствия вышеназванных, считают невоспитанность, грубость, безынициативность: медведь, свинья, козёл, рыба. Отношения мужчины к женщине в русском языке рассматриваются и как поэтически-возвышенные, восходящие к фольклорной традиции (селезень, утица), и как приземлено-бытовые (жеребец 'половозрелый, сексуально активный'; кот 'похотливый, сластолюбивый'; козёл 'похотливый'; сильный негативный оттенок несёт зоовокатив кобель 'мужчина, охотящийся за каждой юбкой').

В русском языке много метафор с компонентом-зоонимом. Например, мы говорим «пустить красного петуха» вместо «поджечь». Такие зооморфизмы образованы в результате переносного употребления словосочетаний и очень многочисленны и разнообразны в русском языке, например: птица невысокого полёта, подложить свинью, гора родила мышь, лошадь — человеку крылья, свинья в ермолке, синяя птица, белая ворона, вольная птица, гусь лапчатый, канцелярская крыса, крокодиловы слёзы, лебединая песня, медвежий угол, морской волк, осиное гнездо, стреляный воробей, козёл отпущения, собака на сене [6].

Наглядно-образная основа – это вещественно-наглядное представление на основе отражения простого осязаемого предмета, в роли которого выступает животное, они представляют изображаемое в более яркой, наглядной, красочной форме. Изобразительная функция – это функция живописания: метафорический фразеологизм одевает предмет изображения в яркие, живописные одежды, придаёт почти физическую осязаемость.

В русском языке существуют также зооморфические глаголы типа обезьянничать – подражать, лисить – хитрить. Зооморфические глаголы представляют собой языково-речевые единицы с двойной корреляцией: они связывают сферы «Вселенная» (как фаунизмы по происхождению) и «Человек» (как функциональные средства создания характеристики), по иной терминологии, они объединяют объекты «живая природа» и «люди». Зооморфические глаголы входят в разряд славянских субъектных глаголов, предметом наименования которых является не только «сам глагольный признак, но и сопутствующие ему обстоятельства способа, цели, интенсивности действия и т. п.»: ишачить – работать тяжело, безропотно, павлиниться, бычиться, петушиться. Расширение сферы их действия происходит за счёт «исходного» (анималистического субъекта, т. к. они начинают соотноситься и с субъектом-животным, ср.: завбазой окрысился – собаки, тигры, кошки окрысились; ребята съёжились – собаки, тигры, кошки съёжились; галопирует лошадь, человек, инфляция).

Зооморфические глаголы соотносятся чаще всего с компаративными конструкциями. Между исходным зоонимом и зооморфическим глаголом лежит целая лингвистическая эпоха формирования и накопления сравнительных оборотов с выразительной пейоративной (реже – мелиоративной) установкой (ср.: хитрый как лиса, злой как собака) и их последующего «стяжения» в синтаксические дериваты типа «лисить», «собачиться» и пр.

Самой активной для зооморфических глаголов является форма повелительного наклонения (не ершись, не петушись и пр.). Русские зооморфические императивы входят в широкую систему повелительно-побудительных форм и конструкций, выделяясь в ней особой эмоционально-экспрессивной окраской. Зооморфические глаголы выражают в своём большинстве негативные действия и потому нуждаются в системе определённых запретов: не петушись, не бегемотничай, не обезьянничай и др. Положительные формы зооимперативов довольно редки, что, несомненно, ещё более усиливает их экспрессивную оценочность. Для того, чтобы зооимперативы заменили общеязыковые (нейтральные) глаголы в повелительном наклонении, необходима дву- (и более) субъектная ситуация и своеобразный «эмоциональный накал», способствующий синонимизации. Подобное функциональное взаимодействие зооимперативов с другими экспрессивными и нейтральными элементами создаёт неповторимый колорит современной русской речи [6].

Проблема национальной языковой картины мира продолжает оставаться актуальной в современной лингвистике.

Наименования животных (зоонимы) в русском и казахском языках относятся к наиболее древнему пласту специальной лексики, в которой фиксировались итоги познавательной деятельности человека по освоению окружающего мира. В зоониме, как и в слове, происходит “распредмечивание национальных словесных образов, выражаемых языковыми средствами” (Д.С. Лихачев). Последнее позволяет говорить о том, что специальная лексика выступает частью национальной языковой картины мира, в которой отражаются особенности национальной культуры, нравов и обычаев, преданий и верований. Относительная устойчивость этой лексики в обоих языках является следствием традиционности наименований животных, особенно в дотерминологический период.

Корпус зоонимов в обоих языках формировался за счёт средств самого языка (фонетических, грамматических, словообразовательных, лексических), поэтому можно говорить о том, что для зоонимов обоих языков универсальным становится свойство структурной и семантической мотивированности языкового знака. Особенно интересным представляется этот процесс с точки зрения сопоставительного исследования двух типологически неродственных языков.

Общеизвестным фактом является существование тотема волка в сознании тюркских народов. Так, тюркские племена считали своим «хранителем» и «защитником» волка (көк бөрі). Названия көк бөрі, көкжал бөрі не были связаны с темно-серым окрасом животного, а выражали его принадлежность к синему небу, к высшим небесным силам, присваивая свойства «храбрый», «священный», «сильный». Изображение волка на флагах тюркских племен было обязательным атрибутом.

Этим и другими факторами обусловлено символическое значение данного животного в жизни тюркоязычных народов. В казахском языке можно встретить образные выражения, паремиологические единицы, нашедшие отражение в языке в результате мифологического восприятия и древних поверий казахского народа. Древние предки казахов, в отличие от их современных потомков, употребляли в пищу мясо животного, убитого волком, поскольку считалось, что оно убито священным для тюрков животным. У казахов было много поверий, связанных с волком. Так, если путнику встречался волк, это считалось хорошей приметой, если в семье после рождения умирали дети, на шею новорожденного ребенка вешали амулет из волчьего клыка. Это должно было способствовать долголетию ребенка, защищало его от сглаза. Сильного противника казахи называют «отважный», «смелый».

В славянской мифологической символике волки, наряду с собаками, объединяются с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность. Согласно славянским легендам, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом, волк бросается на черта и хватает его за ногу. Определяющим в символике волка является признак «чужой», он соотносится с миром мертвых, предков, «ходячих» покойников и др. Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он

боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Волк воспринимается древними предками русских как «инородец» (ср. стаю волков называли «ордой», в заговорах волков называли «евреями»).

Универсальным для казахского и русского мифологического образа волка является то, что волк считался посредником между людьми и силами другого мира. Также считалось, что задирая скотину, волк действует не по своей, а по Божьей воле (ср.: что у волка в зубах, то Егорий дал). Похищение волком скота воспринимается нередко как жертва и сулит хозяину удачу. Так же, как в казахском, в русском языке существовало табу, связанное с названием животного, которое заменялось эвфемизмами «серый», «зверь», «кузьма», «бирюк», «лыкус» и др. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служили амулетами и обладали лечебными средствами у славян. Волчий зуб давали грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Волчий хвост носили при себе, чтобы избежать недомоганий и болезней. Нередко оберегом считалось произношение и упоминание имени волка. Так, о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорили: «Это не теленок, а волчонок». При этом были поверья и приметы негативного содержания: вой волков предвещал беду, голод, вой волков под домом — войну, осенью — дожди, зимой — метель. Волк, забежавший в деревню, был верным признаком неурожая, множество волков сулили войну.

Таким образом, можно говорить об огромной социальной, культовой и ритуальной значимости образа волка с древнейших времен для тюркских и славянских народов.

Тем не менее, несмотря на тотем волка у тюркских народов, существует общепринятая, универсальная для казахского и русского народов узуальная коннотативная семантика данного зооморфизма. Название животного волк/касқыр в русском и казахском языках зачастую является описанием жадного, злого, вероломного человека. Подтверждением тому является паремиологическое отражение зооморфизма в русском языке: Сколько волка не корми — он все в лес смотрит, соответствующее казахскому Асыранды касқыр да далаға карап ұлиды (Прирученный волк все равно воет в сторону степи), Волк в овечьей шкуре, Волком быть, Смотреть волком и др. В казахском языке выделяются следующие: Бөрінің аузы жесе де кан, жемесе де кан (Украл волк или нет, а пасть у него всегда в крови), Қасқыр қасқырлығын қоймайды (Волк не перестанет быть волком), Қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады (Волка бьют не за то, что он сер, а за то, что он овцу съел), Қасқыр қарызын терісімен төлейді (Волк собственной шкурой расплачивается за долги), Қасқыр мен ұры мінездес: екеуі де түнді аңиды (Вор, как и волк, любит ночь), характеризующие постоянство признаков «жадность», «ненасытность». Отсюда следует, что общая коннотативная семантика зооморфизма волк является тождественной для русского и казахского языков.

Важным свойством зооморфной метафоры является то, что образ животного, выбираемый в качестве основания для сравнения, опирается на национальные стереотипы сознания.

В казахском национальном языковом сознании образ лошади, представленный синонимическим рядом жылкы, ат, тұлпар, ассоциируется с такими качествами человека, как быстрота, грация, изящество, хорошая порода. У казахов существовала традиция преподносить в дар молодоженам, особо почитаемым родственникам лошадь. Также имела место возрастная градация, в которой есть определение возраста мальчика, выраженное фразеологизмом Ат жалын тартып міну (букв. взбираться на лошадь, ухватившись за его гриву) в значении «повзрослеть, возмужать».

Для носителя русского языка лошадь — трудовое животное, ассоциирующееся с большим, тяжелым трудом в поле и на подворье, перевозкой тяжелого груза. Следует отметить, что в основе таких устойчивых сравнений с образом лошади, как работать как лошадь, пахать как лошадь, ломовая лошадь и другие лежит факт из быта русского народа — запрягать лошадь или несколько лошадей (ср.: тройка лошадей) в упряжку, перевозить на лошадях людей, груз и др. По этой причине образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком. У казахов, напротив, отсутствовала традиция запрягать лошадь в упряжку, лошадь, как правило, считалась предметом достатка и гордости хозяина, поэтому ее берегли, за ней ухаживали, кроме того, лошадь являлась участницей национальных скачек (байги, кокпар и др.), где оценивались не только ее сила, скорость и выносливость, но и внешний вид.

Таким образом, в русском языке лошадь — символ тяжелой, трудовой деятельности, а в казахском — символ свободы, красоты и грации. Этот факт нашел отражение в геральдике суверенного Казахстана: на гербе нашей республики изображена лошадь с крыльями, которые служат дополнением символа свободы (ср.: ат — адамның қанаты). В плане содержания данный зооморфизм реализован в следующих образных сравнениях: аттай шабу, тұлпардай ұшу — «передвигаться быстро, грациозно как лошадь» и др.

Таким образом, казахские и русские зооморфизмы относятся к широкому разряду языковых единиц с производно-номинативным значением и являются составной частью экспрессивного фонда сопоставляемых языков. Узуальное коннотативное значение казахско-русских зооморфизмов создает в языковом сознании стереотипные ассоциации, связанные с тем или иным образом животного в культурной и национальной картине.

Примечания

1. Астахова Э. И., Баранов А. И., Беляева Е. В. Фразеология в машинном фонде русского языка. — М.: Наука, 1990.
2. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. — М.: «Просвещение», 1978.
3. Брославская Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках // Вестник МСУ. — 2001. т. 4. — № 6.

4. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
5. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. – М, 1997.
6. Сансызбаева С.К. Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов. – СПб.: Вестник КарГУ, 2012.

Пороль О. А. (г. Оренбург, Россия)

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Преодоление символизма, раздвоенности, восстановление целостного мировоззрения стало возможным после обращения русских поэтов к Логосу, библейскому Слову. Осознание онтологических высот, однако, было у поэтов очень разным: интуитивно-трепетным у Мандельштама, пророчески-весомым у Гумилёва, церковно-бытовым у А.Ахматовой.

О.Э. Мандельштам в статье «О природе слова» (1920-1922) сказал: «Русская история идёт по краешку, по бережку, над обрывом и готова каждую минуту сорваться в нигилизм, то есть в отлучение от слова» [1: 222]. Примечательно, что эпиграфом к своей статье Мандельштам поставил стихотворение Н.С. Гумилёва, в котором вполне раскрывается изначальная природа слова – Логос:

Но забыли мы, что осияно
Только слово средь земных тревог.
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.
(«Слово», 1919)

Происходившие в России социально-экономические и социально-культурные процессы в первой трети XX века способствовали возникновению ощущения драматизма земного бытия у многих поэтов и писателей. Очутившись в круговороте совершающихся потрясений, приняв или отторгнув изменения мира, культурная элита пыталась обрести себя, найти своё место во времени и пространстве. Обращение к инобытию, к новым преобразованным религиям и, наконец, к Логосу – стало попыткой заполнить возникший духовный вакуум.

Одним из истоков возникновения смыслоорганизующей поэтики акмеистов является обращение художников к Логосу. Всё это так свойственно пушкинскому времени, названному «Золотым веком русской поэзии». В работе «Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм» Ханзин-Лёве комментирует название поэзии начала века: «... потому и эпоха

трактовалась как «серебряный век» (т.е. как «век», следующий за золотым и из него «исходящий»). Лунный мир тоже имеет серебряную окраску, в нём нет той многоцветной палитры, которая отличает солнечный мир с его символикой красок и цвета. Лунный мир бесцветен, точнее, чёрно-бел, это серое на «сером», «тусклом», «бледном», или же он просто бел, что служит выражением абсолютного небытия... Луна отражает лучи соляного мира» [2: 199-200].

Можно утверждать, что одной из ведущих книг, повлиявших на сложившуюся поэтическую концепцию Блока, стала книга Екклесиаста. О влиянии библейской книги на творчество поэта было упомянуто в исследовании Н.А. Кожевниковой «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века». Рассматривая семантику образов кругового движения в поэзии начала XX-го века, она пишет: «Непосредственно вдохновленные идеей «вечного возвращения» Ницше, они восходят к образу из Экклезиаста: «все возвращается на круги свои» и приводит цитату из Блока: «круг постылый бытия» [3: 43].

В рамках небольшой статьи сложно охватить всё творчество поэта, но необходимо, пожалуй, остановиться на произведении, хорошо всем известном: поэме Блока «Двенадцать».

Образ Христа (хотел того сознательно поэт или не хотел) должен был возникнуть в финале поэмы как антиномия стихиям зла, фольклорный вариант «добро побеждает зло», как библейское из Екклесиаста: «Всё возвращается на круги своя». С этой точки зрения уместно провести текстуальные параллели из стихотворением Блока «Под вечер лет с немим вниманьем», к которому поэт обращался в 1900 и в 1920-х годах.

.....

На молодых весенних грёзах
Подстережёт меня недуг,
Для опочившего на *розах*
Замкнётся *жизни светлый круг*

(«Под вечер лет с немим вниманьем...», 1900, 1920).

Лексика последней строфы стихотворения перекликается с лексикой последней строфы поэмы «Двенадцать».

Снежной россыпью жемчужной,
В *белом венчике* из *роз* –
Впереди – *Исус Христос*.

Жизни светлый круг семантически тождественен *белому венчику из роз*. *Христос* – в славяно-русской традиции символизирует *жизнь*.

Известно, что, создавая свою поэму, поэт находился в «молодых весенних грёзах». Блок в 1920 году о создании поэмы писал: «Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики [4:378].

Интересны «странные сближенья» «случайных» слов и образов. Сознательно или бессознательно автор произнёс слово «радуга»? Известно, что радуга – небесная дуга, договор Бога с человеком; символ, известный в

христианской культуре. В статье «Душа писателя» (1909). Блок говорит о необходимом писательском даре быть «больше себя». Такое состояние располагает писателя не потерять «ценность первоначальности», слышать стихию творчества над создаваемым текстом.

Образ Христа в поэме Блока возникает не случайно. Он вполне закономерен, если внимательно отнестись к пониманию поэтом времени. Поэт пытается соотнести настоящее с прошлым. Два года раньше в стихотворении «Демон» (1916) он уже ответил для себя на вопрос, откуда возникает опустошённость и усталость: она у тех, кто теряет нить времён.

И у тех, кто *не знал*, что *прошедшее* есть,
Что *грядущего* ночь *не пуста*, –
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста.
(«Демон...», 1916).

В поэме «Двенадцать» сильна антиномия старого и нового мира. Настоящее отвергает прошлое, отказывается от тысячелетней традиции.

Товарищ, винтовку держи, не трусь
Пальнём-ка пулей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В тостозадую!

Эх, эх, без креста!

Образ Христа должен был возникнуть в сознании автора, потому что им озаменовано будущее, отвержение которого приводит к возникновению в поэме «Двенадцать» страшного изображения внутренней пустоты человека.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди ...
Чёрная злоба, святая злоба ...
Дальше – своеобразный выкрик:
Товарищ! Гляди
В оба!

«Гляди / В оба!», потому что «Эх, эх, без креста!», потому что более нет (или почти нет) народного: «Молись иконе и будь спокоен».

Интересна мысль Блока о народной стихии в статье «Стихия и культура»: «...Учёные сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения; что там ещё не отвердела земная кора. А уверены ли мы в том, что довольно «отвердела кора» над другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихией – стихией народной?».

В поэме Блока в народной стихии (народном сознании) нет Христа.

В Библии много лексем, связанных с движением для описания религиозной и нравственной жизни человека, его нравственных и духовных исканий. Лексема *путь* в Библии – одна из частотных: «Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» (Пс. 1, 6).

Христианство в Библии (Евангелии) осмыслено как Путь: Глагола ему Иисус: Аз есмь путь и истина и живот: никтоже приидит ко Отцу, токмо мною

(Ин. 14, 6), т.е. истинный путь по Библии – Христос. Без Христа – вечное «кружение». В статье «Безвременье» (1906) Блок напишет: «Горе тому, кто заглядится в стеклянный астральный взор. Он обречён на *игру случайностей*, на *вечное кружение* среди хлопьев, улетающих во мрак. Он застынет в ликовании вьюги, и не будет исхода из великой радости над великой пустотой» [5: 461].

Обычно в состоянии вьюги движение человека прекращается. Однако «двенадцать» в поэме идут *державным* шагом. Но идти державным шагом без Христа невозможно. Если обратиться к семантике этого слова, то «державный» – сильный, могучий; избранный, превосходный, приятный, усладительный [6: 141]. Поэт пытался соединить несоединимое. Земная действительность говорила о *воцарении* «двенадцати», поэтому и появилось в поэме выражение «державным шагом», т.е. царским. Так «внезапно» в поэме возникает образ Христа – «Царя славы». Ю. П. Анненкову поэт советует изобразить Христа «маленьким» [7: 286]. Далее Блок «почему-то» решает, что Христос «уходит».

Блок был удивлён появлением в поэме Христа. Поэт оказался в противоречии со своей же мыслью, что «стихия выше человека» – мысль, которую он раньше развил в статье «Душа поэта». Поэма «Двенадцать» начинает жить самостоятельной жизнью, больше не подчиняясь воле художника.

Однако возникновение образа Христа в поэме Блока было закономерным. «Черты действительности как током воздуха занесены вихрем блоковской впечатлительности в его книги. Даже самое далёкое, что могло бы показаться мистикой, что можно бы назвать «божественным». Это тоже не метафизические фантазии, а рассыпанные по всем его стихам клочки церковно-бытовой реальности, места из ектеньи, молитвы перед причащением и панихидных псалмов, знакомые наизусть и сто раз слышанные на службах» [8: 548].

Христос в творчестве Блока – доминирующий образ в сознании поэта.

Образ Христа в поэме Блок создал весьма противоречивым. Д.Е. Максимов называет его «необходимым» по замыслу поэмы, но «зыбким и двоящимся» [9: 149].

Действительно, шествие двенадцати красноармейцев за Христом – весьма противоречивый и кощунственный факт (Известно, что когда в феврале 1918 года Вячеслав Иванов прочёл «Двенадцать» Блока. – «В белом венчике из роз / Впереди Иисус Христос», он воскликнул: «Как?! Впереди такой мерзости!». Вяч. Иванов огорчился и отошёл от Блока.

Возникает странное объяснение Блока о Христе иллюстратору поэмы «Двенадцать» Ю.П. Анненкову (письмо к Анненкову от 27 марта (9 апреля) 1918 г.): «Знаете ли Вы (у меня – через всю жизнь), что, когда флаг бьётся под ветром (за дождём, или за снегом, и главное – за ночной темнотой), то *под ним* мыслится кто-то огромный, как-то к нему относящийся (не держит, не несёт, а как – не умею сказать)» [7: 286].

В Дневнике от 10 марта (25 февраля) 1918 года Блок пишет о факте Христа: «Я только констатировал факт: если взглядеться в столбы метели на *этом пути*», то увидишь «Исуса Христа» [10: 246].

Вьюга - крест - смерть – триада, встречающаяся в раннем творчестве Блока, задолго до написания «Двенадцати». В сознании поэта вьюга и крест – те неразрывные величины, которые не могут существовать друг без друга. Например, в ранней лирике, в стихотворении, написанном 8 января 1907 года, читаем:

.....

Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

.....

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест ...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд ...

(«И опять снега»)

В лирической драме «Роза и крест» (1913) в песне Бертрана вновь сосуществуют *крест* и *вьюга*.

Странная песня о море
И о *кресте*, горящем над *вьюгой*...

Объясняя поступок своего лирического героя и возможности дальнейшего развития образа Изоры в драме «Роза и крест», поэт говорит о христианской любви Бертрана: «...может быть, наконец, её судьба совсем не сходна с судьбою человека, который любил её *христианской* любовью и умер за неё как *христианин*, открыв для неё своей смертью новые пути» (курсив Блока) [11: 411].

В стихотворении Блока «Не бойся умереть в пути...», 1902 (1915) поэт говорит о временной тленности человеческого существования на земле, о силе страха перед смертной болью и других его «гранях». Преодоление любого страха и, в том числе страха перед смертью Блок считает возможным, если «внимать словам церковной службы»:

Не бойся умереть в пути.
Не бойся ни вражды, ни дружбы.
Внимай словам церковной службы,
Чтоб грани страха перейти.

Важно, что *крест* в миропонимании Блока противопоставлен *смерти*, страху. Видимо, то противоборство, сомнение (с Христом или нет), возникшее в душе поэта, и отразилось в его ранней, зрелой и поздней лирике: созидание и разрушение креста вьюгой, «неожиданное» появление Христа в поэме «Двенадцать».

Появление образа Христа в поэме «Двенадцать» – правда художника. Поэт при противоречивом, иногда откровенно негативном отношении к образу

Христа (см. письма к Е.П. Иванову от 15 июня 1904 г., от 25 июня 1905 г.), констатировал ту духовную реальность, которую знал по наитию и которой часто сопротивлялся логически [7: 66, 82].

Ветхозаветная, Новозаветная образность сосуществуют в поэтике А. Блока.

Однако, если для произведений раннего символизма и были характерны признаки «абсолютного небытия», то в позднем творчестве символистов и акмеистов начинают звучать библейские и пушкинские мотивы, слово обретает целостность и гармонию. Оно вновь становится сакральным в противовес существующему речевому хаосу эпохи начала XX-го века.

Действительно, если рассматривать позднюю лирику Н.Гумилёва, в ней можно найти много пушкинских мотивов-отражений. Вслед за Пушкиным в поэзии Гумилёва – отношение к поэтическому дару, как данному свыше и ощущение ответственности перед доверенным небом даром.

Известно, что выражение «окрылённый серафим», как и определение «крылатый» – одно из самых частотных слов в поэзии Н. Гумилёва (по выражению Н.А. Струве). Оно указывает на небесное отечество поэта. Пожалуй, это одна из «проекций» известного пушкинского образа «шестикрылого серафима», «водвинувшего» «во грудь поэта» «уголь, пылающий огнём». Поэт-пророк способен преодолевать земные границы, стать средоточием прошлого, настоящего и будущего.

А те, кому доверены судьбы
Вселенского движения и в ком
Всех ритмов бывших и небывших дом,
Слагают окрылённые стихи,
Расковывая косный сон стихий.
(«Вечер», 1912).

Пространство Гумилёва на Вселенную. Пространство поэтического мира поэта совершенно, гармонично:

Моё прекрасное убежище –
Мир звуков, линий и цветов,
Куда не входит ветер режущий
Из недостроенных миров.
(«Моё прекрасное убежище», 1913).

Проведём текстуальные параллели. Стихотворение Пушкина «Пророк» отобразило одно из важнейших событий в духовном бытии поэта, событие, которым отмечен перелом в судьбе Пушкина.

Духовной жаждой томим,
В пустыне мрачной я влачился.
«Духовная жажда» – внутреннее стремление твари к Творцу.
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...
И начинается преображение человека:
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он:

Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Всё открывается восприятию пророка – от Горнего мира до морских глубин мира земного:

У Пушкина
И внял я неба содроганье
.....
И дольней лозы прозябанье.
(«Пророк»).

У Гумилёва
Растущего дня надвигается шорох
(«Видение», 1912).

Если перевести два стихотворения на рационально-логический язык, то у Пушкина: *Я услышал, как прорастает лоза*. У Гумилёва: *Я слышу, как растёт день*. Наиболее часто встречающиеся библейские символы, выражающие антиномические отношения в поэзии Н. Гумилёва: сон, огонь, рай, час, смерть, обозначающие духовную реальность в сознании лирического героя.

У Гумилёва, как и у Пушкина возможно появление героя, который страдает, обладая всеми земными благами в преизбытке.

У Пушкина
Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать? Тоска, тоска...
(«Евгений Онегин»).

У Гумилёва
Ах, я не живу в пустыне,
Я молод, весел, пою,
И Ты, я знаю, отринешь
Бедную душу мою
(«Счастье»).

Мотивы разочарования, осознания быстротечности времени, ощущения финала жизненного пути, беспощадный анализ прожитого и пессимистический итог-приговор ей – черты поздней лирики, свойственные обоим поэтам. Можно также утверждать, что подобные мысли посещали не только Пушкина и Гумилёва. Осознание того, что земная реальность не отражает полноты бытия, что существует духовная реальность, которую поэты стремились постичь целостно – составляет основу их поздней поэтической концепции, которой свойственно обобщение важных наблюдений и выводов о закономерностях реальной жизни, принятие их спокойно, с мудростью.

У Пушкина
**Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,**
Что изменяли её всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой
(«Евгений Онегин»).

У Гумилёва
Я молод был, был жаден и уверен,
Но дух земли молчал, высокомерен,
И умерли слепящие мечты,
Как умирают птицы и цветы.
Теперь мой голос медлен и размерен,
Я знаю, жизнь не удалась ... и ты
(«Пятистопные ямбы»).

Тема побега от ненужной суеты мира, чёткое представление о важности иной, духовной реальности, **присутствует** в стихотворениях Пушкина «Странник» и Гумилёва «Пятистопные ямбы».

У Пушкина

**Куда ж бежать? Какой мне выбрать
путь?»**

.....

«Я вижу некий **свет**», – сказал я наконец.

«Иди ж, – он продолжал, – держись
сего ты света,

Пусть будет он тебе единственная
мета,

Пока ты **тесных врат спасенья** не
достиг, ступай!» –

И я бежать пустился в тот же миг.
(«Странник»).

У Гумилёва

Есть на море пустынном монастырь

Из камня **белого, золотоглавый**,

Он озарён немеркнувшею славой.

Туда б уйти, покинув мир лукавый,

Смотреть на ширь воды и неба ширь...

В тот **золотой и белый** монастырь

(«Пятистопные ямбы»).

Произведения Пушкина и Гумилёва роднит лексика, восходящая к библейскому тексту: «свет», «тесные врата спасенья», «мир лукавый». Можно утверждать, что одинакова и цветовая палитра стихотворений (пушкинский *свет* и цветовые прилагательные *золотой* и *белый* у Гумилёва). Известно, что слова *свят* и *свет* филологически тождественны (по выражению Ф.Буслаева, Дьяченко и др.). Так желание лирического героя Гумилёва уйти в «пустынный монастырь» тождественно стремлению лирического героя Пушкина к свету (святости). Эпитеты *золотой* и *белый* в поэтике Гумилёва часто символизируют рай: Мне из рая, прохладного рая, / Видны *белые* отсветы дня; Я молчал, мечтая об одном, / Чтобы скрипка ласковая спела / И тебе о *рае золотом*; Но *солнечным* облаком рая / Ты в тёмное сердце вошла. *Свод небесный* будет раздвинут / Пред душою, и душу ту / *Белоснежные* кони ринут / В ослепительную высоту; не приведёт единорога / Под уздцы к нам *белый серафим*.

Тема бесплодного «поэтического побега» в творчестве поэтов также представляет собой общее философское значение. Сложно принять мысль, что тема разочарования в жизни была одной из последних. Вопрос: «Куда плыть?», (т.е. «Как дальше жить?») был задан поэтами за три года до их смерти.

У Пушкина

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
(«К морю ...», 1824).

«**Куда ж нам плыть?**»
(«Осень...», 1833).

У Гумилёва

Ведь это было так давно

И где-то там, за небесами

Куда мне плыть – не всё ль равно,

И под какими парусами?

(«Среди бесчисленных светил ...», 1918).

Поэзия позднего Гумилёва – поэзия пророчества, выход за пределы земного бытия, осознание и согласие с закономерностями всех превратностей

человеческой судьбы: Рвись, конь, но помни, что *печали / От века гнать не уставали / Свободных ... гонят и досель*, / Тогда поможет нам едва ли / И звонкая моя свирель; Молчу, томлюсь, и отступают стены – / Вот океан, весь в клочьях белой пены, / Закатным солнцем залитый гранит, / И город с голубыми куполами, / С цветущими, жасминными садами, / Мы дрались там... *Ах, да! Я был убит*; Упаду, смертельно затоскую, / Прошрое увижу наяву, / Кровь ключом захлещит на сухую, / Пыльную и мятую траву; И я приму – о да, не дрогну я – / Как поцелуй иль как цветок, / С таким же удивленьем огненным / Последний гибельный толчок.

Тема пророчества, частое обращение к библейским образам в поздней лирике – особенности поэтического мира поэзии А.С. Пушкина и Н.С. Гумилёва. И, если особенность ранней лирики Гумилёва – уход от современной реальности, стремление к экзотике, то впоследствии в мировоззрении автора происходит приятие действительности такой, какая она есть. У Пушкина эта мысль ёмко выражена в стихотворении «Пора, мой друг, пора ...».

Взаимодействие с сакральным пространством Библии дало поэтам *память* – одну из самых частотных пространственно-временных категорий в лирике акмеистов. «Большая память» (выражение М.М. Бахтина) позволила акмеистам обойти эпоху и по-особому понять и оценить смерть. Память у акмеистов – это победа над земным временем и вхождение во время иное – онтологическое, принятие вечности со всеми её неземными законами.

Только память вы мне оставьте,

Только память в последний миг.

(«Умирая, томлюсь о бессмертье...», 1912).

Память у акмеистов – это попытка сохранения себя в вечности. Бережное отношение к прошлому и осознание его ценности, обращение к Логосу дало акмеистам победу над временем. Так, события, происходящие в настоящем времени, в лирике поэта часто представляли собой не что иное, как отголоски глубинного прошлого:

Я молчу, молчу, готовая

Снова стать тобой земля

(«Я пришла сюда, бездельница...», 1911).

Выражение «Снова стать тобой, земля» – своеобразная параллель (а может, даже некая интерпретация) церковнославянскому тексту панихиды: яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем... (ты создан из земли и в землю отойдёшь, куда пойдут все люди).

Географическое пространство в поэтическом мире А. Ахматовой легко преодолевается при достижении высоких целей. В «поэтической» концепции пространства и времени А. Ахматовой сильна укоренённость в онтологическом аспекте, прослеживается изменение (сжатие или расширение) обычного географического пространства для передачи глубинных душевных потрясений: Как зачарованная шла / Через моря и реки; И когда друг друга проклинали / В страсти, раскалённой добела, / Оба мы ещё не понимали, / Как земля для двух людей мала; Я любимого нигде не встретила: / Столько стран прошла напрасно.

Так сюжетное действие развёртывается на очень широком и разнообразном географическом фоне (моря, реки, страны).

Установив основные особенности *пространственно-временного мировосприятия* и их отражение в поэзии каждого из трёх акмеистов, мы пришли к выводу, что для поэзии А. Ахматовой, Н. Гумилёва, О.Э. Мандельштама характерно *эсхатологическое* отношение к будущему. Однако *будущее* мыслится авторами по-разному:

- как надвигающаяся катастрофа у Мандельштама;
- ожидание преобразования земной действительности у Гумилёва;
- прятие всех «закономерных» превращений («снова стать тобой, земля») у Ахматовой.

Настоящее не обесценивается (!) ни в творчестве А. Ахматовой, ни в творчестве Н. Гумилёва, ни в творчестве Мандельштама («твой мир болезненный и странный, я принимаю пустота»), несмотря на осознание всей сложности и трагичности происходящего.

Можно утверждать, что вектор акмеистов стремится к *реальному будущему*, которое они считают должным и истинным, приобщённым вечности, противопоставленным действительно настоящему существующему времени и пространству. И дело даже не в оценочной характеристике настоящего: хорошее оно или плохое, важно, что оно для них не истинное.

Стремление акмеистов к целостному, гармоничному восприятию мира, к сакральному миру Библии дало возможность воссоединения двух миров (небесного и земного), осознания себя, своего назначения, преодоления чувства обычного человеческого страха перед неизбежно приближающимся концом.

Зыбкость границ между сферой реальности и ирреальности, «пространственные перенесения», попытка осмысления инобытия, преодоление земного пространства – результат поиска выхода из сложной духовной ситуации, сложившейся в эпоху начала XX века.

Таким образом, сложно утверждать о разрыве русской культуры первой трети XX-го века с предшествующей славяно-русской традицией. Парадоксально, но в предреволюционной и революционной ситуации, когда видимо рушились основы прежнего общества, глубокие структурные основы национальной модели, сложившиеся в предшествующие века остались сохранёнными. Подтверждение этого тезиса ярче всего отразилось в поэтической речи, содержащей элементы библейского текста.

Примечания

1. Мандельштам О.Э. О природе слова. // Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихи и проза 1906-1921. – М.: Арт - Бизнес - Центр, 1999. – С. 222.

2. Ханзен-Лёве А. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. – СПб.: Академический проект, 1999. – 506 с.

3. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX-го века. – М.: Наука, 1986. – 253 с.

4. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 2. – Л.: Художественная литература, 1980. – 512 с.
5. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 4. – Л.: Художественная литература, 1980. – 461 с.
6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – Репринтное издание. – М.: Отчий дом, 2001. – 1120 с.
7. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 6. – Л.: Художественная литература, 1980. – 420 с.
8. Пастернак Б. Люди и положения / Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. III: Проза / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. – М.: СЛОВО / slovo, 2004. – 632.
9. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Л., 1981. – 552 с.
10. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5. – Л.: Художественная литература, 1980. – 425 с.
11. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 3. – Л.: Художественная литература, 1980. – 420 с.

Джабасова А. Б. (г. Актобе, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

На природу предложений с причастием на-ған в тюркологии издавно обращалось внимание. Предложения с причастием на-ған, с одной стороны, тяготеют к сложноподчиненным предложениям, с другой – синтаксическим оборотам.

Для выражения конструкций с атрибутивными отношениями в системе синтаксиса казахского языка издавна широко использовались причастные конструкции, которые в зависимости от своего лексического наполнения могут быть и ярко выразительными, эмоциональными, образными, что характерно и для русского языка.

Общим для обоих языков является грамматическое определение категорий причастия как глагольно-именной формы. В русском языке причастие – глагольно-прилагательная форма; в казахском – причастие обладает признаками не только глагола и прилагательного, но и существительного от основы любого первичного и производного глагола. Образование причастий русского языка, в отличие от казахского имеет ряд условий. К примеру страдательные причастия образуются только от переходных глаголов (привозить – привозимый, вычислять – вычисляемый, нарушать – нарушаемый); причастия настоящего времени от основ глаголов настоящего времени, причастия прошедшего времени – от основ глаголов неопределенной формы (раскрывать – раскрывающий, раскрываемый, раскрыть – раскрытый, раскрывший), от глаголов несовершенного вида образуется причастие как настоящего, так и прошедшего времени, например:

*Иду к бойцам, **проводившим** всю ночь под проливным дождем и **пронизывающим** ветром.*

*Со связкой гранат Клочков бросается на **надвигающий** танк.*

От глаголов совершенного вида образуется причастия только прошедшего времени:

*Рота танков обгоняла **залегшую** цепь пехоты, и на коротких остановках прочесывала лес огнем из пулеметов.*

В казахском языке причастие не склоняется, когда употребляется рядом с определяемым словом; если причастие употреблено без определяемого слова; то склоняется, и склонение его тождественно склонению существительного.

*Орындыққа отыра кеттім де
шырт ұйқыда жатқандарға
қарадым.*

*Интересно было смотреть на
спящих.*

Жоғарыда айтылғанға сүйініп...

Опираясь на выше сказанное...

*Айтқаның көңілге қонымды екен,
... артиллеристерге өзін тапсырма
бер*

*Сказанное тобой поднимает
настроение, ... поставь задачу
артиллеристам сам.*

Напротив, причастие в русском языке имеет два времени: настоящее и прошедшее и склоняется подобно прилагательному: *тело, засыпанное осколком снаряда; из разведки возвращающаяся рота; сожженные дома.*

В казахском языке причастие имеет все формы времени:

*Танковқа тиген оқ өзінді де жұлып
әкетуі мүмкін де еді.*

*Пули, угодившие в Танкова, могли
сразить и тебя.*

(давнопрошедшее время)

*Майданға аттанар алдында біз
Талғарда бас қосып едік.*

*Мы встрились в Талгаре перед
отправлением на фронт.*

(предположительное)

*Немене, тағы да соғысқа
бармақңыз ба?*

*Что опять отправимся на
передовую?*

(будущее время цели)

*Елин еш уақытта да менің
атымды, немесе фамилиямды
атап сөйлемейтін.*

*Елин обращался со мной на «ты» и
редко называл фамилии.*

В русском языке причастия делятся на действительные и страдательные: ведущие танки, встревоженный комбат, спящие, укутанные дети, уважаемый командир, вынужденный план действия, отступившие враги; они могут быть возвратными, употребляясь с постфиксом – ся: *завязавшийся бой, улыбающийся генерал, возвращающаяся рота.*

В казахском языке такого деления нет, но примеры-эквиваленты русским действительным и страдательным причастиям, прямым и возвратным указать можно.

*Менің алдымда жүгіріп бара
жатқан жауынгердің сол қолын
жеңінің шыға берісінен минаның
жаңқасы отап кетті.*

*Екеуі де біздің батальонның
барлық ұрыстарының ішінде
болған жауынгер жігіттер.*

*Менің пысық, ақкөңіл жәрдемшім,
майдандағы үзеңгі жолдасым,
көпті бастан бірге өткізген
Хабиболла Рахимов.*

*В одну из очередных наших
контратак осколком мины ранило
руку бежавшего впереди меня
бойца.*

*Оба, участвовавшие во всех боях
батальона, были неразлучными
друзьями.*

*Вот мой исполнительный и всегда
разумный помощник, товарищ,
прошедший со мной через многие
трудности, - Хабибулла Романов.*

Причастие, как глагол, в обоих языках имеет пояснительные слова, но в русском языке пояснительные слова стоят обычно после причастия, в казахском же языке, как правило – перед ним, образуя причастный оборот.

*Жаңбыр себелеп тұр. Одан именіп,
одан қорғанып бұғып бара
жатқан ешкім жоқ.*

*Дождь моросил бойцам в лицо.
Они не защищались, или с
поднятыми головами.*

Существительные с причастиями образуют словосочетания в атрибутивном отношении, например:

*аттысқан жауынгер – воющий солдат
соққан қара жел – пронизывающий ветер
тылға өтіп кеткен жау – проникающий в тыл враг*

Причастия- определения в прошедшем и в настоящем времени являются результативными, органическими и процессуальными признаками предметов, например:

*Атылған оқ – выстрелянная пуля
Себелеген жаңбыр – морозящий дождь
Ұшқан снарядтар – летящие снаряды
Тиген оқ – угодившая пуля*

Данные предметы показывают употребление причастий прошедшего времени, но они могут быть употреблены с этим же аффиксом **-ған** и в настоящем времени самостоятельно или вместе с другими словами и глаголами: отыр, тұр, жүр, жытыр, например:

сыртыннан байқап тұрған тыншылар – наблюдающие разведчики.

Атрибутивное значение причастий в составе именных словосочетаний резко отличается от всех других определений: если, например; прилагательные выражают различные качества и свойства предметов в виде статистических признаков, то причастия выражают различные процессуальные признаки предметов с указанием на динамику движения. Такой характер причастного определения легко можно различить в сравнении со следующими словосочетаниями:

*ақ қар (белый снег) – ағарған шаш (поседевшие волосы)
қайғылы оқиға (печальная история) – қайғырған ана (опечаленная мать)*

Из причастных определений к именам существительным тесно примыкают причастия, образованные от глаголов с именными основами, например:

картаға болжанған жер – предположительное место на карте

өртенген ағаштар – горящие деревья

орналасқан зеңбіректер – установленные орудия

мындаған снаряд – тысячи снарядов

словосочетания с причастиями в прошедшем времени и словосочетания, состоящие из причастий будущего времени и из имен существительных:

*...Қызыл қаламмен сызылған біздің
бекініс жөні басқұрдай тоқылып
көрсетілген екен*

*С западной стороны деревень
троково, Ченцы, Ядрово,
Дубосеково и других, проходила
плотно примыкая к лесу, красная
полоса линий нашей обороны.*

*Бір уақытта автоматтың
тырсылдаған дауысы естілді.*

*Участились трескотня
беспорядочной стрельбы.*

*Рахимов орман ішінде қалатын
взводты ертіп алып кетті.*

*Рахимов увел взвод, который
должен был остаться на опушке
леса.*

Очень часто причастия входят в состав именных словосочетаний с теми именами, которые относятся к ним и образуют сложные словосочетания, например:

*Өткен күндерде шеккен
мехнаттарымыздың бәрі түс
көргендей артта қалды.*

*Все, пережитое нами за этот
день, теперь на самом деле было
позади.*

*Сапта кетіп бара жатқан
азаматтар маған үнсіз, тілсіз
шыраймен қарайды.*

*Проходящие в строю бойцы и
командиров поздравляли меня
молчаливыми взглядами.*

Причастия могут относиться к субстантивированным качественным именам и составлять с ними именные словосочетания:

Ұйқыда жатқандарға қарадым – смотрел на спящих

Айтқаныңызды орындадым – выполнили просьбу

В русском языке причастный оборот, стоящий после определяемого слова, обособляется интонационно и выделяется запятыми.

Резюмируя все сказанное, приходим к следующим выводам:

1. Причастие в сопоставляемых языках в предложении могут быть чаще всего определением, либо сказуемым. Синтаксические функции казахских причастий более широки: они могут играть роль любого члена предложения.

2. Для казахского языка обособление не характерно.

3. Причастия в русском языке употребляются в прошедшем и настоящем времени, в казахском во всех трех временах.

4. В русском языке причастие склоняется как прилагательное, в казахском как имя существительное.

Примечания

1. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. – М., 1967.
2. Есенов Х.М. Синтаксис осложненного предложения в казахском языке. – А.А., 1992.
3. Исаев С.М., Нуркина Г.Т. Сопоставительная типология казахского и русского языка. – Алматы, 1996.
4. Карымсакова Р.Д. Обособленные именные обороты казахского и русского языков. – Алматы, 1993.
5. Момыш-ұлы Б. «За нами Москва». – М: Военное издательство, 1988.
6. Момыш-ұлы Б. Шығармалар, I том. – Алматы, 1968; Қазақ тілі грамматикасы. – Астана, 2002.

Сведения об авторах

Абдигази Сандугаш Хасенкызы – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Айталы Амангельды Абдрахманович – доктор философских наук, профессор Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Бегимбаева Жибек Сагинбаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории и исторических дисциплин Актюбинского регионального государственного университета имени К.Жубанова (г.Актобе, Казахстан)

Бушухина Ирина Владимировна – искусствовед, заведующая отделом галерея «Оренбургский пуховый платок» ГБУК «Оренбургский областной музей изобразительных искусств» (г. Оренбург, Россия)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, эксперт АНО «Содружество народов Евразии», старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Джабасова Асылзат Бимуратовна – старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Дмитриева Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Еремина Наталия Александровна – кандидат исторических наук, директор Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (г. Оренбург, Россия)

Желтова Валентина Ивановна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Карабаева Карлгаш Дияровна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общих правовых дисциплин и политологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Комлев Юрий Эдуардович – доктор культурологи, профессор Оренбургского государственного института искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей, директор ГБУК «Оренбургский областной музей изобразительных искусств» (г. Оренбург, Россия)

Куздыбаева Акмарал Аманбаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Купенова Гульмира Ыхласовна – кандидат исторических наук, доцент Актюбинский региональный государственный университет имени К.Жубанова (г.Актобе, Казахстан)

Қызылбаева Айдана Тыныштыковна – старший научный сотрудник Актюбинского историко-краеведческого музея (г. Актобе, Казахстан)

Лубенец Александр Михайлович – директор МБУК г.Бузулука «Бузулукский краеведческий музей» (г.Бузулук, Россия)

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Максимова Ольга Николаевна – кандидат политических наук, начальник отдела международных связей Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург, Россия)

Марченко Ксения Юрьевна – главный архивист отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г. Оренбург, Россия)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, эксперт АНО «Содружество народов Евразии», старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Нижник Елена Васильевна – заведующий научно-экспозиционным отделом МАУК «Орский краеведческий музей» (г. Орск, Россия)

Пирманова Назира Исмековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Попов Виталий Борисович – кандидат исторических наук, директор музея истории ОГУ, преподаватель кафедры Истории ОГУ (г. Оренбург, Россия)

Попова Валентина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Пороль Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Савицкий Георгий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент заведующий кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург, Россия)

Сансызбай Нурсауле Сериковна – старший научный сотрудник Актюбинского историко-краеведческого музея (г. Актобе, Казахстан)

Сарсембай Жаркынай – студентка 4 курса филологического факультета Актюбинского Регионального Государственного университета им. К.Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Смекалов Игорь Владимирович – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник ГБУК «Оренбургский областной музей изобразительных искусств» (г. Оренбург, Россия)

Суюнбаева Алтынгүль Жакиповна – старший преподаватель кафедры государственного языка Военного института Сил воздушной обороны Республики Казахстан (г. Актобе, Казахстан)

Тугай Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Тулепов Нуржан Жолдыгалиевич – заведующий историко-этнографического музея имени Жангир хана, соискатель Оренбургского государственного педагогического университета (г. Уральск, Казахстан)

Унгарбаева Гульмира Ибрагимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова (г. Актобе, Казахстан)

Фурсова Ирина Алексеевна – директор муниципального культурно-просветительного автономного учреждения «Музейно-выставочный комплекс» г. Новотроицка (г. Новотроицк, Россия)

Харциенко Наталья Николаевна – старший научный сотрудник галереи «Оренбургский пуховый платок» ГБУК «Оренбургский областной музей изобразительных искусств» (г. Оренбург, Россия)

Черниенко Денис Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент, Старший научный сотрудник отдела междисциплинарных и прикладных исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

Международный круглый стол «Вместе на одной земле. Роль культуры и образования в развитии интеграционных процессов» (г. Актобе, 3 марта 2015 г.)

Максименко Е.И. Правовые основы Евразийской интеграции	3
Купенова Г. Ы. Оренбургский учебный округ как отражение образовательной политики Российской империи в многонациональном регионе.....	5
Бегимбаева Ж. С. Становление казахстанской науки в 1920-е годы: оренбургский этап деятельности Общества изучения Казахстана	17
Моргунов К. А. Развитие казахского этнокультурного образования в Оренбуржье (1918-2015 гг.).....	27
Максимова О. Н. Общество равных vs этнокультурное сообщество граждан	38
Карабаева К. Д. Евразийские ценности в аспекте права и морали.....	42

МЕЖДУНАРОДНАЯ РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МУЗЕИ КАК ЦЕНТРЫ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА», посвящённая 185-летию музейного дела в Оренбуржье (г. Оренбург, 29 мая 2015 г.)

Первая сессия

Еремина Н. А. Музей как центр сохранения и популяризации историко-культурного наследия Оренбургского края.....	50
Комлев Ю. Э. Роль музея в культурном пространстве региона	54

Қызылбаева А. Т.
Музей и его роль в сохранении и пропаганде культурных ценностей57

Тулесов Н. Ж.
Оружейная палата и Библиотека Ханской Ставки Жангир хана как символ ценностного отношения к истории..... 63

Тугай Т. И.
Подвижник музейного дела Г.И. Филиппович (1920-е гг.) 71

Попов В. Б.
Университетский музей как межкультурная исследовательская площадка 77

Сансызбай Н. С.
Роль музея в сохранении национальных ценностей казахского народа (на примере прикладного искусства) 80

Вторая сессия

Черниенко Д. А.
Украинская традиционная культура в музейных коллекциях Южного Приуралья 84

Марченко К. Ю.
Оренбургский областной краеведческий музей во II половине 1940-х – 1950-х гг. в архивных документах..... 89

Нижник Е. В.
Этнографическая коллекция Орского краеведческого музея. К проблеме пополнения и развития 93

Фурсова И. А.
Роль Новотроицкого музейно-выставочного комплекса в сохранении этносоциальной стабильности в регионе 94

Савицкий Г. В., Желтова В. И., Ляшенко И. Э.
Экспозиция кабинета-музея истории медицины ОрГМУ как источник изучения народной медицины населения Урало-Казахстанского региона..... 99

Смекалов И. В.
«Необычайные абзацы» Сергея Калмыкова, история создания текста и его реконструкция 101

Бушухина И. В., Харциенко Н. Н.
Оренбургский пуховый платок – символ добрососедских отношений 106

Лубенец А. М.
Творческое сотрудничество национальных культурных центров и музея в
сохранении наследия края 106

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УРАЛО-КАЗАХСТАНСКОГО РЕГИОНА»
посвящённый Дню славянской письменности и культуры
и 20-летию Ассамблеи народа Казахстана
(г. Актобе, 23 мая 2015 г.)

Денисов Д. Н.
Православная община Актюбинска (Актобе) в 1869–1937 гг. 115

Попова В. И.
Словолюбие в контексте взаимодействия самобытных культур и
национальных языков..... 120

Пирманова Н.И.
Говоры Уральских (Яицких) казаков в зеркале двух культур:
этнолингвокультурологический аспект 123

Айталы А. А.
Смена алфавита не только фонетическая, но и большая политическая
проблема 127

Абдигази С. Х.
Языковая политика и проблема многоязычия в Казахстане..... 134

Суюнбаева А. Ж.
Роль русского языка в профессиональном общении (на примере сферы
авиации в Республике Казахстан) 142

Дмитриева Н. М.
Этническая значимость церковнославянизмов в русском языке 147

Унгарбаева Г. И., Сарсембай Ж. М.
Славянизмы в языке современных казахстанских газет 151

Куздыбаева А. А.
Функционирование зооморфизмов в русском и казахском языках..... 157

Пороль О. А.	
Библейские мотивы в творчестве русских поэтов первой трети XX века	164
Джабасова А. Б.	
К вопросу об изучении синтаксических единиц в сопоставительном аспекте	174
Сведения об авторах	179

«ЕВРАЗИЙСКИЙ ПЕРЕКРЕСТОК»

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ**

Выпуск первый

Подписано в печать ...08.2015 г.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага писчая. Цена свободная.

Усл. печ. листов 11,75. Тираж 250. Заказ .

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26
